

A. KARST

WARS WORD

STORY ONE

Immortality

His name is Aran Velis.

"An Introductory Story to the

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

World"

18+

А Карст

Warsword : story one

<https://litres.ru/74096559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Полный сборник первого рассказа, который позволит познакомиться с миром Warsword, В сборник входят ранее опубликованные рассказы, объединённые в цельную историю, а также расширенное авторское послесловие

Содержание

Дирижабль	94
Взрыв	96
Развал страны	103
Призыв Чернобога	104
Нашествие Дочери Бога	105
Конец ознакомительного фрагмента.	233

А Карст

Warsword : story one

Автор: А. Karst

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ : ИММОРТАЛИТИ

Арка I: Агни Парфене

Предисловие

Мир трещит под гнётом страданий. Бесконечные вторжения из иных измерений оставляют на его теле новые раны.

Нужны герои.

Но кто решит судьбу рас — те, кто ищет света, или тот, чья железная рука сможет подчинить мир и возвести рядом с собой императрицу?

Этот мир был рожден в противоречии.

Башни готических соборов пронзают небо, увешанные гаргульями и витражами, в которых горят чары древних орденов. Узкие улочки городов залиты дождём и светом газовых фонарей, по мостовым стучат сапоги паладинов и когти механических псов. где короли ведут войны за трон, но на полях сражений вместе с рыцарями стоят механизированные воины в доспехах, подпитываемых магическими батареями. Корабли, сотканые из кости драконов и стали, парят

в небесах, их двигатели гудят древними заклинаниями, смешанными с технологиями словно из других миров.

Магия и наука здесь не спорят — они перемешаны, как яд в вине.

Некроманты воскрешают павших с помощью наночастиц крови, алхимики управляют потоками энергии, заключёнными в руны, а инженеры собирают орудия, что стреляют плазмой, питаемой душами.

И над всем этим висит готическая тень: огромные шпили храмов, вечный дождь, крики ворон над полями костей.

Это мир, где судьбу решают не только армии и императоры, но и наёмники, предатели, изгнанники и дети, которым пришлось повзрослеть слишком рано.

«Имена их будут звучать непривычно. Кто-то сочтёт их чуждыми, слишком земными, будто вырванными из другого мира. Но такова воля Эха — реки памяти, что течёт сквозь Эхосферу. Оно приносит имена из всех миров, и каждое становится печатью судьбы. Александр. Никола. Хилена. Они не случайны. Они — осколки иных времён, отпечатки душ, что пришли издалека».

«Эхосфера — это место, где страхи и надежды живых рас обретают плоть. Там рождаются демоны, там же формируются и боги. Даже Хаос дрожит, когда Эхосфера начинает звучать слишком громко».

• Год 3 265 месяц Земли

Тьма пещеры шептала каплями воды и запахом гари.

Александр — Александр, как звали его в Новом Свете, — стоял над алтарём из чёрного камня. На нём лежало хрупкое тело принцессы, когда-то живой, теперь — лишь оболочка.

Он месяцами ломал её плоть и дух, пока не создал то, что искал.

Кровь, его собственная кровь — алая, вечная — стекала в кубок. В ней горела сила рода Вечных.

— Твоё предназначение выше, чем смерть, — прошептал он, вливая эликсир в её губы.

Принцесса задышала. Жизнь вернулась в тело, но ум был скован: кол в мозгу не позволял памяти пробудиться. Она была сосудом.

Именно так должен был родиться его дар — не для него, а для новой крови.

Белоснежной. Чистой. Бессмертной.

Александр отнёс её в земли знатного человека.

Там его магия сотворила ложное чудо: мужчина и женщина полюбили друг друга, не ведая, что их чувства — чары.

Из этого союза родилась девочка.

Кожа её была бела, как снег, и в глазах горел огонь, унаследованный от крови Вечных.

Её называли — Вира.

А далеко на скале...

Трёхметровый демон, закованный в багрово-золотую броню, смотрел вниз.

Его тело было тощим, но жилистым, рога — чёрными, один глаз мёртв и бел. Пасть зияла слишком широко, улыбка трещала от ряда белоснежных зубов.

Он потёр длинные пальцы и рассмеялся.

— О-о... какая игра, — прошипел он. — Называйте меня... Джокер.

Глава 1

Год 3275, месяц Света

Когда мне было двадцать два года, начинался распад.

И если бы я знала, чем это закончится — какой ценой для

меня и моего народа — возможно, я бы рассказала свою историю иначе. Но сейчас пора поведать нынешних дней.

События начались в небольшом городе в центре Белоридии, куда по приказу прибыл младший лейтенант по имени Питр. Его фамилия давно стёрлась из памяти — в нашей работе они ничего не значат. На вокзале его встретили местные милиционеры и повезли по улицам, чтобы показать, чем живёт этот город.

А пока... позвольте мне рассказать историю, случившуюся двадцать пять лет назад.

Год 3 250, месяц Луны

Где-то на рубежах войны царств Ридии и Уильхельма.

Только что собранный отряд наёмников получил задание — добыть золотую маску валькирии, таинственный артефакт, занесённый сюда с Северных земель.

Они называли себя **Золотым Драконом**.

В отряде были:

сэр Никола, мастер подрывных работ;

варвар Рудо, человек грубой силы;

белоридиец Лэшер, искусный воин холодного оружия;

командир Шендан Хилена;

годка Ганзель;

ридийка Алёна, маг и некромант.

Шестеро двигались через поле, стараясь укрыться в кустах, чтобы их не заметила ни одна из армий.

— Ха! В твоих диких землях такой зелени точно нет, — усмехнулся Никола.

— Ещё раз упомянешь мою родину — и я сверну тебе шею, — прорычал Рудо.

— О-о, рот не открывай так широко, — вмешался Лэшер.
— А то туда залетит одно из моих лезвий.

— Хватит, — оборвала их Хилена. — Мы уже у цели. Я, Алёна и Ганзель разведаем периметр. Остальные — в руины. Заберите маску.

— Будет сделано, — кивнул Никола.

Солдаты гарнизона не успели понять, что произошло: клинки блеснули, горло одного было перерезано, другого рассекли в живот. Кровь залила каменные плиты.

Никола занялся ловушками и закладкой зарядов, а Лэшер с Рудо пробились в подземелье. Там, в глубокой зале, сияла маска — золотая, с женским лицом и венком.

Рудо, тяжело дыша, обернулся к Лэшеру.

— Надо было прирезать тебя ещё тогда, беложопая гнида! — прорычал он и вскинул меч.

— Варварская мразь, — процедил Лэшер, тоже выхватывая клинок.

Их сталь почти столкнулась, когда Хилена шагнула впе-

рёд.

Её клинок сверкнул, и варвар застыл с ужасом в глазах. Кровь брызнула на каменные плиты — меч Хилены прошёл прямо через его лицо.

Рудо рухнул.

— Животное, — холодно бросила Хилена, вытирая меч.

— Ты хоть маску не испортила? — крикнула Алёна, подбегая к артефакту. — Фух, масочка цела. А то я уже представила, как приходится её потом от крови оттирать. Хотя, если честно, мне нравится, когда артефакты пахнут свежей смертью. Войска вот-вот придут... Хотя знаешь, это всё напоминает, как я соблазнила одну лесбиянку в таверне. А потом вырезала у неё все органы для некромантии, хе-хе... Она так мило смеялась... пока я не вытащила её печень. Знаешь, органы всегда вкуснее, когда человек ещё верит, что его любят

— Какая же ты мерзкая, — скривилась Ганзель.

...В коридоре послышались шаги. Никола ворвался, весь в копоты:

— Я всё заминировал, но есть проблема — вражеский отряд подходит раньше времени!

Хилена обернулась, глаза полыхнули решимостью:

— **Все наверх! Быстро! Держим оборону!** Алёна, ты

со мной!

Бой был яростным. Клинки скрежетали, кровь заливала ступени. В хаосе Алёна и Хилена исчезли. Никола, понимая безысходность, собирался подорвать всё подземелье. Но Лэшер, предвидя это, ударил его в спину и медленно срезал лицо ножом.

Солдаты ворвались в зал. Лэшер метнул два ножа, но стрела пробила его висок. Он рухнул.

Раненая Ганзель добралась до маски. Облокотившись на стену, надела её.

— Я иду в Вальхаллу... — прошептала она, и копьё вонзилось в её грудь.

Ридийцы праздновали победу. Но ненадолго. В спины им вонзились мечи: в зал ворвались Хилена и Алёна. В руках у Алёны был магический детонатор, подобранный возле тела Николы.

Хилена сорвала маску с головы погибшей Ганзель, и они бросились к секретному проходу.

— Чёртова годка, запачкала артефакт, — скривилась Хилена.

— Да похрен, — отрезала Алёна.

Взрыв прогремел за их спинами. Руины сложились, скрывая следы бойни.

У выхода из шахты они столкнулись с девушкой и ребёнком.

КОМ.

Малыш прижимался к матери, в глазах был только страх.

— Смотри, какая милота, — протянула Алёна, поднимая посох. — Давай я избавлю их от будущих мучений. Может, их кишки ещё и на зелье сгодятся. Хе-хе...

— Опустит посох, — резко сказала Хилена, сжимая рукоять меча.

— Ты стала слишком мягкой, командир. Две лишние туши — и мы идём дальше налегке. Представь, как мило будет смотреться череп младенца у меня на полке...

Удар меча прервал её смех.

Алёна даже не успела вскрикнуть — её розовые глаза широко раскрылись, когда голова упала на холодную землю. Кровь тонкой струёй змеилась к ручью.

Хилена опустила клинок, тяжело дыша.

— Уходите отсюда, — бросила она девушке с ребёнком. — Здесь небезопасно.

Маленькие ножки малыша стучали по лужам, когда они убегали прочь.

Дождь хлестал. Капли барабанили по золотому венку маски, и казалось, будто она плачет кровавыми слезами.

Хилена умыла лицо в потоке, вода тут же смешивалась с багровыми разводами.

Белое золото маски сверкало в её руках, отражая свет молний.

Она завернула артефакт в промокший мешок и шагнула в темноту леса.

Время словно задержалась на её силуэте: женщина с мечом за спиной, в руке — свёрток с проклятой реликвией.

За её спиной гремел взрыв, руины рушились в дыму и огне.

Кровь стекала по золотому венку.

Дождь барабанил по лицу Хилены.

Маска молчала, но её пустые глазницы смотрели прямо в будущее.

Через несколько дней награда была получена.

— Отличная работа, Хилена, — сказал заказчик. — Эта маска — совершенство.

А через месяц она уже отдыхала на райских островах, обсуждая новое задание.

«Война заканчивается только тогда, когда похоронен последний солдат».

«Вы спросите, зачем я рассказываю вам это.

Почему важно помнить о тех наёмниках, которых давно нет в живых, и о маске, покрытой чужой кровью.

Потому что каждая кровь, пролившаяся ради силы, становится рекой, питающей будущее.

Мир рушится не сразу. Его краят по частям — клинками, амбициями, жадностью.

История Золотого Дракона — это не рассказ о победителях. Это предупреждение.

Каждая такая маска, каждый артефакт и каждый выбор в дождливую ночь однажды отзовется эхом.

И в том эхе мы все услышим собственные шаги».

Глава 2

Год 3275, месяц Света

Полчаса езды — и город встретил Питра запахом гарей и пустыми улицами.

Здания стояли с пробитыми стенами, крыши обуглены. Словно кто-то методично вырезал из города куски живого тела.

В отделении ордена объяснили коротко:

— Взрывы, теракты, наркотики. Всё держит криминальный авторитет. Имя неизвестно.

Питр слушал, не показывая страха. Но в груди уже щёлкнуло довольство: даже если официальное задание сорвётся, в таком месте всегда можно подзаработать «налево».

Ему выделили квартиру — стандартное жильё для милицеских, с давно вмонтированными камерами наблюдения. Питр этого не знал у подъезда он сразу заметил соседку.

Девушка лет двадцати восьми, с каштановыми волосами и карими глазами. Простая одежда, спокойный голос. Жила одна.

Она улыбнулась ему слишком открыто.

— Новенький? Я — Марина. Будем соседями.

Питр растаял. В её голосе ему послышалась забота, в глазах — интерес.

А я видела другое. Для меня он был всего лишь жертвой, как и все остальные. Я могла прикончить его ещё на вокзале, но у руководства были другие планы.

Вечером он купил водку, чтобы «отметить переезд». Не прошло и часа, как Марина сама постучала к нему.

— Привет! У тебя есть минутка? Надоело сидеть одной... можно составлю компанию?

Питр оживился. Вино, закуска, разговоры до поздней ночи. Телевизор мерцал, смех звучал. Он уже чувствовал, будто нашёл в чужом городе единственного близкого человека.

А я наблюдала через камеры.

Картинка рябила, но я видела всё: их ужин, её взгляд, его

жадное внимание.

И чем дольше смотрела, тем сильнее меня подташнивало.

Я отдала приказ: мои люди будут следить за ним.

Сама же я отправилась дальше.

А пока... позвольте поведать вам другую историю.

Историю жадности. И того, к чему она приводит.

• Год 3 254, месяц Розы

Восток. Портовый город.

Меня зовут Джаклин. Позывной — *Синий Жук*.

Я бывшая военная, ныне наёмница. И да, я охраняю одного идиота.

Михаил. Этот дрыщ украл деньги у братства и сбежал в Аравию. Теперь платит мне, чтобы остаться в живых.

Я бы с радостью сдала его за награду, но пока он приносит мне золото — пусть живёт.

И вот, конечно же, ему приспичило в церковь.

Там мы и встретили их.

Две «монашки». Только не смейтесь — никакие они не монашки. Первая взрывает себя магией крови, потом собирается обратно. Вторая — здоровенная дылда с двуручным мечом.

Взрыв разнёс алтарь, я едва успела прикрыть собой этого ублюдка. Оглохла, но стояла. Дылда шагнула ко мне — я махнула мечом и снесла ей голову. Красиво.

Михаил обоссался прямо на месте. А я смеялась так, что

чуть не упала.

Но шоу только начиналось.

Из крови второй «монашки» вырвались шипы, они свистели, как стрелы. Я перекатилась, сорвала у неё зачарованный клинок и врезала сапогом прямо в челюсть. Хруст, зубы разлетелись по камням.

Она зашипела и снова начала стягивать плоть — чёртов меч затягивал её раны, как будто сам держал её живой.

Я ухмыльнулась.

— Посмотрим, что будет без твоей игрушки.

Руна вспыхнула на моём лезвии, и зачарованный клинок треснул пополам.

В тот же миг все её старые порезы раскрылись: тело пошло по швам, кровь брызнула из десятков ран. Она захрипела, рухнула в собственную лужу и больше не поднялась.

— Дебил, беги! — я дёрнула Михаила за шкурку и швырнула в канализацию. Пусть там плавает.

А я осталась.

Сверху спустилась виверна. На её спине ещё десяток наёмниц.

— Ну здравствуйте, сучки... — пробормотала я и активировала бомбомёт.

Огненный шар разорвал виверну вместе с её всадницами. Куски мяса падали дождём. Увидели бы вы лицо их эльфийской командирши — будто ей вино испортили.

Двое попытались зайти сбоку. Я поставила мину — один разлетелся на куски. Второму я вогнала нож в пах, вывернула руку и перерезала горло.

— Красиво, да? — усмехнулась я и швырнула его тело в остальных.

стрела вошла мне в щёку, металл прожёл кожу. Кровь залила рот.

Эта сука даже ухмыльнулась: стояла на крыше напротив, держала арбалет, как будто весь мир был её мишенью.

— Метка богов, — прошипела она, перезаряжая.

— Ну всё, зайка, теперь ты моя.

Я метнула дымовую бомбу и рванула на крышу.

Сердце колотило, но мозг работал чисто.

Прыжок. Сюррикены свистнули, один срезал ей кусок уха. Она взвыла и всё же успела достать меч.

Я влетела на её крышу. Удар сапога выбил оружие, она тут же выхватила кинжал и пошла в клинч. Мы сцепились — она дышала мне в лицо, глаза горели ненавистью. Сильная, сука. Почти дожала.

Но я вспомнила арбалет за её спиной. Выкрутила ей локоть, хруст — и рванула спусковой крючок сама. Болт вошёл ей под рёбра.

Она сползла на колени, кровь тёплыми ручьями заливала камни.

— Тварь... — прохрипела она, и всё же попыталась улыбнуться.

Я снесла ей голову.

«Кровь расплескалась по камням, будто кисть художника в последний раз мазнула по холсту».

Михаил, весь в дерьме из канализации, выполз на улицу и закричал:

— Джаклин! Помоги!

Я вытерла кровь с лица, посмотрела на него и засмеялась.

— Ах ты, падла... да ты мне должен прибавку к зарплате.

Он замотал головой. Отказался.

И тогда я увидела свиток с наградой за его голову.

Сумма была... очень приятной.

Я улыбнулась, сняла шлем и облизала кровь с губ.

— Ну что, Мишень... ты мне ещё и заплатишь за свою смерть.

Жадность всегда делает выбор за тебя.

«Почему я рассказала вам эту историю?»

Потому что каждый думает, что он — охотник.

Но в конце концов жадность превращает всех в добычу.

Питр думает так же. Он воображает себя охотником, но на самом деле — дичь, которую мы подкармливаем.

Он ещё пьёт водку с соседкой и строит планы.

На дне стакана отражался огонёк лампы, словно крохотное пламя костра — предвестие пожара.

А я уже знаю: его конец будет похож на конец Михаила.

Война не кончается. Она лишь меняет имя своих жертв.

Глава 3

• Год 3275, месяц Света

Вечер висел над городом тяжёлым дымом. Улицы пустели, только где-то в подворотне тянулся хриплый крик.

Я толкнула дверь бара. Внутри было тесно, пахло табаком и дешёвым спиртом. Местные авторитеты любили собираться здесь — и один из них сегодня ждал встречи со мной. Правда, сам он об этом ещё не знал.

Бармен вздрогнул.

— Снова ты? Надеюсь, на этот раз без убийств?

Я усмехнулась, кинув взгляд на полки с бутылками.

— Расслабься, пёс. Сегодня кровь не в моих планах. Пока.

— Убирайся, пока всё спокойно. Мне проблем не нужно.

Я шагнула ближе.

— Повтори ещё раз, и посмотрим, чьи проблемы окажутся последними.

Разговоры с ним мне были неинтересны. Я искала глазами цель — и нашла.

В углу сидел он, в окружении трёх громил.

Я подошла.

— Скажи своим шавкам, чтобы проваливали. Нам нужно поговорить.

— Ты? — он побледнел. — Садись... только не смотри на меня так.

Я наклонилась ближе.

— Ты начинаешь тянуть время. Ты обещал покупателей — их нет. Или ты думаешь, я сама стану торговать за тебя?

— Сейчас... сложно...

— Меня твои сложности не волнуют. Найдёшь — будешь жить. Нет — я сделаю из твоих вен струны, а ножом сыграю на них похоронный марш.

Он сглотнул.

Я поднялась и направилась к выходу.

А вы, может быть, думаете, что это всего лишь сделка? Нет. Это первый аккорд куда более мрачной симфонии.

• Год 3 265 месяц Земли

Лодриг сидел на троне из костей — из тех, кого когда-то называл «неизбежной ценой единства». Единства, которое он же и разломал: распустил совет, раздал провинции васалам, срезал гарнизоны ради «похода домой», а храмовый квартал объявил «нейтральной зоной», чтобы проводить через него серые караваны. Деньги шли на его будущий флот.

Власть — к тем, кто умел улыбаться и резать.

Он поднял взгляд — и будущее развернулось рывком: города в огне, дети, разбиваемые о камень, псы войны, грызущие живых. В каждом видении — тонкая нить, тянущаяся назад к его собственным указам.

— Господин! — вбежал страж, бледный. — Храм захвачен! Там... Принцесса!

Лодриг рванулся, но страж, дрожа, всё-таки выдохнул то, что боялся говорить:

— Мы бы держали периметр, если б посты не сняли... по вашему приказу.

— Молчи, — сказал Лодриг, и это «молчи» ударило по нему самому.

Храм стоял, как чёрная коробка, с луной в стеклянных глазах. Половина армии Шакала заняла крыши и арки — удобно, знакомо. Слишком знакомо: эти маршруты он сам когда-то прорезал в городской охране, чтобы его караваны проходили без досмотра.

— Я иду внутрь, — сказал он.

— Это самоубийство, — ответил страж.

— Хуже, — бросил Лодриг. — Это расплата.

Два часа гнали свинец по стенам. Первый этаж — коридоры, забитые телами. Второй — дым, крики, ползущая тень страха. Третий — лестница, сложенная из его ошибок.

В её комнате — пусто. Ученики, забившиеся в угол.

— Где она?!

— Человек в коричневом костюме... тёмный эльф... забрал учителя, — прошептал один. — Сказали, охрана здесь больше не дежурит.

Слова ударили, как приклад.

— Шакал, — сказал Лодриг, и в этом имени отозвалось. «я сам тебя выкормил».

Крыша. Паралет у кромки. Шакал держит пистолет у виска Принцессы. Рядом — Скарлет и Тайпан.

— Ты долго добирался, — ухмыльнулся Шакал. — Но не переживай: ты всё равно уже сделал половину моей работы. Разобрал государство — а я только собрал лом.

— Зачем она? — голос Лодрига дрогнул. — Она не в твоей игре.

— В моей игре — твоя вина, — мягко сказал Шакал. — И вот она, с пульсом.

Принцесса подняла глаза. Спокойные. Уставшие.

— Не дай им разжечь войну моим именем, — прошептала она. — Ты уже дал им достаточно.

Паралет приподнялся. Ветер резал уши. Металл пахнул озоном.

— Меня убить? Скучно, — сказал Шакал. — Тебя жизнь уже убила лучше меня.

— Возьми меня, — выдавил Лодриг. — Мою душу. Отпусти её.

— Ты сам просил отпустить, — кивнул Шакал.

Щелчок. Выстрел. Тело, сломав тишину, ушло в пустоту.

Крик Лодрига рассёк ночь. Дверь паралета захлопнулась, и машина унесла насмешку в небо.

Он опустился на колени. На камне — кровь, пепел и его шепот:

— Это я.

Внизу гигант поднял изуродованное тело и унёс его через груды мёртвых. Лодриг смотрел, пока глаза не пересохли.

Он встал — не герой, не мститель. Человек, чьи указы сложили плаху, на которой легла та, кого он любил.

— Война, — сказал он. И понял: это слово снова произнесла его вина, а не его воля.

На востоке Нового Света, где демоны обрушились на царство, всё уже лежало в пепле. Города были сожжены, войска сметены, надежда — растоптана.

Оставались лишь берсерки. Их называли последними псами войны. Костяные щиты, клинки из чёрного железа, глаза, давно потерявшие слёзы.

Но среди них была одна, кто не походила на остальных.

Лина. Четырнадцать лет.

Золотистые волосы, как отблеск утра среди дыма. Зелёная броня, слегка велика для её роста, казалась смешной — пока она не поднимала свой щит-пилу и двуствольный дробовик, что рвал демонов на куски.

Она не кричала, не впадала в безумие, как старшие берсерки. Когда они кидались в бой с рёвом, она шла молча.

Её глаза оставались человеческими. Там не было жадности убийства — только решимость защитить старшую сестру и тех немногих, кто ещё верил в жизнь.

Для старших она была символом — напоминанием, что берсерки когда-то были людьми, а не машинами ярости.

Когда Лина шагала в бой, казалось, что сам мрак отступал на миг. Её смех, редкий и детский, звучал между залпами дробовика, и даже закалённые воины невольно ловили себя на мысли: «Мы ещё не потеряны. Пока она стоит — мы живы».

Сестра её, Данта, была старше и сильнее: беловолосая, с огромным клинком из драконьей кости. Она сражалась, словно сама ярость богов. Но даже её пламя было тёмным и жёстким. А рядом Лина выглядела иначе — как свет, который не позволял мраку окончательно поглотить орден.

Когда же демоны сомкнули кольцо, и волны чудовищ рвались вперёд, Лина, израненная и едва стоящая на ногах, не сдалась.

Даже падая в обморок от потери крови, она всё равно прижимала к себе оружие, как будто боялась, что, отпусти она его — мир рухнет окончательно.

И когда Данта рванулась в последний бой ради сестры, старшие берсерки говорили:

— Мы держались не из-за приказа. Мы держались из-за неё. Из-за девочки, которая напоминала, что в аду всё ещё может гореть свет.

Последний бастион пал.

Город горел, небо трещало от рёва демонов, а берсерки — лучшие из воинов — стояли стеной. Их было всего несколько десятков против легиона. Но они шли в бой снова и снова, пока плоть не рвалась от ран.

Один за другим падали братья и сёстры ордена. Их кости трещали в когтях чудовищ, их щиты ломались, их крики заглушались рёвом ада.

Данта, старшая, шла впереди. Красная броня сверкала в отблесках огня, а её огромный клинок из драконьей кости рвал врагов на куски. Она уже давно перестала кричать — только дыхание и удары, как удары молота.

А рядом с ней — Лина. Она едва держалась на ногах, кровь стекала по щеке, но глаза её всё ещё горели.

— Лина! — крикнула Данта, прикрывая её спину. — Стой за мной!

Но Лина не слушала. Она стреляла снова и снова, разрывая на куски тех, кто подступал ближе. В её глазах не было безумия — только решимость.

И тогда небеса разверзлись.

На поле боя ступила она.

Высокая, синекожая, в чёрном золотом облачении, с глазами — как два озера тьмы. Дочь бога Империя, повелительница легионов.

В её руках сияло золотое копье, пылающее небесным светом, но в этом свете не было милости — только холод смерти.

Берсерки кинулись на неё. Десятки.

И каждый был рассечён одним движением. Копьё пело в её руках, и каждый удар был приговором.

Через несколько мгновений вся армия ордена лежала в крови.

Остались лишь две сестры.

Данта бросилась вперёд. Она взревела, как сама ярость мира, и подняла клинок. Кость дракона загудела, камни на нём вспыхнули, но даже этого было мало.

Копьё богини пронзило её грудь.

Данта захрипела, кровь потекла изо рта. Синекожая подняла её высоко в небо, насадив на древко, как на древнюю жертву.

— Смотри, дитя, — произнесла она голосом, похожим на раскат грома. — Вот участь тех, кто дерзает сопротивляться.

Лина, падая на колени, закричала. Но её голос утонул в реве демонов.

И вдруг — тень.

Огромный орёл, исполин с золотыми перьями, врезался в строй легионов. Его клюв и когти рвали демонов, он ворвался в круг и схватил Лину своими лапами.

Дочь бога вскинула копье.

Оно сверкнуло и пронзило грудь птицы насквозь. Орёл захрипел, его крылья залились кровью, но он всё равно взмыл в небо, унося девочку прочь.

Лина, задыхаясь от боли и ран, теряла сознание.

Глаза закрывались, но внутри разгорелся иной свет — воспоминания.

Она видела, как монахи ордена берсерков уводили её и Данту из дома. Родители стояли на крыльце, не плакали, только молча смотрели. «Отдаём их в орден, пусть станут сильнее нас».

Она видела, как сестра впервые дала ей попробовать поднять тренировочный меч. Данта смеялась и подталкивала её вперёд:

— Держи крепче, Лина. Ты ведь тоже берсерк.

И среди этих картин вдруг мелькнуло лицо... третьей.

Девочки постарше, с глазами цвета осени. Она улыбалась, держа их обеих за руки. Но память ускользала, словно её вырывали изнутри.

— Сестра?.. — прошептала Лина, проваливаясь в темноту.

Орёл, с пробитой грудью, неслись всё ниже. Его кровь падала дождём, капли обжигали её лицо. Но в его последних движениях было одно — желание спасти её любой ценой.

И когда его сердце остановилось, его крылья всё ещё держали ветер.

Лина, потерявшая всё, оставалась единственным светлым пятном в этом мире.

Глава 4

Год 3275, месяц Света

День едва начался, когда Питр получил первый приказ. В одном из районов заметили группу подозрительных людей — по описанию, именно тех, кого искали. Он не стал медлить.

На месте его встретила Мита — начальник местного отделения милиции. Короткая стрижка, светлые волосы, глаза цвета зимнего неба. Она была из тех, кого ни деньгами, ни угрозами не купишь. Её прямота казалась почти чуждой этому городу.

— Здесь, — коротко сказала она и кивнула на дом.

Изнутри доносились голоса.

— Ну вот и всё, товар расфасован. Теперь продадим Дмитрию и будем богаты, — проговорил кто-то.

— Вы хорошо поработали, — ответил женский голос. — Деньги ждут вас в указанном месте.

Этого хватило. Железный страж с ноги выбил дверь. Пули резанули воздух, и началась перестрелка. Стены дома покрылись трещинами от рикошетов. Крики стихли через пару минут. Все бандиты лежали мёртвыми.

Тишина вернулась. Но ненадолго.

Вечером, в другом конце города, подвал пятиэтажки был наполнен тусклым светом лампочки и запахом сырости. На железном стуле сидела девушка — Аня. В прошлом — связная. Сейчас — предательница.

Я стояла напротив. Эрнандес и наёмники держали авто-

маты наготове.

— Думаешь, наша клиентка оценит набор? — усмехнулся он.

— Утюг, аккумулятор, паяльник, — перечислила я. — Какой из них ты выберешь, Анечка?

Она подняла глаза, полные ужаса.

— Я никому ничего не сливала! Мне хватало ваших денег!

— Мало для меня, — ответила я холодно. — Жалкая жертва, решившая взглянуть охотнику в глаза.

Я прижала раскалённый утюг к её коже. Крик рванулся в потолок. Потом электрический разряд от аккумулятора заставил её выгнуться в судорогах.

— Повторяю вопрос, — сказала я. — С кем ты говорила?

— Откуда в тебе столько жестокости... — всхлипнула она.

— Ошибаешься. Это ещё хорошее настроение, — ухмыльнулась я.

Она молчала. Я велела достать паяльник. Страх в её глазах уже смешался с безысходностью.

— Либо сама, либо я прострелю колени и оставлю тебя умирать, — сказала я.

Аня не выдержала. Под крики и слёзы она подчинилась. Но тут раздался выстрел. Пуля вонзилась ей в голову.

Я обернулась. Эрнандес держал пистолет.

— Хватит, — сказал он. — Тебе нужен был допрос, а не

пытка ради забавы.

Я усмехнулась.

— Она сама виновата. Ладно. Пошли. У нас дела поважнее.

Мы ушли через люк. И лишь один глаз в темноте продолжал следить за нами. Другой был пуст, словно чёрная дыра.

В горах, под проливным дождём, сидел человек в плаще. Его лицо скрывал капюшон, но слова звучали ясно:

— Почему им всё дано? Почему они живут, любят, смеются... А я? У меня — ничего.

Щенок выбрался из-за его спины и ткнулся мордочкой в его ладонь. Мужчина поднял зверька, и в его глазах впервые мелькнул свет.

— Я хочу любви, — прошептал он.

На миг дождь стих. Но свет не задержался. Улыбка его стала кривой, и слова превратились в проклятие.

— Если мне не дано — я вырву. Шаг за шагом. Я зажгу свой уголёк во тьме. Пусть весь мир сгорит от него.

Дождь усилился. Желтый цветок на обрыве согнулся под ветром, и капли падали, словно слёзы.

Мужчина в плаще встал. Его глаза были полны решимости.

Год 3275, месяц Света

Той ночью мы с Эрнандесом устроили налёт. Лорд был обеспокоен слишком активными стражами, и мы должны были вырезать их штаб под корень. Пули прошили и плоть, и сталь. Их предводительница упала с перерезанным горлом, а Питр получил пулю в голову. Его череп разлетелся, как глиняный кувшин. Последнее, что он услышал — моё имя. Афина.

В храме для него провели похороны. Но на крыше сидел Джокер. Он жадно ловил души, что покидали тела, и втягивал их в зияющую пасть. Крылья, словно из гнилых тряпиц, расправились за его спиной. Белые зубы в розовой обводке скалились, пока он гладил раздутый живот.

Тем временем в горах Белоридии.

Мужчина в плаще проснулся от стука дождевых капель. В его руках дрожал тёплый комочек — щенок. Тот спал, не ведая, что мир давно разучился прощать. Вдруг ткань за спиной шуршнула.

— Кто здесь? — пальцы мужчины скользнули к рукояти оружия.

Перед ним стояла девушка. В лунном свете её лицо казалось чистым и мягким, в глазах светилась наивная нежность.

—

Я... — сказала она дрожащим голосом. — Я не причиню тебе зла. Можешь звать меня Соланна...

Она присела рядом. Щенок сразу потянулся к ней, радостно завилял хвостиком. Их руки соприкоснулись на мягкой шерсти. Мужчина впервые за долгое время позволил себе улыбнуться.

—

Ты не призрак? — спросил он.

—

Нет... — её губы дрогнули в улыбке

Но в следующую секунду улыбка разорвалась в зверский оскал. Из рта блеснули металлические клыки, когти прорезали щенячью плоть, вонзились в крохотное тело. Один глаз зверька взорвался кровавым хрустом. Девичье лицо вытянулось, кожа сползла, обнажив исхудавшую псину без шерсти. Из груди вырвались набухшие мясные мешки, что лопнули, хлынув гноем и выпустив змей. Спина разорвалась, явив хвост-жало, похожий на скорпионье.

— Я Вейрха! Мать гулей! — завывала она голосом, от которого ветер замер. — А ты, смертный, вырезал моё потомство! Кто ты?!

Мужчина отбросил плащ. На луне блеснули чёрные доспехи с узорами драконов и львов.

— Я Авалон. Сын Артура, из великого рода. — Цепь, усыпанная железными шипцами, обвилась вокруг его руки.

— А ты, отродье, умрёшь.

Вейрха метнулась, когти резали воздух, но вместо крика торжества её глаза наполнились страхом — её рука, уже

тянувшаяся разорвать война, отлетела прочь, срубленная скрытым клинком. Кровь брызнула фонтаном.

Она обрушила хвост, но удар Авалона разнёс его в зелёные ошмётки.

— Дурочка, — холодно бросил он. — Я наплатил зверя серебром. Ты уже труп.

Серебро прожгло её изнутри, кожа пузырилась и сходила хлопьями. Вейрха, завывая, метнулась в отчаянии, но Авалон метнул взрывчатку. Вспышка света — и на траве не осталось ни кости, ни плоти.

Авалон выпрямился, вдохнул ночной воздух. Его глаза смотрели на замок вдали, освещённый луной.

— Мои ровесники уже боги... — прошептал он. — Тогда я убью богов.

И ветер подхватил его слова, как клятву.

Днями ранее..

Горное поселение спало под дождём. Фонари коптели, крыши текли, и только вой ветра отзывался в узких улочках. Но вдруг — тишина, такая, будто мир задержал дыхание.

И в этот миг они пришли.

Гули — дети Вейрхи. Они рвались из тьмы, из щелей, из самого тумана. Их лапы хлестали по грязи, когти скрежетали по камням. Каждый из них был искажён по-своему: у одного вместо глаз зияли пустые дыры, а пасть разрывалась до ушей; у другого кожа висела лоскутами, но из-под неё светилось

синее пламя.

Их пасти светились, как треснувшие фонари: у одних — ядовито-зелёным, у других — багровым, у третьих — мертво-синим. Сияние пробивалось сквозь зубы, текло наружу вместе со смрадом гнили. Когда они раскрывали пасти, казалось, будто в самую ночь вонзались разноцветные ножи света.

Они ворвались в дома. Крики слились в хор, полный боли и ужаса. Мужчины пытались защищаться топорами и ржавыми ружьями, но гули разрывали их когтями, ломали кости, утаскивали тела в темноту. Женщины прижимали детей, но чудовища вытаскивали их из рук, царапая когтями стены, вырывая двери.

Один дом ещё держался. Внутри пряталась семья — мать, отец и маленькая девочка. Отец успел выстрелить, но синий свет пасти пронёсся сквозь его грудь, выжигая плоть. Мать закричала, и её тут же разорвали лапы. Девочка же в панике метнулась в старый деревянный туалет за домом, захлопнула щеколду и села в угол, закрыв рот ладонями, чтобы не кричать.

Деревянные стены дрожали от топота. Снаружи слышался хриплый вой, и тут в щели между досками прорезался луч багрового света — пасть гуля была совсем рядом.

Туалет затрещал. Когти прорезали дерево, как бумагу. Щеколда сорвалась, дверь распахнулась.

Перед девочкой стояло существо с лапами, длинными

как у волка, но тонкими, почти человеческими, и с пастью, наполненной жёлтым сиянием, как расплавленный металл. Оно склонилось, и на секунду показалось, что оно разглядывает её как мать — но следом когти вошли в её грудь.

Крик оборвался.

Поселение было стёрто с лица земли. Только дождь поливал улицы, смывая кровь, смешивая её с грязью. А над горами всё ещё висели разноцветные отблески сияющих пастей, словно призрачные костры.

Лес дышал туманом, влажным и гнилым. Деревья были искривлены так, словно их кроны пытались спрятаться от луны. Тишину прерывал лишь хруст когтей по мокрой земле — гули, дети Вейрхи, вылезали из теней.

Их лапы были вытянутыми, с тёмными когтями, сжатые в судорогах. Одни передвигались на четвереньках, другие на двух ногах, но каждый их шаг был резким, звериным. По грязи оставались длинные борозды — словно кто-то тянул ржавые ножи.

Сначала выскочили десятки: маленькие силуэты, искажённые, но ещё похожие на детей. Губы рваны, глаза пустые, а движения — как у голодных псов. Их визг был смесью детского смеха и звериного воя.

Авалон шагал тяжело, его цепь звенела, превращаясь то в

кнут, то в крюк. Первый удар сорвал сразу троих с лап — их тела разлетелись, будто из гнилой кожи и костей.

—

Дети Вейрхи... — произнёс он, глядя на их когтистые лапы и вытянутые морды. — Ты кормила их плотью, но они падут, как и ты.

Но тварей становилось всё больше. Сотни. Их лапы били по земле, когти скребли по корням деревьев, оставляя глубокие рассечённые следы. Они карабкались друг на друга, взбирались по стволам, сбрасывались сверху, визжа, как сорванные с цепи шакалы.

Авалон вращал цепь, и руны на звеньях вспыхивали серебром. Каждый удар сшибал лапы, ломал челюсти, тела гудей взрывались чёрной жижей. Земля напиталась их кровью, и лес казался не зелёным, а чёрным от гнили.

Когда всё стихло, поляна была завалена их телами. Кривые лапы с застывшими когтями торчали из груды, как спутанные корни.

Авалон стоял среди этого месива и пробормотал:

—

Теперь она придёт. Мать гулей... Вейрха.

И будто в ответ, где-то в горах, разнёсся пронзительный женский визг — наполненный яростью, но и болью матери, чьё потомство уничтожили.

Дождь стихал. Тучи всё ещё висели над горами, но луна пробилась сквозь разрывы и освещала кровавые потоки, стекавшие по камням. Ветер носил по улицам обрывки ткани и сорванные ставни.

Авалон ступал по пустому поселению, его чёрные доспехи скрежетали о камни, капли дождя стекали по узорам в виде драконов и львов. Цепь на его руке тихо звякала при каждом шаге.

Тишина была неестественной. Ни одного живого голоса. Только двери, разодранные когтями, и стены, испещрённые следами разноцветного света — жёлтые ожоги, багровые пятна, синие прожоги, словно само сияние гулей выжгло мир насквозь.

Он открыл одну из дверей. Внутри — тела. Мужчины с вывернутыми руками, женщины с пустыми глазами, дети, раздавленные обломками. Воздух был тяжёлым, будто в нём жила сама смерть.

—

Поздно, — глухо произнёс он, опуская голову.

Но вдруг среди трупов что-то зашевелилось. Маленький звук, тихий, почти жалобный — тонкий визг.

Из-под перевернутого стола выбрался щенок. Грязный, с мокрой шерстью, он дрожал, но всё же потянулся к свету. Его глаза отражали луну, а лапы скользили по камням.

Авалон опустился на колени. Щенок ткнулся мордой в его ладонь, тихо поскуливая, и прижался к доспеху.

—

Маленький... — сказал рыцарь хриплым голосом. — Ты остался один.

Ветер завыл сильнее. Авалон поднял щенка на руки и, встав во весь рост, посмотрел на выжженную улицу.

—

Тогда пойдёшь со мной. Ты увидишь, как падут те, кто сотворил это.

Щенок тихо пискнул, будто соглашаясь, и спрятался у него под плащом.

Арка II: Царство небесное

Глава 6

Год 3275, месяц Света

Я помню, как всё начиналось.

Мир ещё был чист, небо высоко, ордена рыцарей сияли, словно кованные из света. Мы были детьми света — паладинами, которых кормили легенды и вера.

И вот пришёл день, когда нам предстояло столкнуться с ней. Не ведьма. Не демон. **Дочь самого бога.**

Она не враждебна? Так мы думали. Но кровь небесных — слишком сильный дар. А она захотела отдать его бездне.

Мы вышли против неё. Мы думали, что сможем одолеть. Мы верили.

Мы сражались до последнего — но **не победили**. Её ранили, но не убили. Она продолжила петь свой гимн, разрывая мир на части.

Тогда мои братья — те, с кем я рос, молился, делил хлеб — схватили адский камень. Их тела загорелись светом и тьмой одновременно. Они стали выше людей... и ниже чудовищ.

Они выбрали силу.

Меня же они отвергли. Не убили — хуже.

Они изгнали меня в «мир теней».

Но это не иной мир. Это всё тот же. Только испоганенный.

Гниль вместо лесов, руины вместо городов, твари вместо людей.

Мы называли это иначе, чтобы не сойти с ума. Но исти-

на проста: это наш мир, разорванный дочерью бога и предательством моих братьев.

С тех пор я иду. Сражаюсь. Выживаю. Я видел, как люди умирают, шепча молитвы, и смеялся, отрезая у них хлеб. Я уже не герой. Я стал зверем среди зверей.

И всё же я иду к замку. Замку, где, говорят, скрыта она.

Если там есть путь назад — я его возьму.

Если там только смерть — я отдам её ей.

Ведь если боги отвернулись, значит, мы должны сами их убить.

Карета медленно въехала в поселение, окружённое холмами. Наёмник Руберт, сутулый, с хищным взглядом, сошёл у ворот. Его встретили стражники и сразу повели к атаману.

— «Пропажи крестьян, преступления, — сказал ему атаман. — Тут замешан один из авторитетов. У нас нет улик, но люди боятся».

Руберт только усмехнулся. У него в глазах горел азарт: даже если не выполнит задание, он точно сможет подзаработать.

Вечером он впервые встретил Саймона — меченосца ордена. Высокий, светловолосый, с лицом, будто сошедшим с икон. Его глаза — ярко-голубые, голос твёрдый, резкий. В каждом слове Саймон звучал как обвинитель.

— «Мы ищем тех, кто торгует органами, — сказал Саймон. — Они где-то рядом».

Они шли по следу, пока не вышли на хижину. Внутри — разговор.

— «Ну вот и всё, за эти органы чернокнижники щедро заплатят. Дмитрий будет доволен».

Руберт не стал ждать. Его сапог врезался в дверь, дерево взорвалось щепками. Внутри началась бойня.

Саймон пронзил одного мечом, распоров ему живот, и кровь брызнула на иконы в углу. Второго Руберт избил до полусмерти, вдавив пальцы ему в глазницы. Третий попытался сдаться.

Но не успел. В его голову врезалась ворона, как чёрная стрела. Труп рухнул, а птица затихла рядом.

— «Колдовство...» — выдохнул Саймон.

В лесу подняли собак. Скоро их глотки разодрали спину бегущему колдуну. Но перед тем, как его связали, он шепнул Руберту:

— «Найди Тимуджина... там золото».

Руберт молча взял бумажку. И улыбнулся — жадно, хищно.

В это же время, далеко, в башне из чёрного камня...

Афина стояла перед Советом владык. Её синие волосы падали на бледные плечи, а глаза отражали огонь ритуалов.

— «Город пал, — сказала она. — Тени укрыли улицы. Наше влияние растёт».

Владыки зашептались, довольные. Афина низко склонила голову и вышла.

Снаружи ветер гнал рваные тучи. Алый дождь шёл с небес, окрашивая камень и её лицо.

Когда-то она была графиней. Когда-то верила в свет. Теперь же шла по лестнице власти в чёрном царстве, где каждый шаг отзывается эхом судьбы.

Глава 7

• Год 3 249, месяц Пепла

—

«Афина! Ты ещё возишься?!»

Я сжала зубы, поправила перевязь на плече и ответила, не оборачиваясь:

—

«Нет... Я просто не знаю, смогу ли вернуться. Я хочу обезопасить свою дочь».

Рауль засмеялся глухо, без радости:

—

«Вы так похожи... Просто одно лицо».

Я скривилась.

—
«Сама удивляюсь. Моя мать тоже однажды увидела во мне собственное отражение. Слишком буквально».

—
Мы выбежали на улицы Некро.

Город умирал. Разрушенные дома дымились, трупы валялись у брусчатки, а по крышам стучал дождь, смывая кровь в арыки.

—
Наш план был прост: союзники отвлекали стражу, а мы — ударили по складу. Солдаты не успели опомниться. Мы ворвались с топорами, вилами, ножами. Крики смешивались с грохотом.

—
Я сама воткнула кинжал в горло одному из них. Тепло крови залило руку. Я упала на колени, задыхаясь.

—
Рауль тронул меня за плечо:

—
«Эй, держись. Всё в порядке?»

— «Да... Просто раньше я не убивала людей».

Я соврала. Где-то внутри меня было что-то другое. Ужасное, но сладкое. Мне понравилось.

Разруха росла, как пожар. Казни, собрания, гильотины. Я

стала той, кого когда-то боялась сама — женщиной, способной отдавать приказы и смотреть, как катятся головы.

Но судьба сломала меня снова. Нападение у штаба — Рауль пал, а я оказалась в тюрьме. Крысы ели хлеб у моих ног.

Целительница ещё тогда сказала мне:

—

«Не царапина твоя беда. Душа твоя тёмная. Проклята. Ты долго не проживёшь».

Я смеялась над её словами. Но когда лежала под гильотиной и смотрела, как тяжёлое лезвие тянется вниз, смеха не осталось.

И тут — тьма.

Я открыла глаза. Я — в теле младенца. Надо мной склонились силуэты в чёрных плащах. Их лица были скрыты, но один голос я узнала:

—

«Афина, мы приветствуем тебя. Ты думаешь, почему ты жива? В тебе кровь вымершей расы. Их души перерождаются, занимая тела детей. Не бойся: у твоей дочери не было разума. Теперь ты — она».

Он взял меня на руки, и шёпот его стал огнём:

—

«Пора отомстить им всем».

В другом месте, в другой жизни...

• Год 3275, месяц Света

После рейда на бандитов, где ворон пробила голову плен-

нику, Руберт всё никак не мог забыть, как тот шепнул:

—
«Ищи Тимуджина... золото...»

Слова впились в него, как заноза.

Встреча с Тимуджином

Через пару дней в лесу Руберт встретил старика в серой мантии. Один глаз его был белым и мёртвым.

—
«Ты жадный. Это хорошо. Жадность — топливо», — сказал Тимуджин, протягивая записку.

—
«Кто ты?» — спросил Руберт.

—
«Я всего лишь проводник. Но настоящий хозяин ждёт тебя. Дмитрий».

Руберт взял записку, и в тот же вечер, не сказав Саймону ни слова, отправился по указанным координатам.

Особняк Дмитрия был окружён десятками вооружённых людей. Роскошь и смерть здесь соседствовали, как братья.

В зале его встретил хозяин. Высокий мужчина с длинными тёмными волосами, в белой одежде и плаще, подбитом мехом. Его глаза светились спокойствием, за которым скрывался расчёт.

—
«Ах, так это ты... Я видел тебя в воде. Я знал, что ты придёшь», — сказал Дмитрий.

Он говорил мягко, но каждое слово было, как капкан.

Он показал Руберту свои артефакты: черепа с вырезанными узорами, змей в клетках, кубок, якобы наполненный кровью сына бога.

В одном из залов стояли десятки клеток. Внутри шипели и извивались змеи. Но это не были обычные твари.

—

«Видишь их?» — спросил Дмитрий, останавливаясь у клетки, где извивалась кобра с двумя головами.

Её тела были покрыты золотыми наростами, а глаза светились красным.

—

«Это не природа. Это искусство. Я собирал их по крупичкам, платил алхимикам и культистам, чтобы создать этих красоток»

—

В соседней клетке билась сине-чёрная гадюка с костяными шипами вместо чешуи.

Дмитрий осторожно провёл пальцем по прутьям.

— «Они — символ. Мир старый умирает, Руберт. Я — его новое дыхание. Монструозное, но честное».

—

Он говорил спокойно, даже мягко, и от этого становилось жутко.

Дмитрий никогда не был воином. С детства его презирали сверстники за слабость и отвращение к дракам. Но у него был другой дар — умение убеждать и управлять.

Уже в 16 лет он основал свою первую секту — тайный кружок, который похищал людей для тёмных ритуалов. В 20 — занялся торговлей наркотиками и запрещёнными артефактами.

Но всё это было лишь подготовкой.

Его истинной страстью была власть через **страх** и **веру**.

Дмитрий никогда не был воином. С детства его презирали сверстники за слабость и отвращение к дракам. Но у него был другой дар — умение убеждать и управлять.

Уже в 16 лет он основал свою первую секту — тайный кружок, который похищал людей для тёмных ритуалов. В 20 — занялся торговлей наркотиками и запрещёнными артефактами.

Но всё это было лишь подготовкой.

Его истинной страстью была власть через **страх** и **веру**.

—

«Знаешь, кто мне мешает?» — сказал Дмитрий, глядя на Руберта.

Он подошёл к мраморной статуе архангела с мечом. На лице ангела кто-то нацарапал ножом уродливую карикатуру.

—

«Саймон. Меченосец ордена. Для толпы он — святой. Для меня же он — камень на пути. Он честен до безумия. А чест-

ность — худшее оружие против власти. Его невозможно купить. Он рвёт моих людей на части и молится после этого, будто делает доброе дело».

Он рассмеялся — тихо, но горько.

«Я называю его Архангелом Михаилом. Пускай он и человек. Но знаешь, в чём правда? Архангелы всегда падали. Все. И я ему помогу».

Ему было 39.

Под его рукой — целая армия: от закалённых наёмников до безумных сектантов. Его сеть тянулась в глубь королевства, а деньги текли, как река.

Но главное — он всё чаще занимался сатаническими ритуалами. Говорили, что именно он открыл врата для чудовищ, заполнивших мир.

В глубине души Дмитрий хотел большего, чем золото или власть. Он хотел сломать старый порядок и построить новый — где он сам был бы богом.

И, показывая Руберту змей в клетках, он тихо сказал:

«Вот так же я из людей сделаю новое поколение. Красивое, ужасное, бессмертное. Мы не будем ни ангелами, ни демонами. Мы будем выше их. Ты понимаешь?»

Руберт молчал. Но впервые ощутил — он стоит рядом с человеком, который либо разрушит этот мир, либо переписшет его законы.

—
«Ты мне понравился. Не слишком разговорчив. А молчание — золото».

Он щёлкнул пальцами, и в зал вошла женщина.

Алиса.

В черном плаще, стройная, с движениями, похожими на движения зверя. Она не поздоровалась. Лишь посмотрела на Руберта — и тот ощутил, как кожа покрылась мурашками.

Дмитрий сказал:

— **«Вы вдвоём выполните одно дело. Она поведёт, ты подстрахуешь. Если выживешь — получишь больше».**

Алиса прищурилась и хрипло рассмеялась:

— **«Он не выживет. Но я проверю».**

Встреча с Дмитрием всё ещё жгла мозг Руберта. Он пил, но алкоголь не помогал.

Наутро его встретила Алиса.

Она стояла у стены, как тень. Глаза — холодные, губы — кривые, движения быстрые.

— **«Так ты и есть Алиса!»** — попытался улыбнуться Руберт.

Через секунду он лежал на земле, с вывихнутой рукой.

— **«Ты опоздал на десять секунд. В другой раз — сразу в морг».**

Она подняла его, словно мешок.

— **«Ты слушаешь и молчишь. Спробсишь лишнее — пожалеешь».**

Руберт выругался про себя, но подчинился.

Карета остановилась у имения. Факелы у ворот освещали резные маскароны — каменные лица с вытарашенными глазами.

Алиса, не глядя на Руберта, сказала:

— **«Твоя задача — зайти первым. Я тень. Ты лицо. Веди себя уверенно».**

Руберт сглотнул. В руках у него было поддельное письмо с печатью.

Они вошли. Стражники нахмурились, но отступили, увидев знак. Руберт старался дышать ровно, хотя пот струился по спине.

— **«По распоряжению ордена, мы проводим проверку на предмет безопасности»**, — сказал он, слова давались с трудом.

Им открыли двери.

Внутри всё было чересчур роскошно: тяжёлые ковры, запах ладана, картины с ангелами, которые почему-то смотрели вниз, на гостей.

В зале их встретил сам дворянин. Седой, но крепкий мужчина в бархатном камзоле. Он уже привык командовать.

— **«Что за проверка?»** — с раздражением спросил он.

Прежде чем Руберт успел открыть рот, в зал вошла его советница. Плащ с капюшоном, тихие шаги.

Руберт похолодел — он узнал её. Это была Алиса.

Она подняла голову и улыбнулась, но улыбка не была человеческой.

— **«Господин, вам грозит опасность. Они уже здесь».**

Дворянин вскочил, в глазах мелькнул страх.

— **«Сопроводите меня в безопасное место!»**

Трое вышли вместе. Карета ждала у ворот.

По дороге дворянин пытался заговорить с Рубертом, но тот молчал, чувствуя напряжение. Вдруг Алиса наклонилась к дворянину, как будто чтобы его успокоить, и прошептала:

— **«Безопасность там, где смерть».**

Одним движением её нож полоснул ему по горлу. Кровь залила бархат. Голова скатилась на колени Руберту.

Он отшатнулся, захлебнувшись от ужаса.

— **«Чёрт возьми, зачем так?!»**

Алиса спокойно вытерла клинок о камзол мертвеца.

— **«Приказ был — устранить. Всё остальное лишнее».**

Карета остановилась. Алиса открыла дверь и вытолкнула тело наружу. Лошади, напуганные запахом крови, рванулись вперёд.

Руберт ещё пытался отдышаться, а Алиса уже смотрела на него:

— **«Ты дрожишь. Это хорошо. Страх держит в живых. Но не смей больше задавать вопросов».**

Она улыбнулась холодно, словно говорила с ребёнком.

— **«Иначе — я вырежу твой язык».**

Карета растворилась в ночи.

Через несколько дней — новая задача. Но тут всё пошло не по плану. Нападение. Разбитая карета. Мёртвые лошади, тела изувечены так, будто их терзали цепи.

Руберт пригляделся. Цепи шевелились. На их шипах были выгравированы символы. Те самые, что он видел в хрониках ордена. Символы замка бога.

А среди обломков он увидел лицо Алисы. Разбитое, в крови. Но даже мёртвая, она ухмылялась.

Руберт отшатнулся.

И в этот миг понял: он втянут в игру куда больше, чем криминальные разборки.

В особняке царила тишина, нарушаемая лишь шипением змей за решётками. Факелы мерцали, отбрасывая длинные тени по стенам, словно сама тьма слушала Дмитрия.

Руберт стоял посреди зала, усталый и измазанный пылью, когда хозяин наконец повернулся к нему. Дмитрий держал в руках бокал с густым вином, похожим скорее на кровь.

— «Наши планы сорваны», — сказал он спокойно, почти устало. — «Кто-то вмешался. Тот, кто посмел встать между мной и моей целью».

Он подошёл к клетке, где двухголовая змея извивалась и скалила пасти. Дмитрий провёл рукой по прутьям, и существо зашипело, словно вторя его словам.

— «Ты видел Алису? Сильная, быстрая, беспощадная. Но даже её — уничтожили. Словно она была куклой. Это не простая сила. Это — вызов».

Дмитрий резко обернулся к Руберту, и в его зелёных глазах мелькнул безумный огонь.

— «Я знаю, где искать виновного. Замок Бога».

Он произнёс эти слова с ядом, будто плевал в небеса.

— «Старый храм на холмах. Для простых людей — святыня. Для нас — ловушка, построенная самим небом. Там скрывается тот, кто разрушил мои дела. Найди его, Руберт. Найди и убей. Или приведи ко мне».

Он сделал паузу и добавил тихо, почти шепотом, но от этого его слова стали ещё страшнее:

— «Я не верю в Бога. Но если Он там есть — зарежь и

Его».

Змеи за его спиной зашипели в унисон

Он сел в кресло, откинувшись и закрыл глаза.

— «Иди. И не возвращайся без ответа. Если этот мир любит создавать героев — я сделаю из тебя антигероя. Чудовище, которое сломает легенды».

Тишина давила, и только шаги Руберта эхом раздавались в коридорах, когда он уходил к своей новой цели.

Глава 8

• Год 3275, месяц Солнца

После смерти Принцессы прошли годы. Лодриг угасал вместе с миром. Его сердце опустело. Смысла жить не было, кроме одного: отомстить Шакалу.

Он добрался до особняка. Но что-то было не так: сторожевые башни пусты, охрана исчезла. Всё слишком тихо.

Лодриг шагнул внутрь. Дверь в кабинет была заперта — он выбил её, и там, за столом, ждал Шакал.

—

«Я уже знал, что ты придёшь», — спокойно сказал он. Голос скользил, как яд.

—

«Заткнись, ты умрёшь за Принцессу!» — прорычал Лодриг, наставив плазменный револьвер.

Шакал лишь усмехнулся:

— «Это мой кабинет. А значит — мои правила».

Он сорвался с места и скрылся через скрытый лаз на крышу. Лодриг бросился следом.

На крыше ревел плазменный крылолет. Его турбины сияли голубым огнём, воздух плавился от жара. Шакал уже почти влезал внутрь кабины.

Но путь ему преградили двое: Тайман и Скарлет.

Тайман наставил на Лодрига плазменный мушкет. Но прежде чем он успел выстрелить, в его руку вонзился нож — оружие Скарлет. Плазменный заряд ушёл в небо, оставив шлейф синего огня.

—

«Ты всегда был мне мерзок», — прошипела она и, подняв мушкет, выстрелила ему в колено. Плазма прожгла плоть, оставив дымящуюся дыру. Тайман рухнул, крича.

Скарлет хладнокровно всадила заряд в плечо, потом в другое. Наконец — контрольный выстрел в голову. Его череп вспыхнул, словно свеча.

Шакал этим временем взмыл в небо на крылолёте.

к понял: шанс сорвать ему жизнь — упущен. Но можно хотя бы покончить с его псами.

Он бросился на Скарлет. Но она была быстрее. Её нож вонзился ему в ногу. Боль ослепила. Лодриг упал, она усмехнулась и скрылась во тьме.

Он перевязал рану и нашёл в кабинете запись — указание на вертодром плазменных машин неподалёку. Там он надеялся перехватить Шакала.

Когда Лодриг добрался, воздух уже дрожал от жара турбин. Крылолет Шакала стоял на площадке. Но прежде чем он успел подойти, сзади обрушился удар.

Скарлет.

Она била его без жалости, с каждым словом издеваясь:

—

«Ты даже не представляешь, как твоя любимая умирала. Она плакала, когда я душила её».

Лодриг, задыхаясь от ярости, вонзил ей нож в руку. Началась жестокая схватка. Удары, блоки, вспышки плазмы от её кинжала, заряженного голубым светом.

Он рухнул. Она подняла клинок, готовая добить. Но Лодриг перехватил упавший нож и ударил прямо в сердце.

Скарлет отшатнулась. Её плащ загорелся, кровь залила плитку. Она застыла, смотря на рану.

—

«Вот и всё», — выдохнул он.

Но радость длилась мгновение. Её амулет вспыхнул красным светом. Это был плазменный кристалл возрождения.

Скарлет поднялась, глаза горели неестественным светом. Она шагнула к нему, и прежде чем он успел среагировать, её нож вошёл в его живот.

—

«Ты получаешь последний шанс. Встретимся снова — я закончу».

Лодриг потерял сознание.

Очнулся он уже в лечебнице. Его нашли патрульные, истекающим кровью.

Через три недели, едва оправившись, он ушёл в Старый Свет. Шакал тем временем захватил власть в городе, а Скарлет осталась его тенью.

Вечер. Город погружён в тревожный полумрак. В особняке Шакала царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем массивных настенных часов.

Шакал сидел за тяжёлым дубовым столом, заваленным бумагами, картами, пачками денег и оружейными контрактами. Его пальцы постукивали по стеклянному бокалу с вином, в котором отражался тусклый свет плазменной лампы.

Он втянул дым сигары и уже собирался встать, когда створка шкафа в углу комнаты медленно приоткрылась сама собой.

Изнутри вытек чёрный туман, и в нём проступил силуэт.

Показалась улыбка, слишком широкая и слишком неестественная. Джокер вышел, словно тень, его когти царапнули пол. — «Ты хорошо справляешься, Шакал», — прошипел он, голосом, похожим на скрежет металла. — «Тёмный совет доволен тобой. Контроль над улицами твоего города почти полон. Кровь, наркотики, рабство... Всё идёт по плану».

Шакал усмехнулся, поправив кольца на пальцах.

— «Мне приятно слышать это, господин. Я всегда делал

всё для дела. Люди гниют под моими сапогами, и мне это нравится».

Джокер сделал шаг вперёд, его глаза горели жёлтым огнём.

— «Скоро тебе доставят новую партию оружия. Эрнандес лично привезёт её через границу. Плазменные винтовки, генераторы, даже прототипы тяжёлых орудий. С этим ты укрепишь свою власть и окончательно подавишь конкурентов».

Шакал встал, широко раскинув руки, как актёр на сцене:

— «Значит, город будет принадлежать мне... и совету. А те, кто не склонится — будут сожжены».

Джокер захихикал, звук был словно нож по стеклу.

— «Вот это правильные слова. Продолжай в том же духе, Шакал. Тьма любит тебя».

Он растворился в дыме, оставив после себя запах гари и серы.

Шакал снова сел, сделал глоток вина и прошептал сам себе:

— «Эрнандес... не подведи меня».

Год 3275, месяц Солнца

Таверна гудела от смеха и пьяных голосов. За одним из столов сидел мужчина, которого уже разнесло от дешёвой водки. Его взгляд был мутным, но голос всё ещё звучал как у проповедника на площади.

—

А вы знали!.. Я ведь когда-то был благородным рыцарем Ордена Света, — гордо начал он, но слова тут же переросли в бред. — Столько нечестивцев я перебил... даже инквизиции помогал давить гедонистов. Ха-ха! Я им «грушу» в зад совал... — он заржал, заметив удивлённые лица. — Ну, «груша» — орудие пыток. Не подумайте, я не садомит. В их делах я не участвовал... Господи, прости меня.

Люди вокруг хохотали, глядя, как старик машет руками, будто всё ещё держит в них меч. Молодой парень, всё же решивший спросить серьёзно, наклонился:

—

Но... вы же уже не рыцарь. Почему?

Мужчина осёкся. Смех исчез с его лица. На секунду в мутных глазах блеснула боль.

—

Моя... милая жена... Фаина... — его губы дрогнули. — Она умерла.

Он выронил кружку, всхлипнул и, шатаясь, залпом выпил остатки из другой. Сердце не выдержало: он упал на пол, корчась от боли. С мочой, с криком — и с последним выдохом.

Таверна замерла. Никто больше не смеялся

На его могиле потом выбили: «Верный Ордену. Падший от вина и боли».

Ночь. Луна резала небо бледным серпом. Анастасия стояла у тёмного леса, из которого сочился туман. Тёмные волосы спадали на её плечи, зелёные глаза сверкали отражённым светом.

По правую руку от неё — Александр, воин Ордена Света. Его чёрно-красная драконья броня с алым плащом выглядела как воплощение войны. По левую — Дионисий, рыцарь-монах, в суровом бело-сером доспехе, капюшон скрывал лицо.

—

Ты уверена, что это тот человек? — голос Александра был тяжёлым, как железо. — Что именно он?

— Я проверяла долго, — твёрдо ответила Анастасия. — Когда приехал наёмник Руберт, я следила за ним. Узнала всё, что нужно о его культе. Я сообщила старейшинам. Наш Орден скрыт — поэтому Рыцарский Орден будет получать наводки будто бы «от разных людей».

Туман дрогнул. Из него выползла первая тварь: морда пираний, тело льва, движения — человеческие.

— Утопленники, — рявкнул Александр и метнул в них молот.

Удар обрушился, и половина чудищ взорвалась в кровавую кашу. Остальные рванули вперёд. Дионисий метнул свя-

ценные кресты — они впивались в тела, и чудовища раздувало, разрывая изнутри. Затем он выхватил два хлыста из сцепленных лезвий. В вихре стали и криков тела утопленников летели клочьями.

Александр, телепортируясь, призывал то копья, то мечи, то каменные шипы, что рвали врагов на части. Дионисий, окружённый толпой, вставил крест в доспех, скрестил руки, затем резко вознёс их к небу и издал боевой клич. Вспышка святой энергии смела орды. Поле опустело.

— Даже ничего мне не оставили, — с иронией сказала Анастасия, подходя ближе.

Утро. Храм был пуст. Тусклый свет пробивался сквозь витражи, окрашивая каменный пол в кроваво-красные и золотые тона. В воздухе пахло воском и гарью, будто сама молитва здесь давно сгорела.

Анастасия стояла на коленях у алтаря. Её губы шептали слова молитвы, а пальцы сжимали чётки так крепко, что костяшки побелели.

—

Значит... ты всё узнала, — раздался за её спиной низкий голос.

Она вздрогнула, но не обернулась сразу. Медленно поднялась, разворачиваясь. Перед ней стоял Дмитрий. Лицо его было измождённым, тень под глазами казалась глубже любой раны.

—

Да, — тихо сказала она. — Мы искали тебя долго.
Он усмехнулся — устало, безрадостно.

—

И зря. Я обречён. А вы... опоздали. Мир уже не спасти.
С этими словами он шагнул к ней, но внезапно замер. Его глаза расширились.

Из груди Дмитрия, пробив плоть и кости, вышла рука в чёрной броне. Кровь хлынула, заструилась по доспеху, закапала на каменные плиты алтаря. В пальцах, словно в когтях, билась ещё живое, искажённое сердце.

За его спиной, из тени колонн, вышел Александр. Его доспехи сияли мрачно-красным, словно отражая адский свет. Взгляд был ледяным.

— Это... за Дионисия, — глухо произнёс он.

Дмитрий, захлёбываясь собственной кровью, попытался что-то сказать, но лишь булькнул.

Александр сжал пальцы. Сердце взорвалось в его руке, расплескав мясо и кровь по алтарю.

Тело Дмитрия рухнуло на камень, распростёртое, как жертва на жертвеннике.

В храме повисла тишина, и только дыхание Анастасии дрожало, будто в холоде.

Пять дней ранее

Анастасия ступала по мощённой улице города, скрытая под капюшоном монашеского одеяния. С каждым её шагом

туман ночи сливался с дыханием, и казалось, что весь мир затаил дыхание. Она шла за тем, кого Орден подозревал давно — за Рубертом, наёмником с глазами хищника.

Она втерлась к нему в доверие, умело пряча истинное лицо. Сестра милосердия, тихая, скромная, готовая помочь — именно так он её видел. Но каждое его движение, каждое слово она запоминала, чтобы донести в Орден.

И вот, в назначенный час, она вошла в церковь. Холодные каменные стены встретили её шёпотом молитв и запахом воска. У дверей стоял смуглый мужчина высокого роста. Его чёрные волосы блестели, глаза сверкали подозрением.

—

Приветствую, сестра, — сказал он.

Они обнялись, и Анастасия прошептала в его ухо заветный шифр. Мужчина лишь кивнул и повёл её в библиотеку.

Здесь, среди пыли вековых фолиантов и икон, спрятана была тайна. Он подошёл к статуе купидона, надавил на глаз мраморного младенца — и пол задрожал. С гулом открылся люк, из которого дохнуло могильным холодом.

—

Иди, — сказал он.

Анастасия ступила вниз. Коридор тянулся бесконечно, его стены были испещрены странными рунами, которые тускло светились синим и багровым светом. Шёпот, словно издалека, скользил за спиной: молитвы? Заклинания? Или

крики душ, заключённых в этих камнях?

В конце зала её ждали старейшины. Седые епископы сидели в высоких креслах, как в тронном зале. Их лица скрывал полумрак, лишь глаза сияли в огне свечей.

Анастасия упала на колени, её голос дрожал, но слова звучали твёрдо:

—

Спустя годы я выполнила поручение. Я нашла того, кто заключил сделку с Чернобогом и выпустил зло в наш мир. Этот человек скрывается в тайге, неподалёку от поселения, где действовал наёмник Руберт.

Один из старцев поднял руку, и шёпот стих.

—

Молодец, дитя. Орден исполнен гордости. Мы сообщим Матери Сестринства о твоём успехе. Тебя ожидает повышение — ты станешь матриархом. Но пока... ты должна завершить начатое. Отправляйся с Александром и Дионисием. Уничтожьте змею в её логове.

Анастасия склонила голову, чувствуя, как на плечи легла тяжесть не только чести, но и смертельной опасности.

Она поднялась и вышла. В коридоре её уже ждал Александр — в красном плаще, с суровым взглядом.

—

Ну что, — усмехнулся он, — нас ждёт работа.

Тёмный лес впереди словно уже знал, что троица вступает в его пределы.

Трое воинов стояли у кромки леса. Ветви деревьев тонули в тумане, и он, тяжёлый и вязкий, струился из глубины чащи, словно дыхание зверя. Где-то внутри, во мраке, раздалось низкое рычание. Оно было слишком громким, слишком близким — будто сама земля заговорила голосом хищника.

Анастасия крепче сжала посох. Александр шагнул вперёд, красный плащ колыхнулся за спиной. Дионисий молчал, но его пальцы скользнули к крестам на поясе. В этот миг они все поняли: лес ждёт их.

Тем временем далеко от них, на другом краю деревни, шла Хоуп — жена Дионисия. Её платье было перепачкано землёй, руки дрожали от усталости. Она возвращалась с поля, где до самого заката работала, и лишь одна свеча в окне её дома манила теплом.

Внезапно воздух разрезал пронзительный свист. Он пронёсся по стерне, будто кто-то бежал рядом, скрытый во тьме. Хоуп замерла, сердце ухнуло вниз. Ещё один свист — ближе. Она сорвалась с места и, задыхаясь, добежала до дома.

Захлопнула дверь, опустила засов и упала на колени. Пламя свечи на столе дрожало, отражаясь в зеркале. Хоуп поднялась и, дрожащими руками, убрала с лица волосы.

На её шее блеснула тонкая струйка крови.

Она отдёрнула прядь — и увидела две тёмные точки, словно след от клыков.

Лицо её побелело. Она отшатнулась, опрокинула стул, упала на пол и, отползая к кровати, уткнулась в подушку.

Слёзы застилали глаза.

Троица пробиралась всё глубже. Лес становился всё теснее, ветви переплетались над головами, словно когти, готовые сомкнуться. Туман висел между стволами, и казалось, что за каждым из них кто-то стоит, следит.

Анастасия шла впереди, её лицо озарял бледный свет позоха. Александр двигался рядом, сжимая молот так, будто держал в руках последнюю надежду. Дионисий шёл замыкающим, а его капюшон скрывал глаза — лишь напряжённая челюсть выдавала, что он ждёт удара из темноты.

Чем дальше, тем гуще становился воздух. Гниль и железо стояли в нём, будто сама земля истекала кровью.

Дионисий шёл, настороженно вглядываясь в каждую тень.

—

Здесь повсюду они, — сказал он хрипло.

Первым на них выскочили оборотни. Чёрные, с длинными лапами и пастями, полными слюны. Десятки глаз сверкнули в тумане.

—

К бою! — рявкнул Александр.

Один удар молота расколол сразу троих, разметав их в стороны. Дионисий вытянул цепные хлысты — их звенья зазвенели, и волны стали взвились в воздухе. Металл рвал плоть, срезал лапы, а хриплые визги рвались в ночь.

Анастасия же подняла руку, и с неба снизошёл световой

луч, обжигая шерсть и кости. Обратные обратились в пепел.

—
Это только начало, — прошептал Дионисий.

Дальше появились зомби. Из земли прямо под ногами. Они карабкались наружу, с костяными пальцами и гнилыми лицами. Запах гнили ударил в нос.

Александр швырнул вперёд плазменный клинок, созданный магией, и тот разнёс первых. Дионисий, бросая святые кресты, взрывал гниющие туши, оставляя лишь дым и клоушья. Анастасия читала молитву, и земля под зомби вспыхивала белым пламенем.

—
Они тянут время... — процедил Александр.

И тут земля зашаталась. Огромный корень ударил из-под земли, отбрасывая их назад. Из тумана поднялось чудовище. Оно было соткано из корней и ветвей, высотой с дом. Его морда напоминала искажённое оленьё лицо, но с пастью волка. Глаза светились зелёным мраком.

—
Берегись! — крикнула Анастасия.

Древесный зверь ударил лапой, и Александр полетел в сторону, сбив несколько деревьев. Дионисий, скрестив руки, метнул в него вспышку святой энергии, но чудовище лишь заревело и пошло вперёд.

Тогда Анастасия вытянула посох и ударила белым лучом в грудь. Ветви задымились. Александр телепортировался за

спину чудовища, призвал каменные шипы прямо из земли и проткнул зверя насквозь. Оно взревело, затрещало, и, обрушившись, развалилось на гниющие сучья.

Лес снова стих. Лишь тяжёлое дыхание троицы наполняло ночь.

И впереди, среди корней, они увидели зияющий провал — вход в логово. Из него струился красный свет и запах крови.

—

Вот оно... — выдохнул Дионисий.

—

Пасть тьмы, — добавил Александр.

—

И мы войдём, — закончила Анастасия, шагнув первой.

Они спустились в зияющий провал. Воздух внутри был густым, как смола, пахло серой, кровью и чем-то сладким, гниющим. Красноватый свет исходил от рун, выжженных на стенах. Каждая руна будто шептала, и слова эти были мерзкими, режущими слух.

Анастасия перекрестилась.

—

Сколько крови пролито здесь...

Их шаги отдавались эхом. Каменные плиты под ногами были скользкими — то ли мхом, то ли засохшей кровью. Вдоль стен висели цепи, на которых качались останки — не кости даже, а высушенные оболочки людей.

Дальше открылся широкий зал.

И первое, что они увидели, — гора детских черепов. Маленьких, белых, многие с трещинами и следами зубов. От них тянуло холодом, словно сами души детей ещё стонали в камне.

Анастасия зажала рот рукой, глаза её налились слезами.

—

Псы ада... — прошептала она, дрожащая от ярости.

Вдоль стен стояли культисты — десятки. Лица скрыты капюшонами, руки сжимали ножи, цепи, жезлы. Они шептали что-то, качаясь в такт невидимому ритму.

—

Вот и хозяйева бала, — ухмыльнулся Александор, сжимая молот.

—

Не время говорить, — прорычал Дионисий и шагнул вперёд.

Он достал свои хлысты, которые развернулись в кольца стали. С треском и визгом они разрубали первых культистов, будто ткань. Крики разорвали зал.

Александор телепортировался прямо в гущу врагов. Его молот вызвал ударную волну, от которой десятков тел разлетелись клочьями, руны на стенах дрогнули. Он призывал мечи, копыя, пики — оружие падало с воздуха, как дождь.

Анастасия шагнула к алтарю. Её руки вспыхнули белым светом, и каждый, на кого падал её взор, воспламенялся изнутри. Женщина больше не молилась — она проклинала.

И тут в дальнем углу, на кресте из чёрного железа, они заметили фигуру.

Прикованный человек. Его руки были распяты, кожа изрезана символами. Лицо залито кровью. Но в глазах — узнаваемое выражение: страх и хитрость.

—

Тимуджин... — прошептал Дионисий.

Он был здесь, пленённый, как собака. Но губы его дрожали, и он шептал:

—

Пощадите... прошу... я всего лишь слуга...

Анастасия, не выдержав, бросилась к нему и ударила. Её кулак, казалось, сломает череп. С каждым ударом лицо Тимуджина превращалось в месиво. Зубы летели на камень, кровь брызгала на её руки, но она не останавливалась.

Александр подошёл, положил руку ей на плечо.

—

Довольно. Он не стоит твоей злобы.

Она тяжело дышала, но отступила.

И в этот момент, на алтаре, они увидели письмо. Свиток, запечатанный красным воском.

Александр сорвал его, прочитал вслух:

«Я знал, что конец придёт. Вы найдёте меня, и не будет спасения. Но вы опоздали. Чернобог уже здесь, и его тьма растеклась по вашему миру. Моя смерть ничего не изменит».

Подпись: Дмитрий.

Зал содрогнулся, будто слова сами по себе были заклятием.

Александр сжал письмо, глаза его загорелись кровавым светом.

Троица подошла к кресту из чёрного железа. Прикованный Тимуджин выглядел, как ободранная туша: кожа вся в зарубках, символы чернели на груди, лицо превратилось в окровавленную маску. Но даже в таком состоянии глаза его сверкали бешеным фанатизмом.

Александр схватил его за волосы и поднял голову.

—

Где Дмитрий? Где твой хозяин?

Тимуджин с трудом закашлялся кровью и прохрипел:

—

Ты думаешь... я предаю его? Он — наш свет... наш бог во тьме. Даже если бы он сам вырвал моё сердце, я бы благодарил его.

Анастасия ударила его в лицо, зубы с треском вылетели на камни.

—

Тварь! Он продал твой народ Чернобогу! Он убил тысячи!
Тимуджин улыбнулся кровавым ртом.

—

И ещё убьёт миллионы. Но ради него я приму всё.
Александр сжал кулак так, что костяшки побелели.

—

Где он, пёс?! — рявкнул он и вонзил кинжал в плечо пленника.

Тимуджин застонал, но глаза его всё равно горели безумием.

—

Сколько бы вы ни резали меня... я всё равно умру с его именем. Дмитрий — выше вас. Он уже вознесён.

Эти слова стали последней каплей.

Александр сорвался. Он схватил Тимуджина за грудь, разорвал цепи, удерживавшие тело, и, подняв его, как тряпичную куклу, проревел:

—

Я вырву из тебя верность вместе с костями!

И с нечеловеческой яростью он разорвал его пополам прямо перед алтарём. Хруст костей, визг рвущихся сухожилий и фонтан крови заполнили зал.

Тело рухнуло на каменные плиты, и в ту же секунду руны на стенах вспыхнули багровым светом, будто сама смерть Тимуджина была жертвоприношением.

Анастасия отшатнулась, её дыхание сбилось.

—

Александр... ты...

— Молчи, — выдохнул он, вытирая кровь с шлема. Его глаза горели яростью. — Я клянусь... я найду Дмитрия. И вырву его сердце, повторил он вновь.

В зале повисла мёртвая тишина. Только кровь Тимуджина

стекала по плитам, образуя тёмные символы на полу.

После похода в логово культистов дорога домой казалась вечностью. Ночь глотала каждый его шаг. Лишь мерцание луны и скрип доспехов напоминали, что он всё ещё жив. В груди тяжело давила усталость, а в голове звучали крики утопленников и предсмертный вой тех монстров, которых они разорвали в лесу.

У калитки его встретила тишина. Дом казался мёртвым — ни огня, ни движения. Дионисий толкнул дверь, она скрипнула, как будто жаловалась. Внутри пахло воском и прелой землёй.

—

Хоуп? — позвал он, снимая плащ.

Она сидела у зеркала, в одной сорочке, бледная, как сама луна. Лицо её отражалось тускло, и свеча бросала по комнате длинные тени.

— Ты вернулся... — её голос был тихим, словно чужим.

Дионисий подошёл ближе. Он заметил странное: волосы жены закрывали половину шеи, а кожа была почти прозрачной. Он коснулся её плеча, и она вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил он.

Она медленно убрала волосы, и он увидел две алые точки на шее. Тонкая струйка крови ещё блестела.

— Это... пустяк, — Хоуп отвела взгляд. — Я просто... чувствую себя иначе. Но теперь это не важно. Главное, что ты рядом.

Она поднялась и обняла его с какой-то новой силой. Её пальцы вцепились в доспехи, словно когти. В её дыхании чувствовался холод, не похожий на дыхание живого человека.

— Ложись со мной, — прошептала она, притянув его к кровати. — Я так долго ждала...

Её губы жадно искали его. Она целовала его с отчаянной страстью, будто боялась, что это их последняя ночь. Дионисий поддался, разрываясь между радостью и тревогой.

И вдруг он почувствовал, как её губы скользнули к его шее. Объятие стало сильнее, руки — словно железные обручи.

— Хоуп... — выдохнул он, но не успел.

Острые зубы вонзились в его плоть. Боль смешалась с невыразимым чувством холода, что разлилось по всему телу. Он дернулся, но её хватка была нечеловеческой.

Свеча на столике мигнула, и пламя потухло.

В доме воцарилась тьма.

День клонился к вечеру. Солнце садилось медленно, окрашивая сад золотистым светом. Лёгкий ветерок колыхал листву деревьев, и от этого дорожки казались живыми, переливающимися. Фонтан журчал спокойно, как будто ничего злого и страшного не было в этом мире.

Анастасия шла впереди, её лёгкое платье цвета вина мягко колыхалось. Она выглядела спокойной, но по глазам было видно — мысли её были тяжёлыми.

Рядом шагал Александр. Без доспехов он казался иным — не рыцарем, а просто мужчиной. Смуглая кожа, широкие плечи, густые чёрные волосы, которые блестели на солнце, и серьёзный взгляд карих глаз. В нём не было позы, только тяжесть прожитого.

— Мы почти закончили с этим кошмаром, — сказал он, разрывая молчание. Его голос был низким и усталым. — Дмитрий не сможет вечно прятаться.

Анастасия кивнула.

— Он знает, что проиграл. Но конец одного зла не означает конца всех бед. В тени всегда есть то, что готово вылезти снова.

Они остановились у каменной скамьи под раскидистым дубом. Солнце пробивалось сквозь листву и ложилось на её лицо пятнами света. Александр смотрел на неё и вдруг ощутил, как внутри что-то сжалось.

— Ты знаешь... — он замялся, будто слова давались трудно. — Вы с Дионисием для меня больше, чем просто соратники. Вы — семья. Но когда я думаю, что ты уйдёшь в церковь и оставишь нас... мне становится пусто.

Анастасия вздохнула, чуть опустив голову.

— Я теперь матриарх. У меня новая роль — готовить тех, кто придёт после нас. Это моё время.

Александр нахмурился. Его кулаки сжались.

— А моё бремя — убивать чудовищ. И я принимаю его. Но мысль, что ты уйдёшь... — он сделал шаг ближе, его тень легла на неё. — Мне невыносима.

Она подняла взгляд, и в золотом солнечном свете их глаза встретились. Александр резко протянул руку, коснулся её плеча. На миг он забыл про орден, про долг, про весь мир. Он видел только её.

Его лицо наклонилось ближе. Слишком близко.

Анастасия отступила на шаг и мягко, но твёрдо убрала его руку.

— Нет, Александр. Для меня ты брат. И только брат.

Между ними повисла тишина. Где-то вдали пели птицы, свет солнца постепенно становился красноватым.

Александр стоял неподвижно, его чёрные волосы блестели в отблесках заходящего света, но глаза потемнели. Он не сказал ни слова, только глубоко вдохнул и отвернулся, чтобы она не увидела, как боль искадила его лицо.

Анастасия задержала на нём взгляд, в её глазах промелькнула печаль. Но она всё равно развернулась и пошла прочь, её шаги были твёрдыми.

Александр остался один. Крупный, сильный, но в этот миг — сломленный.

Солнце скрылось за горизонтом, и ночь спустилась на город. Улица тонула в лунном свете. Александр шагал к до-

му своего брата, и тревога жгла его изнутри. Дверь оказалась заперта. Он выбил её плечом — внутри было пусто, слишком тихо.

Шёпот проскользнул за спиной.

— Брат мой...

Александр резко обернулся. Перед ним стоял Дионисий. Но его лицо уже не было тем же. Глаза — красные, нереальные, блестели в темноте. На шее — следы укуса.

— Что с тобой? — голос Александра дрогнул.

— Случилось прозрение, — хрипло усмехнулся Дионисий. — Хоуп показала мне истину. Мы боролись со злом, но на самом деле — боролись с силой. А я не хочу больше быть рабом. Я хочу жить. Вечно.

Он расправил руки, и в его ладонях возникли цепные хлысты, покрытые тёмным сиянием.

— Ты выбрал предательство, — сказал Александр, материализуя меч из плазмы. Лезвие вспыхнуло бело-алым светом, отражаясь в его густых чёрных волосах. — Тогда это конец, брат.

Дионисий рванул вперёд. Хлысты свистнули в воздухе и обвили вокруг меча Александра. Металл заскрежетал, искры осыпались. Александр дёрнул рукой, но цепи держали крепко.

— Ты всегда был сильнее... — прошипел Дионисий. —

Но теперь мы равны!

Он рванул на себя, выбивая меч, но Александр телепортировался за его спину, ударил молотом, вызванным магией. Удар обрушил землю под ногами, но Дионисий уже переместился, оставив за собой шлейф тьмы.

Их схватка превратилась в вихрь. Телепортации, удары, крики. Каменные шипы рвались из земли по приказу Александра, но Дионисий прорывался сквозь них, когтями рвал камень, как плоть.

Наконец Дионисий схватил Александра за горло и поднял над землёй. Его лицо исказилось, зубы вытянулись в клыки.

— Подумай, брат... Вместе мы могли бы стать владыками!

Александр хрипел, хватая воздух, но успел активировать заклинание. Из-под земли вырвались шипы и проткнули тело Дионисия. Тот взвыл, кровь брызнула на стены дома. Александр вырвался, оттолкнул его и врезал молотом в грудь.

Дионисий рухнул на колени. Но в этот миг он поднял голову к луне. Полная луна залила его светом — и его тело начало меняться. В тот миг, когда луна залила брата светом, Александр успел заглянуть ему в глаза.

Это уже были не глаза человека.

Красная радужка светилась, но в самой глубине мелькали **осколки воспоминаний** — лицо Хоуп, огонь свечи, детские игры... И всё это искажалось, будто кто-то заливал их смолой.

Александр на миг увидел, как **человеческая часть Динисия бьётся в клетке**, а вокруг неё поднимались волны тьмы, пожирая её.

На секунду ему показалось, что брат тянет к нему руку изнутри, беззвучно умоляя о помощи.

А потом взгляд захлопнулся — и на его месте остались глаза зверя. Кости трещали, мышцы раздувались, кожа покрылась чёрной шерстью. Его руки вытянулись в крылья, глаза стали звериными.

Перед Александром стоял уже не брат. Перед ним возвышалась чудовищная летучая мышь, гигантская, с клыками, длинными когтями и крыльями, которые заслонили половину неба.

Александр тяжело вздохнул, его лицо стало каменным.

— Прости меня, брат...

Он вызвал свою драконью броню. Пламя окутало его тело, и на месте воина встал гигант в чёрно-красных доспехах с алым плащом. Его глаза горели светом решимости.

Чудовище взревело, сотрясая улицу, и врезалось в Александра. Они проломали стены дома, доски разлетелись щепками. Внутри разгорелась адская схватка.

Молот гремел, разя по крыльям, цепи Дионисия хлестали, разрубая стены. Огонь факелов смешивался с их тенями. Каждый удар был, как удар грома, каждый вздох — словно рев вулкана.

До рассвета дом дрожал от их боя. Соседи, не решаясь выйти, слышали только крики, удары и треск разрушающегося здания.

Когда пришла стража, всё стихло. Дом был превращён в руины. В центре, в луже крови, сидел Александр. Его броня была изодрана, но он держал в руках окровавленную голову чудовища. Отрубленное крыло и лапа валялись рядом.

Его лицо было мрачным, как сама смерть.

Он медленно поднялся, бросил голову к ногам стражников и, не сказав ни слова, растворился в воздухе.

Стража осталась в тишине. В сердце каждого врезался один вопрос:

кто победил в этой битве — человек или зверь?

Прошло несколько дней. Анастасия уже носила чёрное облачение матриарха. Её церковь была холодна и полна свечей, их пламя дрожало в пустоте. Она молилась, когда двери с грохотом распахнулись.

На пороге стоял Дмитрий. Его шаги шатались, тело было

изранено, одежда пропитана кровью. Его глаза — усталые, отчаянные. За ним вдали мелькали силуэты адептов ордена света. Он почти не дышал, но всё же вошёл.

И тогда за его спиной, словно сама тень, появился Александр. Дмитрий рухнул

Александр в руке держал сердце — чёрное, дымящееся, ещё живое. Он сжал его так, что оно разлетелось на части.

—

«Сестра, ты слышала про смерть Дионисия?» — его голос был глух, будто звучал из-под земли.

Анастасия подняла взгляд, её зелёные глаза дрогнули.

—

«Да... Ты убил его».

Александр усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. Только пустота.

—

«Вот и всё. Больше нет нас».

С этими словами он исчез во мраке, оставив за собой запах серы и пепла.

Так храм, где молились столетиями, был осквернён.

За убийство и святотатство Александра исключили из ордена. Но ему было всё равно. Слухи говорили: после той ночи его больше никто не видел.

Анастасия же, получив приказ старейшин, собрала своих адептов и покинула эти земли. Её лицо оставалось непроницаемым, но в сердце жила тревога: мир трещал, а их орден

лишь гнался за теньями.

Ночью, когда она вернулась в свои покои, лунный свет озарял икону, перед которой она часами молилась. Лик святой женщины казался спокойным... слишком спокойным.

И вдруг тень шевельнулась.

Икона треснула. Из неё вытянулась когтистая лапа. За ней — рыло Джокера. Его пасть сияла белыми, нереально острыми зубами, глаза горели изнутри безумием.

Он шагнул из камня, как будто сама икона родила чудовище. Подкрался к спящей Анастасии. Его когти осторожно приоткрыли её губы. На миг он задержался, ухмыльнувшись.

А потом его тело растворилось в алом тумане, который рванулся внутрь её рта.

Свечи в храме погасли разом.

Анастасия стояла в пустынном храме. Своды уходили в бесконечную тьму, и только один луч лунного света падал на неё. Она была одета в белое одеяние матриарха, в руках держала чётки.

Она подошла к огромному зеркалу, стоявшему в центре зала. Его рама была из чёрного золота, усыпанного символами, которые шевелились, словно живые змеи.

В отражении — та же она. Те же волосы, те же зелёные глаза. Но вот губы её отражения начали растягиваться в широкую, нечеловеческую ухмылку. Зубы стали острыми, как лезвия.

«Ты молишься Богу... а я молюсь тебе», — прошептало отражение её же голосом, только искажённым, будто кто-то смеялся и рыдал одновременно.

Анастасия отпрянула, но её ноги приросли к полу. Она пыталась отвести взгляд, но зеркало манило.

Отражение подняло руку, и когти, длинные, чёрные, как из пепла, вырвались из пальцев. Оно коснулось стекла, и от прикосновения пошли волны, словно зеркало стало водой.

— «Ты уже моя, матриарх...» — улыбка стала шире.

И вдруг отражение переменялось. Теперь в зеркале был Джокер. Его лицо расколото трещинами, а изнутри сочился красный туман. Он вылезал из зеркала прямо к ней.

Она закричала, но вместо крика из её рта хлынул тот самый алый туман. Он заполнял зал, душил, сжимал горло.

Последнее, что она услышала — был её собственный смех, но не её голос.

Она проснулась в холодном поту, прижимая руки к груди. Комната была пуста, свечи давно догорели. Но в зеркале у изголовья кровати на миг промелькнула ухмылка.

Из воспоминаний Дмитрия

Александр шёл по следу Дмитрия. Не бежал, не спешил — шёл, и каждый его шаг отдавался в сердце беглеца, словно удар колокола. Он не был паладином, движимым долгом, и не был человеком, ведомым гневом. В его движениях не было ничего личного — только холодная игра.

Дмитрий знал это. Он слышал его шаги даже тогда, когда тот был слишком далеко. Он ощущал, как взгляд Александра пронзает его из-за углов, как шёпот чёрных крыльев обвивает его сны.

В глубине души Дмитрий готов был признать: **он не боялся Чернобога так, как боялся Александра.** Демоны обещали власть, кровь и силу, но Александр... он был чем-то иным. Он играл в охоту, и Дмитрий чувствовал себя не врагом, а зверем, которому дали убежать, чтобы потом наслаждаться его страхом.

Иногда, в краткие мгновения, когда тьма становилась плотной и каждый скрип ветки казался последним, Дмитрий слышал его голос. Он не говорил слов — лишь дыхание, насмешливое, едва уловимое, словно за спиной.

— Ты... хочешь убить меня, потому что я сделал Дионисия вампиром, да? — однажды прошептал Дмитрий, обращаясь в пустоту. — Но у тебя нет доказательств! Нет!

Ответа не было. Только тихий смех, беззвучный, внутренний.

И тогда Дмитрий понял: **Александр не искал доказательств. Ему не нужны были оправдания. Он хотел этого —

потому что ему нравилось ломать.**

С каждым днём страх превращал Дмитрия в тень. Он отказывался есть, не спал, его тело дрожало, как у животного, затравленного псами. Даже слуги замечали, что господин шепчет во сне: *«Он здесь... он уже здесь...»*

И когда Александрова тень почти накрыла его, Дмитрий сделал то, чего не сделал бы никогда — он сдался.

Он пришёл к Анастасии, рухнул перед её ногами.

Глава 10

Год 3275, месяц Солнца

Авалон поднялся на очередной холм. До замка путь был ещё долгим, слишком долгим. Его ноги гудели от усталости, но он решил переночевать в пещере неподалёку.

Разведя костёр и постелив солому, он лёг, глядя на колыхающееся пламя. Тепло пригрело его, и сон смежил веки.

Ему снился старый мир. Он снова был в сияющих белых доспехах. Рядом стояла Джозелин, нежная и любимая. Подруга Лия — в благородных латах рыцаря. Чуть дальше — пятеро братьев-паладинов у Золотого Креста. Посреди них — отец.

«Папа... прости...» — прошептал Авалон, бросаясь в его

объятия. Слезы текли по лицу. — «Мне жаль... что всё закончилось так».

—

«Сын мой, не плачь. Тебе ещё многое предстоит», — голос отца был мягок. Но в ту же секунду сияющий храм обрушился. Колонны треснули, витражи полыхнули огнём, и райский свет сменился пламенем ада.

Отец сгнил прямо в его руках, тело разлагалось, словно падаль. Джозелин исчезла, будто растворилась в дыму. Братья обернулись чудовищами — их крылья заслонили небо, а смех гремел эхом прямо в голове Авалона.

В мраке появился свет. Это была Лия. Она шла к нему в сияющих доспехах, держа клеймор.

—

«Лия! Сестра моя! Зачем всё это?!»

Она засмеялась — и через миг её тело исказилось. Белые доспехи сползли, кожа стала багровой, волосы — фиолетовыми, глаза — чёрными без зрачков. Перед ним стояла крылатая суккуба.

Авалон закричал — и проснулся, обливаясь потом.

Перед ним сидела обнажённая девушка.

—

«Не бойся... я потерялась. Мне холодно... согрей меня», — она протянула руки.

Авалон мгновенно выхватил меч и со всей силы ударил её, впечатав лицо в костёр. Пламя охватило кожу, и она взвыла нечеловеческим криком, исчезнув в темноте.

«Ты не в моём вкусе, нечисть», — процедил он.

Сон больше не пришёл. Он сидел у костра до рассвета, проклиная отца, молясь — и тут же отрекаясь от Бога.

В небе пронеслось что-то огромное, заслонив луну.

На следующий день он двинулся через высокую траву. Ветер рвал его плащ. Ночью он дошёл до леса гулей.

В кустах раздалось рычание. На него прыгнула самка-оборотень — огромная, с жёлтыми глазами. Она сбила его с ног, придавив грудью лицо, лишая дыхания.

Авалон выхватил кинжал и распорол её грудь. Оборотень завыл, откатившись назад, и вдруг превратился... в девочку лет четырнадцати. Она захлёбывалась кровью и шептала:

«Помоги...»

Авалону стало жалко её, но он понимал: это обман. Она могла контролировать превращение. Он поднял меч — и отсёк половину её тела. Девочка умерла, не издав ни звука.

Авалон вышел из мрачного леса, где еще витал запах крови и гниющих тел, и поднялся на высокий холм. Перед ним открылась долина. Внизу, на каменном склоне, раскинулось поселение. Из труб поднимался дым, слышались звуки кузниц, лай собак и звон колокольчика у таверны. Живое место,

полное людей.

После ночных видений и схватки с оборотнем сердце его сжалось: это всё еще мир живых.

Когда он вошел в деревню, на него сразу обратили внимание. Люди, обмотанные грубыми накидками, с суровыми лицами, остановились и уставились на чужака в израненной броне. Дети прятались за спинами родителей.

—

Путник... откуда ты идешь? — спросил бородатый кузнец, вытирая руки от копоти. — Из леса?

Авалон кивнул.

—

Тогда будь ты хоть святой, хоть демон, — знай, у нас чужакам доверия нет, — добавил староста, хмурый старик с глазами, полными тревоги.

Он пошёл дальше по улице. На перекрёстке стояла таверна — старое каменное здание с вывеской в виде треснувшего кубка. Внутри было тепло и шумно: пахло хлебом, кислым элем и дымом от очага. Люди сидели за длинными столами, но их разговоры стихли, когда вошёл вооружённый незнакомец.

Авалон заказал кружку тёмного эля и сел в угол. Постепенно шум вернулся, и он стал слушать.

—

Опять обоз пропал... — бормотал один мужик, нервно

крутя в руках ложку. — В лесу это было. Ни лошадей, ни людей — только следы когтей в земле.

—

Я же говорю, то дети Лилит! — воскликнула женщина у другого стола. — Сын мой видел, как в темноте глаза горели разными цветами. То красные, то синие, то зелёные. Они теперь всюду!

—

Тише, дура, — шикнул на неё муж. — Здесь лишние уши бывают.

Авалон отпил эля и почувствовал, как за его плечами шум стих. К нему подсел человек в кожаном фартуке — видимо, кузнец.

—

Если ты воин, — сказал он тихо, — знай: мы живём на границе ада. Лес забрал наших детей. Недавно пропали двое мальчишек — и лишь один вернулся... без глаз, весь седой, будто ему сто лет. Он с тех пор не произнёс ни слова.

Авалон сжал кружку так, что та треснула.

Он понял: впереди ждёт не только путь к замку, но и новая битва. Этот мир жив, но едва держится за жизнь.

Тем временем в другом конце страны вершились тёмные дела.

—

«Ты справилась. Но прошло уже семь дней. Теперь у тебя новое задание», — голос Владыки звучал в зале, словно из-под земли. — «Двое людей Кардинала будут в аэропорту. Они проверяют грузы. Убить их будет легко. Но нужно, чтобы это выглядело как несчастный случай. Хотя после трёх убитых рыцарей всем уже ясно, что это не случайность... Сделай как знаешь. Главное — останься жива».

Афина кивнула. В этот раз она взяла с собой разумную Белую Волчицу.

Аэропорт стоял на окраине города, как огромный живой механизм из стекла и стали. В воздухе висел тяжёлый запах керосина, ревели турбины, дирижабли поднимались и садились, а десятки рабочих, стражников и торговцев сновали туда-сюда. Всё выглядело как хаос — но Афина видела в этом шахматную доску.

Её целью были два рыцаря Кардинала, которые должны были осматривать грузы. Убить их было просто. Но Владыки требовали несчастного случая, такой, что внес бы страх в сердца целого города. Афина решила пойти дальше: уничтожить не только рыцарей, но и сам аэропорт, чтобы нанести удар по символу власти и порядка.

Она пришла не одна — с ней была Белая Волчица, бывшая наёмница, недавно оказавшаяся у неё в подчинении. Та

держалась настроенно: в глазах её было больше желания выжить, чем служить делу.

—

Ты знаешь, чего я боюсь? — спросила Волчица, пока они шли вдоль железнодорожных путей к аэропорту.

—

Чего? — даже не повернула голову Афина.

—

Бессмысленной смерти. Чтобы меня вытерли с лица земли как случайную пешку.

Афина усмехнулась:

—

Если бы ты была пешкой, я бы давно тебя сожгла. Ты — мой нож. И пока ты полезна — живёшь.

Волчица сжала клыки, но промолчала.

Войти в аэропорт было легко — толпы рабочих, пассажиров и торговцев скрывали их присутствие. Афина надела длинное чёрное платье поверх снаряжения, чтобы выглядеть как богатая купчиха. Волчица — её “служанка”. Но чтобы пройти к взлётной полосе, нужен был доступ.

Они поджидали. Когда две стражницы ушли в служебный коридор, Афина, скользнув за ними, обрушила на одну тихий удар ножом под ребро, вторую задушила тросом. Их те-

ла спрятала в ящиках для белья, а одежду — надела. Теперь они были в форме охраны.

—

Ты всё же не изменилась... — прошептала Волчица. — Люди для тебя — просто мусор.

—

Ошибаешься, — холодно ответила Афина. — Они — инструмент. Мусор даже до этого не дотягивает.

С рюкзаками за плечами они спокойно прошли к полосе.

Дирижабль

Он был огромен, как плавающий в небе город. Корпус обшит металлом, по бокам — эмблемы Кардинала. Но Афина знала: внутри — тонны взрывчатки и боеприпасов, предназначенные для восточного фронта.

— *Если он упадёт здесь, от аэропорта не останется ничего,* — прошептала она.

Они дождались, пока дирижабль заправлялся. Рядом ходили стражи и сами рыцари — цель миссии. Их пластины доспехов отливали серебром на солнце.

Афина и Волчица, не привлекая внимания, пробрались внутрь вместе с рабочими.

Когда дирижабль поднялся в воздух, Афина наконец раскрыла план:

— *Слушай внимательно. Я вырубая пилотов, разворачиваю корабль и врезаю его прямо в здание аэропорта. Взрыв сотрёт его с лица земли. Рыцари погибнут вместе со всеми. Ты и я выпрыгнем до удара.*

Волчица побледнела:

— *Ты сказала, что убьём двоих! А не две тысячи!*

Афина улыбнулась, её глаза сверкнули:

— *Разве не прекрасно, когда мир горит ярче от одного движения твоей руки?*

Она вошла в кабину. Два удара — пилоты без сознания. Дирижабль качнулся. С усилием Афина развернула машину, направив её в сторону аэропорта.

— *Приготовься, Псина.*

Когда они выпрыгнули, Волчица использовала телекинез, замедлив падение. В тот миг дирижабль врезался в полосу.

Взрыв

Небо озарилось белым пламенем. Гул ударной волны оглушил их. Огонь поднялся выше башен города, взрывной поток снёс ангары, самолёты, целые склады. Пылающие обломки падали километры вокруг. Людей разорвало на клочья, бетонные перекрытия рассыпались, и через несколько секунд от аэропорта остался только кратер и море огня.

Два рыцаря Кардинала сгорели вместе со всеми. Погибли тысячи.

Афина, поднимаясь с травы, рассмеялась

— *Ну вот видишь, Псина? Ты выжила. А значит — справились.*

Волчица не смела отвечать, только смотрела на неё глазами, полными ужаса.

Когда Афина вошла в зал Владык, её встретили взгляды ледяные и тяжёлые.

— *Твоей задачей было убрать двоих. Ты уничтожила аэропорт, две тысячи человек, и теперь на нас охотятся все силы Кардинала,* — сказал один из старших.

Но Афина лишь улыбнулась:

— *Теперь весь мир знает, что его судьба зависит только от нас.*

Кардинал узнал о трагедии лишь спустя несколько часов.

—
«Дирижабль... Аэропорт стёрт с лица земли... Две тысячи погибших. Двое наших рыцарей в числе мёртвых», — докладывал Саймон, едва держась на ногах от усталости.

В комнате повисла тишина. Кардинал медленно достал трубку, прикурил, затянулся так, что уголь раскалился добела. Дым за клубился в воздухе.

—
«Мы имеем дело с врагом куда опаснее, чем думали», — сказал он, хрипло и почти безжизненно.

В его глазах читался не только гнев — страх. Слишком уж дерзко, слишком быстро враг наносил удары.

Он отдал приказ: устроить ****масштабные облавы****. Проверить каждый бар, каждый клуб, каждую тень города. «Мы вытащим их на свет», — сказал он. Но он ошибался.

Через два дня Орден собрал силы. Был выбран заброшенный склад на окраине. По данным информатора, там должна состояться крупная сделка.

—
«Сегодня мы вырвем сердце этой заразы», — сказал один из святых, командовавший операцией.

Снайперы расселись на крышах. Солдаты замерли по периметру. Всё выглядело идеально — словно выверенный до секунды план.

Спустя несколько минут к складу подъехали три чёрных бронированных автомобиля. Из них вышли люди в броне-

жилетах, вооружённые до зубов. Среди них был дилер, тот самый, что сдал место встречи.

Он шагнул вперёд, будто собираясь начать переговоры. Но вдруг один из «охраников» достал пистолет и **разнёс ему голову**. Череп раскололся, кровь брызнула на асфальт.

И тут всё изменилось.

Снайперы молчали. Радиосвязь трещала мёртвой тишиной. Засада оказалась ловушкой.

Люди Владык открыли огонь первыми. Пули били с такой плотностью, что стены склада трещали, крошились, падая на головы. Рыцари пытались построить оборону, но их резали поодиночке.

—

«Это невозможно... Они знали о нас!» — кричал один из братьев, но пулемётная очередь превратила его в месиво.

Двое других рыцарей сражались до конца. Один был сражён гранатой, его тело разметало по полу, как тряпичную куклу. Другой пал под градом пуль, обуглившись в огне взорванного топлива.

Остался последний святой. Он пытался вырваться наружу, но дорогу перегородила Афина.

Синеволосая, в чёрном обтягивающем костюме, с глазами, горящими холодным пламенем. Она двигалась беззвучно, как тень.

Святой выхватил меч, облитый освящённым серебром.

—

«Тварь... сегодня ты падёшь!» — прычал он.

Они сошлись в яростной схватке. Его удары были тяжёлыми, полными отчаяния, но Афина двигалась быстрее любого человека. Она уворачивалась, пропуская клинок в миллиметрах от себя, и смеялась.

Её нож блеснул — и вонзился в его бок. Потом второй удар — по плечу. Святой упал на колени, захрипел, но, сжав зубы, ударил её кулаком в лицо и оттолкнул.

«Я не отдам тебе свою душу!» — он поднялся, окровавленный, и замахнулся на неё снова.

Афина перехватила его руку, с хрустом сломала кость. Клинок выпал. Тогда она схватила его за волосы, рывком запрокинула голову и **вогнула нож в горло**.

Святой захрипел, кровь залила броню. Афина не остановилась. Она потянула сильнее, и с жутким треском **вырвала голову вместе с позвоночником**.

Она подняла её над собой, как трофей, и улыбнулась.

«Ваш Бог молчит. А мы — говорим громче».

• Год 3275, месяц Света

Ветер бил в лицо, играя с прядями волос. На зелёной скале, усыпанной яркими цветами — жёлтыми лютиками, алыми маками и фиолетовыми ирисами — лежали два тела.

Орёл — мёртвый, изувеченный, с пустыми глазами, глядящими в голубое небо. Его кровь тонкой струйкой стекала

ла в расщелину, окрашивая в красный цвет белые лепестки горных ромашек.

Рядом Лина. Её зелёный доспех был расколот, словно скорлупа, тело иссечено ранами, дыхание еле слышно. Она напоминала цветок, раздавленный на камне — хрупкий, но всё ещё не сломленный.

Скалу заливало солнце. За краем пропасти открывался величественный вид: горы, уходящие в облака, и море зелёных лугов внизу, где ветер качал ковёр из васильков и маргариток.

И именно на этом фоне тень закрыла свет.

Женщина. Высокая, около сорока лет. Бело-чёрные волосы струились по плечам, словно сама ночь переплелась с днём. Её катарийская одежда сидела, как вторая кожа, подчёркивая изящество и силу. В глазах — холод, как сталь клинка.

Она склонилась к Лине. На миг её черты смягчились, и с тонкой полуулыбкой она прошептала:

—

«Ещё не время умирать».

Женщина осторожно подняла Лину на руки. В тот миг доспех паладинши рассыпался пеплом, обнажив чёрную майку, мокрую от крови и блеснувшую на солнце, как угольный шёлк.

Поднявшись, незнакомка бросила взгляд на Орла — и молча отвернулась. Ветер сорвал с края скалы лепестки ма-

ков, и они закружились вокруг них, словно алые капли, неотличимые от крови.

Женщина ушла в сторону дальних скал, унося Лину, а цветы продолжали качаться на ветру, будто сама природа укрывала место гибели Орла — красотой, которую не могла разрушить даже смерть.

Мир давно перестал быть живым.

Сначала погибали люди — по одному. Любимая Лодрига задохнулась в руках Скарлет. Алиса исчезла в тених, Руберт сгнил в преступных долгах, Дмитрий прятал в клетках змей, кормившихся чужим страхом. То были личные трагедии, маленькие смерти, которые будто не касались целого мира.

Но зло не умирает вместе с человеком. Оно расползается, как трещина в стекле. То, что начиналось с ножа в сердце, со слёз над могилой, с предательства друга — превратилось в бездну, куда падали уже города.

Орден Света ещё пытался держать стены. Кардинал ещё верил в порядок. Но вера рушилась быстрее, чем падали башни. Там, где когда-то сражались герои, теперь гремели взрывы, рвались дирижабли, а тысячи жизней превращались в пепел за одно дыхание.

Мир теней, который казался лишь метафорой, стал явью. Война вышла из подземелий — и накрыла небеса.

И среди этого хаоса появляются новые имена. Афина, играющая жизнями тысяч, словно костяшками. Лина, чья броня трескается вместе с её судьбой. Авалон, паладин, что от-

рекается от Бога и шагает один сквозь руины.

Это уже не история людей.

Это история мира, который сам стал жертвой.

Арка III : Хексен

Глава 11

Записки монастырей и дневники жителей сланого королевства Белоридии.

Развал страны

После десятилетий войн и предательств империя пала.

Орден Света ослаб, города восстали друг против друга.

На руинах власти поднялся **Тёмный Совет** — союз заговорщиков и убийц.

Совет распространил криминал, подчинил торговлю, дороги и целые кварталы.

Где прежде были монастыри и церкви — теперь стояли притоны и арены гладиаторов.

Жизнь: крестьяне и ремесленники потеряли защиту государства. В городах больше нет стражи — её место заняли банды.

Реакция: люди сначала надеялись, что появится новый король или военачальник, но вскоре поняли — власть ушла навсегда.

Быт: семьи уходят в горы и деревни, строят укреплённые хутора. Многие начинают хранить оружие дома, как раньше хранили хлеб.

Призыв Чернобога

Дмитрий, бывший маг и политик, заключил сделку с Чернобогом.

На его зов явились демоны: змеи-мутанты, чудовища из искажённых тел, армии теней.

Мир содрогнулся — леса почернели, реки наполнились падалью, а небо окутал туман.

Жизнь: поля гибнут, деревни выкашиваются ночными тварями. Люди боятся выходить после заката.

Реакция: массовые паники. Дети не рождаются или рождаются мёртвыми — это считают знаком конца.

Быт: крестьяне пытаются освятить землю, но кресты и молитвы не помогают. Люди начинают продавать души за защиту, появляются первые культы демонов.

Нашествие Дочери Бога

Когда мир и так трещал под натиском демонов, из небесных сфер спустилась **Дочь Бога**.

Её появление стало последним ударом: города обращались в пепел лишь от её шага, воины орденов гибли, даже не приблизившись к ней.

Рыцари не смогли её победить — лишь задержали.

Жизнь: целые города исчезают за день. Утром там кипит жизнь — вечером остаются только руины и кости.

Реакция: для простых людей она стала почти «богиней кары». Одни падают ниц и молятся ей, считая её мессией. Другие сходят с ума, понимая, что ни один человек не может её остановить.

Быт: беженцы хлынули в горы, но даже там небеса не давали покоя: грозы, молнии, вспышки света. Люди начали строить подземные поселения и пещерные города.

После разрушений власть окончательно перешла в руки **Тёмного Совета**.

Шакал — хозяин криминальных сетей, правитель теней городов.

Афина — исполнительница терактов, изощрённая убийца тысяч.

Джокер — существо из иконы, вселившееся в тела и разум людей.

Совет держал мир в страхе.

Ни демоны Чернобога, ни Дочь Бога не исчезли окончательно — они продолжали давить остатки человечества.

Мир окончательно превратился в **царство теней**, где законы больше не имели значения, а вера сменилась отчаянием.

Жизнь: города живут под мафией Тёмного Совета. Каждая улица платит дань Шакалу. В тавернах шепчутся, что Афина устроила новые теракты, а Джокер забирает детей в «игры».

Реакция: люди притерпелись. Война и демоны были ужасны, но к бандитской власти привыкают быстрее — хоть какая-то «стабильность».

Быт: крестьяне торгуют с криминалом, ремесленники делают оружие для Совета, женщины продают себя ради защиты. Для простого народа зло стало обыденным законом.

Отчет от летописцев :

В начале — страх и надежда.

При демонах — отчаяние.

При Дочери Бога — суеверный ужас и безумие.

При Совете — привыкание к мраку, когда люди уже не верят в добро, а просто хотят дожить до утра.

Утро в деревне начиналось с тревоги. Петухи кричали, но не потому что рассвело — они орали от того, что в поле снова нашли разодранный труп овцы. Соседи говорили: «Это утопленники из леса, они всё ближе». Старики же шептали другое — «Чернобог насылает нам тварей, за грехи».

Я иду в поле с мотыгой, но руки дрожат. Вчера ночью в соседнем селе жгли ведьму — говорили, она молилась не Богу, а демонам. Но я видел: её глаза были полны ужаса и мольбы, а толпа орала, будто сама одержима.

В городе, куда я иногда хожу торговать зерном, стало ещё хуже. Там теперь правит не князь, а люди Тёмного Совета. Каждый день приходят новые налоги: «за защиту», «за проход», «за жизнь». Шакал и его люди ходят, как хозяева, а стража теперь — их псы. Если у тебя нет серебра — готовь дочь или хлеб, иначе сожгут дом.

На площади говорят про битвы орденов. Кто-то клянётся, что видел рыцарей в сияющих доспехах, сжигавших демонов на костях деревни. Другие шепчут, что орден сам продался мраку, что они приносят жертвы так же, как культисты. Правды мы не знаем. Для нас они все одинаковы — приходят, берут еду, клянутся «спасением» и уходят.

А ночью... ночью земля дрожит. Ветер приносит крики, будто сотни глоток воют в унисон. Демоны Чернобога. Они не всегда нападают — иногда просто ходят рядом, дразнят, как будто знают: страх убивает медленнее, но вернее.

Самое страшное — слухи.

На западе, говорят, идёт Дочь Бога. Она рушит города одним взглядом. Одни молятся, что она принесёт конец всем мучениям. Другие — что это сама кара небес, и если она придёт, никого не останется. Я не знаю, что хуже — ждать её или встретить.

Я крестьянин. Моя жизнь — поле, мотыга, хлеб. Но теперь каждый день — это война, в которой я лишь сорняк, что могут затоптать и демоны, и рыцари, и владыки. Утром я боюсь утопленников, днём — налога Совета, ночью — слухов о Дочери.

И всё, чего хочу — дожить до утра, увидеть жену живой, и чтобы дети проснулись рядом, а не исчезли в чьём-то тумане.

Жизнь в городе во времена мрака

Город живёт, но он больше похож на зверя, что каждую ночь сам себя пожирает.

Утром рынок шумит: рыбаки спорят с торговцами, женщины торгуются за кусок хлеба, уличные певцы кричат молитвы, а издали слышен звон колоколов. Но за всем этим — напряжение. Каждую минуту ждёшь, что где-то рванёт,

или из переулка вытащат труп.

Тёмный Совет пустил свои корни глубоко. В городе — притоны, игорные дома, бордели. Каждая улица принадлежит либо «Шакалу», либо его людям. Деньги текут к ним рекой, а полиция, что осталась от старой власти, боится даже поднять глаза.

Но всё же власть пытается бороться.

Методы властей и ордена против Тёмного Совета:

По ночам рыцари и инквизиторы устраивают облавы — жгут притоны, выволакивают культистов. Но часто сжигают не тех — соседа или бедняка, которого оговорили.

Введены ночные патрули: факелы и тяжелые сапоги слышны в каждой улочке, но люди прячутся — никто не хочет лишний раз объясняться с солдатами.

Появились тайные доносчики: власти обещают серебро за имя «тёмного», и потому теперь брат может выдать брата, лишь бы накормить семью.

Комендантский час: после заката улицы пусты. Но именно тогда на город опускается власть Совета — убийцы выходят из тени, а на стенах находят знаки, написанные кровью.

Жизнь горожанина стала двойной: днём ты вроде бы живёшь нормально — торгуешь, работаешь, молишься. Но ночью боишься даже свечу зажечь — вдруг увидят, и к тебе

придут люди Совета.

Атмосфера города:

Улицы усеяны объявлениями о «суде веры» — завтра будут жечь ведьму, послезавтра вешать еретика.

Каждый день появляются слухи: «на западной окраине нашли демона», «совет готовит новый удар», «Дочь Бога идёт».

Люди уже не верят власти — рыцари кажутся такими же жестокими, как преступники. Одни боятся Совета, другие его боготворят — мол, «они сильнее ордена, значит, именно они нас защитят».

«Я закрываю лавку, когда солнце садится. Не потому что устал — я боюсь. Вчера соседа выволокли прямо с рынка, сказали: торговал для Совета. Его жену повесили. Никто не вмешался.

На площади инквизиторы жгут очередного культиста. Но кто знает, культист ли он? Кричит, что невиновен. Люди стоят, смотрят, молчат.

Я иду домой по тёмным улицам, где висят красные метки Совета. Слышу смех из переулка. Оборачиваюсь — глаза в тени, горящие, как угли. Я ускоряю шаг.

Я горожанин. Я живу между молотом и наковальней: днём орден жжёт моих соседей, ночью Совет режет моих друзей. И я не знаю, кто страшнее».

День в городе

Утро.

Площадь полна жизни: торговцы выкладывают яблоки и рыбу, дети бегают между лавками, монахи раздают хлеб нищим. Кажется, будто город живёт обычной жизнью.

Но стоит поднять глаза выше — и видно на стенах пригвождённых телами предателей, которых повесили ночью люди Тёмного Совета.

Полдень.

Власти устраивают показательные суды. На центральной площади инквизитор в алом одеянии зачитывает приговор. Рядом рыцари держат закованного мужчину. Его обвиняют в связях с культом. Толпа шумит, одни кричат «сжечь!», другие молчат. Пламя охватывает жертву.

Для многих это — зрелище, для детей — игра, для бедняков — напоминание: «сегодня он, завтра ты».

Вечер.

Лавки закрываются рано, окна ставнями перекрыты. В переулках начинают собираться люди Совета. Они раздают наркотики, собирают «дань», кто не заплатит — пропадает.

Ночью появляются кровавые знаки на стенах — символы, предупреждающие, что эта улица под их властью.

Если поздно вернёшься домой, рискуешь увидеть, как в подворотне совершается жертвоприношение.

За пределами города

Там совсем другая жизнь — дикость и мрак.

— Поля и деревни, что раньше кормили столицу, теперь пусты. Крыши домов обрушены, колодцы забиты трупами. Люди говорят: «там живут лишь мёртвые».

— По дорогам рыщут демоны Чернобога. Их называют «псы тьмы» — они почуют кровь за версту. Иногда целые караваны исчезают без следа, остаются только обугленные колёса.

— В лесах — звери-мутанты. Олени с лицами людей, птицы, что поют человеческими голосами. Говорят, это искажённые души, которые Чернобог впитал.

— Ночью небо разрывают огненные знаки. Колдуны-адепты Чернобога устраивают ритуалы. Их можно услышать за километры — хор из стонов, криков и рычания.

«Я ушёл из деревни после того, как ночью из колодца вылезли твари. Сначала мы думали, что это пьяные соседи, но у них не было глаз. Они бродили по улице и шептали чужими голосами.

Я спрятался в хлеву. Утром уже никого не было. Только коровы разорваны, дом пылает, а на дверях — знак, вырезанный когтями.

С тех пор я хожу один. В городах не принимают, говорят: от крестьянина пахнет болотом и смертью. Но в деревне больше нечего ловить.

Здесь, за стенами, каждое дерево может убить. Каждый куст шевелится. Даже ветер шепчет так, будто он живой».

Караван в пустоши

Утро начиналось мирно.

Караван выехал из ворот: десять повозок, набитых зерном и тканями. Возница по имени Савелий, простак лет сорока, крестился на герб над воротами и думал только о том, как бы вернуться с целыми руками и ногами.

— «Не смотри на висельников, — сказал старший караванщик. — Это напоминание, что мы должны быть послушными. Город живёт лишь потому, что подчиняется».

Савелий всё равно посмотрел. На башне качалось тело в чёрных одеждах, с вырезанным на груди символом Чернобога. Город праздновал победу над культом — но все знали: снаружи таких сотни.

Дорога уходила в густой бор. Сначала было спокойно: птицы щебетали, листья шелестели. Но чем дальше они заезжали, тем больше тишина давила.

Птицы замолчали. Деревья стали чёрными, как уголь, и их ветви напоминали когти.

— «Слышите?» — прошептал Савелий.

Из чащи донёсся низкий вой. На дорогу вышел первый оборотень. Его тело ещё хранило очертания человека, но ли-

цо уже вытянулось в морду, а спина проросла костяными шипами. За ним показались ещё двое.

Караванчики достали копья. Но оборотни не спешили нападать. Они просто смотрели — глаза светились жёлтым огнём.

Когда все напряжённо ждали, сзади раздался треск. Из земли поднялись мертвяки — зомби, обугленные, с тлеющими руками. Они схватили заднюю повозку, валили лошадей.

Крик. Кровь. Оборотни рванули вперёд, и лес ожил.

Из деревьев вышло чудовище — древесный демон. Его тело состояло из стволов и сучьев, вместо лица — пустота, из которой веяло смрадом. Он схватил повозку целиком и, словно игрушку, швырнул её в болото.

Савелий заорал, бросил поводья и полез под телегу. Всё вокруг было адом:

- ржание коней, раздираемых когтями,
- вой оборотней,
- чавканье демонов,
- хруст костей.

Святой огонь засверкал только вдалеке — рыцари ордена света наконец пришли на помощь. Их мечи сияли, молитвы рвали воздух. Но когда они добрались, каравана уже не было. Лишь дымящиеся повозки и куски тел.

Савелий, весь в грязи и крови, выполз из под телеги. Уви-

дев рыцарей, он завыл:

— «Вы опоздали! Их всё больше! Они повсюду! Даже лес живой!»

Но рыцари уже молча осматривали трупы. Они знали — караваны гибнут каждый день.

Город живёт, пока кто-то гибнет за его пределами.

• Год 3275, месяц Солнца

Ветер проскальзывал по её волосам, играя огненными прядями, словно пытаясь раздуть в ночи пламя. На её теле, бледном и холодном, звенели тяжёлые цепи — они ложились на кожу, как кандалы, и вместе с тем подчеркивали каждую линию её фигуры. Девушка была одновременно стройна, как изваяние богини, и мускулиста, как воительница, готовая разорвать врага голыми руками.

Обнажённость не делала её беззащитной — напротив, она придавала ей дикое величие, будто сама природа не осмелилась прикрыть это тело одеждой. В каждом движении сквозила сила, в каждом изгибе — гибкость хищницы.

Цепи звенели, отзываясь на её шаги, как зловещая музыка. Они не скрывали её — лишь подчёркивали то, что перед миром стоит не женщина, а пробуждённый кошмар в облике женщины.

Недавно она наткнулась на караван, который неспешно тянулся по пыльной дороге. Вначале люди не придали ей значения, решив, что это просто путница. Но стоило ей приблизиться, как воздух вокруг задрожал от исходящей от неё

хищной энергии.

Лошади заржали, запряжённые возы пошли вразнос, в глазах купцов мелькнул страх. Её ярость, внезапная и беспощадная, обрушилась на них, словно буря: крики заглушались треском ломающегося дерева и звонким звоном рвущегося металла. Повозки разлетались в щепки, люди падали под её ударами, словно тряпичные куклы.

Среди этого хаоса одна смелая девушка выхватила клинок и бросилась на неё с отчаянным криком. Но её дерзость оказалась ничтожной. Одним стремительным движением рыжеволосая схватила её за горло, подняла над землёй и, не моргнув, пробила сердце рукой. Кровь хлынула ей на пальцы, и на лице появилась жуткая улыбка.

Караван перестал существовать. Лишь тишина и запах крови остались после её гнева.

Её пробудил от векового сна крепкий мужчина — послушник, рискнувший войти в склеп, где спала забытая рыжеволосая дева. Он был первым, кого увидели её глаза, и первым, чьё сердце перестало биться ради её жажды. Она прижала его к себе, вонзив клыки в шею, и сладкая, густая кровь потекла ей на губы. Его стоны быстро стихли, тело обмякло, а на лице одержимой появился румянец — она жила снова.

Одержимая манией, она двинулась дальше, и её путь привёл её в город. Там, среди узких улиц и низких каменных

домов, она устроила настоящий пир. Дверь за дверью — и в каждом доме крики, стоны, разрываемые плоть и гулкое биение сердец, смолкающее в её руках. Она выпила кровь у всех без исключения: у торговцев, стражников, детей и женщин. Тела валялись, как сломанные куклы, а камни мостовой были залиты алыми ручьями.

Но в конце её ждала неожиданная преграда. Охотник — один из тех, кто посвятил жизнь борьбе с нечистью, встретил её в переулке. Его арбалет выплюнул серебряный болт, пронзивший ей плечо. Боль лишь разожгла её ярость. Она шагнула сквозь рану, словно её и не было, и в одно мгновение оказалась рядом. Её пальцы с хрустом сомкнулись на его груди, сердце вырвалось наружу — и охотник рухнул к её ногам, как кукла без нитей.

Город стих. Никто больше не дышал.

Перед ней возникла фигура — высокая женщина с кожей алого цвета, обнажённая лишь наполовину, с длинными когтями и глазами, горящими, словно два угля. Это была суккубша, её голос шёл одновременно от губ и из глубин ночи:

— Батори... ты пробуждена не случайно. В твоей душе есть то, что принадлежит моим владыкам. Отдай его, и боль закончится. Сопротивление бесполезно.

Рыжеволосая одержимая прищурила свои ярко-голубые,

сияющие в темноте глаза и холодно усмехнулась.

— Ты ошиблась дверью, демон. Я никому не принадлежу.

Суккубша издала низкий, хищный смех и взметнула руки. Из земли, из теней, из самого мрака вокруг поднялись тёмные силуэты — безликие демоны, будто вылепленные из густого дыма. Их когти скрежетали о камень, тьма вокруг завибрировала от их шёпотов.

— Сдавайся, Батори! Ты не выдержишь натиск.

Ответом был её звонкий, безумный смех. Она рванулась вперёд — цепи, ещё не до конца упавшие с её тела, звенели в такт её движениям. Первый тварь, метнувшаяся к ней, была разрублена голыми руками — её грудь вспыхнула голубым светом, и тень рассыпалась пеплом.

Одержимая двигалась, словно танцуя, её рыжие волосы сияли пламенем в холодном лунном свете. Она схватила суккубшу за горло, приблизила к себе и прошептала в лицо демонице:

— Я — не рабыня.

Её рука, сияя сверхъестественной силой, вонзилась в грудь алой женщины. Сердце демона вырвалось наружу вместе с огненным криком. Теневые твари, потеряв хозяйку, завывали и рассеялись, растворяясь в воздухе.

Оставшись одна, вся заляпанная кровью, Батори опрокинула голову назад и издала торжествующий рёв, слышный на многие мили.

Луна была её единственным свидетелем.

Днями ранее..

Авалон шагал по тракту, ведущему к городу. За спиной у него оставался другой город — дымящийся, выжженный после очередной стычки с слугами совета. Его доспехи скрипели при каждом движении, но внутри броня дышала теплом, а механизмы тихо жужжали, словно напоминая, что в этом теле сталь давно уже соседствует с плотью.

На его груди поблёскивал узорчатый диск — сердце механизма, приводившего в действие оружие, которое когда-то сделали мастера его ордена. Именно из этого диска вырывались звенящие цепи, готовые в любой момент ожить и обрушиться на врагов стальной гнев.

И вдруг тишину ночи прорезал крик. Из-за поворота дороги выскочила карета, лошади несли её вслепую, а изнутри доносились детские вопли. Механизм его доспеха ожил: звякнули шестерёнки, и из плеча вырвалась тяжёлая цепь. Сталь со свистом обвилась за задний мост кареты. Рывок — и Авалон, словно крюк на гарпуне, взмыл в воздух, приземлившись прямо на крышу.

Но не успел он выхватить меч, как перед ним появилась тень — девушка в чёрных латах с алым шёлком. Алиса. Её

глаза горели безумием и фанатичной решимостью, а в руках сверкал изогнутый клинок.

— Ты не смеешь вмешиваться! — выкрикнула она, и их клинки столкнулись.

Карета тряслась, колёса подпрыгивали на камнях, но они кружились по крыше, как два хищника в клетке. Авалон отражал яростные выпады Алисы, её скорость и лёгкость движения напоминали танец смерти. Она целилась не только в него, но и в детей внизу — каждый удар был угрозой их жизням.

Авалон рыкнул и вызвал цепи, те сорвались с его доспеха и хлестнули по крыше, пытаясь сбить противницу. Алиса отпрыгнула, воткнула клинок в дерево и, используя его как рычаг, метнулась обратно. Удар — и искры полетели в стороны.

— Дмитрий дал мне приказ. Ты не уйдёшь живым, паладин, — процедила она.

Цепь обвила её руку, рывком Авалон потянул Алису к себе и вонзил меч в живот. Девушка захрипела, но, сжав зубы, попыталась перерезать цепь. Он резко рванул — и Алиса, потеряв равновесие, сорвалась вниз.

Она ударилась о деревянный каркас, и вместе с ней вся карета пошла трещинами. Лошади взбесились, повозка завалилась на бок, ломая колёса. Громадный треск заглушил крики детей.

Авалон, удержавшись на крыше до последнего, спрыгнул в сторону и обмотал карету цепью, сорвав дверь. Дети вылезли наружу в слезах и криках.

Алиса осталась внутри, её тело было раздавлено. Кровь растеклась по битым доскам, и из последних сил она прошептала:

— Дмитрий... я... подвела...

Авалон не ответил. Он лишь освободил детей и, бросив последний взгляд на разломанную карету, пошёл дальше по дороге, цепи звенели, сматываясь обратно в механизм доспеха.

Тем временем, в чаще леса, где ветви старых деревьев переплетались так густо, что даже луна пробивалась едва заметными пятнами, один из послушников мистической организации осторожно спускался в овраг. Его фонарь освещал каменные плиты, заросшие мхом.

Там, где корни деревьев вросли в стены, скрывался древний склеп. Когда-то здесь воздвигли усыпальницу грфини Батори. Вход был обвит розами, которые вопреки осени и гнили цвели багряным цветом, будто питались не дождевой водой, а кровью.

Мужчина толкнул массивную дверь, и она с протяжным стоном отворилась. Внутри пахло затхлостью, но вместе с

тем — приторной сладостью цветов. На каменном постаменте стоял гроб, крышка которого была украшена гербом старого рода и потемневшими от времени письменами.

Он тяжело перевёл дыхание и, с трудом отодвинув крышку, взглянул внутрь. Там покоилась женщина. Её тело было иссохшим, словно высушенным временем, но не тронутым тлением. Казалось, она лишь спала, а века лишь обескровили её плоть.

— Госпожа... — прошептал он и достал кинжал. Разрезав себе ладонь, он позволил крови капать на губы мёртвой красавицы.

И тут произошло невозможное. Губы дрогнули, на них проступил румянец. Веки задрожали, глаза распахнулись — два ярко-синих пламени зажглись в темноте. Кожа начала наполняться жизнью, бледность превращалась в мраморную красоту. Рыжие волосы, ещё миг назад безжизненные, заструились по плечам, оживая в огненном сиянии.

Мужчина не успел отшатнуться. Батори рванулась вперёд, холодные руки схватили его за шею. Он ощутил, как из груди уходит вся сила. Она жадно приникла к нему, и его тело сморщивалось с каждой секундой, пока не превратилось в пустую оболочку, упавшую на камень.

Из склепа вышла уже не тень былого величия, а пробуждённая графиня. Лунный свет упал на её обнажённые плечи, осветил мраморное тело и глаза, горевшие сверхъестественно.

ным сиянием. Она стояла среди роз, и их лепестки, напитанные её присутствием, вдруг начали темнеть, будто окрашивались в ещё более густой алый.

Она глубоко вдохнула, словно впервые после столетий сна.

Батори сделала первый шаг из склепа, и в ту же секунду холодный ветер прошёлся по её коже. Она подняла голову к луне, когда вдруг ощутила чьё-то присутствие за спиной. Воздух задрожал, и из тени, словно сотканной из алых искр и запаха серы, появилась женщина. Её кожа светилась багровым, волосы ниспадали волнами огня, а глаза пылали в темноте, как два раскалённых угля.

— Радость видеть тебя, госпожа Батори, — произнесла суккуб, её голос капал сладостью, но в каждом слове слышалась стальная угроза.

Батори обернулась медленно, сдерживая презрение. Её взгляд — гордый, ледяной — пронзал демоницу.

— Кто ты, демон? — спросила она, и в её голосе слышалась память о том, что века не смогли убить её величия.

Суккуб изогнула губы в улыбке.

— Вам не нужно знать моё имя. Но мои владыки знают вас и желают того, что вы храните в своей душе. Советую

отдать это мирно, иначе...

Батори шагнула ближе, её босые ноги скользнули по камню, а глаза сверкнули синим пламенем.

— Иначе что? — холодно бросила она.

Тень за спиной суккуба начала колыхаться, и в её глубине шевельнулись десятки силуэтов. Костлявые руки, вытянувшиеся морды, пустые глазницы — теневые демоны медленно вырывались наружу, их тела были сотканы из мрака и дыма.

— Иначе мне придётся применить силу, — суккуб говорила уже низким, чужим голосом, и её улыбка исказилась в гримасу.

Батори рассмеялась. Её смех был холодным, мёртвым, он звенел в воздухе, будто колокола похоронного обряда.

— Не смей меня.

Огонь в глазах суккуба вспыхнул ярче, демоны начали тянуть к Батори свои когтистые руки, но вдруг всё стихло. Алый свет обволок суккуба, и её фигура начала растворяться, будто сама ночь втянула её обратно в себя.

— Не сейчас, — прошептала она, исчезая, — я дам вам время прийти в себя и набраться сил... чтобы ваш друг мог прийти к нам. Он нужен в сознании.

Батори стояла неподвижно, сжимая кулак так, что ногти вонзались в кожу. Её глаза вспыхнули холодным светом.

— Друг... — прошептала она, — он мне не друг.

После смерти сукуба..

Авалон сидел в тёмной таверне, не спеша дотягивал из кружки горькое пиво. За окном моросил дождь, по полу ползли струйки грязной воды. Вдруг дверь распахнулась, и вместе с холодом внутрь ворвалась стальная поступь.

В таверну вошли инквизиторы. Их чёрно-белые плащи блестели от дождя, мечи были обнажены, а на груди сияли серебряные символы креста, переливаясь в свете свечей. Во главе их шла девушка с коротко стриженными волосами, её лицо было молодым, но суровым. Глаза — белёсые, словно слепые, — смотрели прямо вперёд, не моргая.

Авалон сразу понял: она видит иначе.

Тишина накрыла таверну. Пьяные крестьяне, ещё секунду назад гомонящие, отшатнулись и прижались к стенам.

Инквизиторы остановились у стола Авалона. Девушка выступила вперёд и заговорила холодным, ровным голосом:

— Приветствую тебя от лица святого собора, именем Господа нашего.

Авалон медленно поставил кружку на стол и поднял взгляд. В его глазах плескалась усталость, смешанная с мрачной ненавистью.

— Господа?.. — он усмехнулся горько. — Этот ваш Гос-

подь погубил мой мир.

Шёпот прошёлся по залу. Несколько крестьян перекрестились, а один инквизитор шагнул вперёд, вскинув руку.

— Еретик! — выкрикнул он. — Что ты несёшь?! Отрежь ему язык!

Двое рыцарей двинулись на Авалона, и в этот миг воздух в таверне стал тяжелым, словно перед бурей. Авалон медленно откинул плащ, и механизмы его доспеха зашипели, выпуская пар. Его цепи заскрежетали, оживая, готовые к бою.

Двое рыцарей, выкрикнув молитвы, кинулись на Авалона. Но он опередил их: болтомёт вылетел из-за спины и рявкнул гулким выстрелом. Болт прошил первого насквозь, прибив его к стойке бара. Второго цепь настигла в воздухе — зубцы вонзились в тело, и механизм доспеха с лязгом сорвал с него клочья плоти, обнажив кости.

Авалон резко развернулся, наведя оружие на предводительницу.

Но в следующий миг его мир вспыхнул вспышкой — её клинок, словно молния, выбил болтомёт из рук. Сталь зазвенела, оружие отлетело в сторону.

— Чёрт... — выдохнул он, впервые ошарашенный такой скоростью.

Она врезалась в него плечом, и тяжёлое тело Авалона впе-

чталось в стену. Холодное лезвие коснулось его шеи, но он, стиснув зубы, успел нырнуть вбок. Цепи взвились, как змеи, бросаясь на девушку, но та отбила каждый удар — её меч двигался быстрее, чем позволял разум.

В прыжке она полоснула стол, превратив его в летящий снаряд. Деревянная глыба обрушилась на Авалона. Он вскинул руку, отбросив обломки, и ринулся вперёд. Его меч столкнулся с её клинком, и в тот же миг они оба вылетели через окно, разметав стекло, словно осколки льда.

На улице камни мостовой загрохотали под их падением. Девушка поднялась мгновенно, словно не чувствовала веса собственного меча, и обрушила на Авалона град ударов. Металл звенел, искры сыпались фонтанами, каждый её выпад был молниеносным и безжалостным.

Авалон защищался из последних сил. В её движениях не было ни гнева, ни страсти — только пустота. Белёлые глаза смотрели сквозь него, будто он был лишь мишенью.

«Святая...» — осознал он, едва успевая парировать. Легенды оживали прямо перед ним.

Её клинок взметнулся снизу вверх, и доспех Авалона осыпало снопом искр. Ударная волна заставила его оцепенеть,

дыхание сбилось. Девушка закружилась, словно смерч, превращая бой в танец смерти. Удары летели со всех сторон, он едва успевал выставлять клинок.

Авалон зацепился цепями за край крыши и взлетел, надеясь выиграть секунду. Но она прыгнула следом — её прыжок был нечеловеческим. Меч пронзил соломенную крышу, и поток соломы, сорванной ударом, накрыл Авалона. Он ослеп, мир погрузился в хаос.

И тут же почувствовал, как его собственный доспех содрогнулся. Девушка нанесла сокрушительный удар сверху. Металл застонал, но выдержал. Ударная волна смела его, и Авалон рухнул на булыжники. Воздух вышибло из лёгких.

Он поднял взгляд — перед ним стояла она, словно статуя божественной кары.

Ни дрожи, ни усталости. Только холодная решимость.

— Я бы убила тебя, но церкви нужны ответы, — её голос звучал ровно, словно она просто констатировала факт.

Авалон поднялся на колени, тяжело дыша. Из разбитой брони сочилась кровь, но его взгляд горел упрямым светом.

— Девушка... ты не понимаешь. Твоя церковь — ложь. Её лицо впервые дрогнуло.

— Я Клейя де Миранде. Я была спасена церковью.
Авалон горько усмехнулся.

— Спасена? Значит, так они тебе сказали.

— Да! — выкрикнула она, сжав меч. — Мои родители были убиты нечестью, а благородные прислужники церкви вырвали меня из когтей тьмы.

— Как? — в голосе Авалона прозвучала жесткая насмешка. — Тебе просто рассказали красивую сказку, чтобы ты верила и сражалась.

Белёсые глаза Клейи блеснули недоумением.

— Что... откуда ты знаешь?

Авалон поднял руку, медленно вытирая кровь со рта, и посмотрел прямо в её пустые глаза.

— Откуда я знаю? Потому что я сам был одним из них.

Она напряглась, словно молния пронзила её тело.

— Я когда-то служил в церкви. И знаешь, что мы делали? Мы ловили таких девочек, как ты. Маленьких, испуганных, потерянных. Мы убивали их родителей собственными руками и называли это «волей Господа». А потом заменяли им семьи — делали из них послушных псов. Избранных. Святых.

— Ты... — голос Клейи дрогнул, будто она не верила своим словам. — Ты лжёшь.

— Лгу? — Авалон шагнул вперёд, и его цепь со звоном потянулась по мостовой. — Тогда ответь себе сама: почему у тебя нет воспоминаний о детстве? Почему твои первые воспоминания — только церковь? Только молитвы? Только приказы?

Клейя резко вдохнула. Её пальцы задрожали, меч едва не выскользнул из рук.

— Замолчи... — прошептала она, но в голосе звучала мольба, а не угроза.

Авалон смотрел на неё с мрачной усталостью.

— Я не твой враг, девочка. Но знай: всё, во что ты веришь, — это оковы.

Вдруг воздух прорезал пронзительный женский крик. Он был не человеческим — в нём звучала первобытная жажда, голод и безумие.

Авалон и Клейя одновременно обернулись. Вдалеке, освещённая багровым заревом горящих факелов, рыжая дева рвала и ломала людей, будто кукол. Её волосы развевались в алом вихре, лицо и руки были залиты свежей кровью. Она вгрызалась в тела, раздирала грудные клетки и пила ещё тёплую жизнь прямо из артерий.

— Монстр... — прошептала Клейя и рванулась вперёд.

Но не успела. Волна алого огня, исходящая от рыжей, ударила в неё, словно кулак титанической силы. Девушку отбросило назад, и её хрупкое тело пробило стену ближайшего

дома. Камень и щепки разлетелись во все стороны.

Авалон остался один.

Рыжая дева с нечеловеческим рыком метнулась к нему. В миг она уже была рядом.

Авалон выставил меч вперёд и сделал выпад, целя ей в сердце.

Её ладонь перехватила клинок. Нежная, но сильная, как железо. Сталь жалобно закрипела, и в следующую секунду меч с треском разлетелся на осколки, будто был из стекла.

Удар — и кулак девушки, словно молот, рассёк воздух. Авалон еле успел отклониться, почувствовав, как волна силы ударила по его доспеху. Он резко выхватил второй клинок и в ответ рассёк её по ребру.

Полоска крови вспыхнула на её коже... но рыжая даже не вздрогнула. Она лишь оскалилась, обнажив клыки, и издала низкое звериное рычание, от которого у Авалона по спине прошёл холод.

Её глаза, светящиеся холодным синим светом, горели безумием.

— Чёрт... — только и успел прошептать он.

Её следующий удар был молнией. Кулак, вонзившийся в грудь Авалона, пробил его насквозь вместе с бронёй. Металл треснул, кровь брызнула из рта, и его тело повисло на руке демонической женщины.

Она рыкнула, отбросив его, как сломанную куклу.

Совершив резню в городе, рыжая исчезла так же внезапно, как появилась — её силуэт растворился в переулках, оставив за собой крики и запах крови.

Клейя, израненная, но живая, выползла из-под обломков. Увидев неподвижное тело Авалона, она, преодолевая боль, подползла к нему. Его броня ещё дымилась, кровь текла по мостовой. Но сердце... сердце всё ещё билось.

Она дрожащими руками подняла его, прижала к себе и, тяжело дыша, прошептала:

— Ты ещё нужен мне, еретик.

И забрала ещё тёплое тело Авалона прочь от площади, заваленной трупами.

Авалон резко вдохнул. Его лёгкие горели, но боли не было. Он лежал на деревянном полу, доски пропитались его кровью, которая уже почти высохла, но в теле не было ни раны, ни боли. Доспех, недавно пробитый насквозь, был цел, будто выточен заново; рядом — меч, ровный, без трещин.

Комната освещалась лишь слабым пламенем свечи. В углу, как статуя, стояла Клейя. Её белёсые глаза — пустые, мёртвые — были прикованы к нему, хотя Авалон знал: видеть она не может.

—

Не бойся, ты не умер, — сказала она ровно, будто констатировала факт.

Авалон приподнялся, упершись в пол рукой, и сипло выдохнул:

—

Как?..

Клейя сделала шаг, её силуэт дрогнул в свете свечи.

—

У меня есть дар. Немногим святым он доступен. Я могу отматывать время... но только в малом диапазоне. Я вернула твой доспех, твой меч и твоё тело к тому состоянию, что было мгновение назад, до её удара.

Авалон вскинул брови и усмехнулся, горько, будто от боли, что жгла не плоть, а душу.

—

Значит, ты играешь со временем... Интересно. Но зачем? Почему спасла меня?

Клейя склонила голову, её голос был всё так же холоден, но в нём чувствовалось напряжение:

—

Во-первых, обвинения сняты. Я узрела истинного убийцу. Во-вторых... — она замолчала на мгновение, — меня за-

цепил твой рассказ.

Авалон прищурился.

—

Про епископа? Про то, что ты — марионетка, выращенная из крови и боли?

Клейя сжала губы.

—

Именно. Если это правда... я не позволю такому человеку позорить имя Бога.

Авалон рассмеялся. Тихо, низко, с хрипотцой:

—

Твой Бог — зло.

Её пальцы чуть дрогнули на рукояти меча.

—

Помнишь, чем кончилось твоё предыдущее высказывание?

—

Мы получили пизды от одержимой, — ухмыльнулся он.

—

Нет, глупец, я могла тебя убить. Так что помалкивай.

Авалон откинул голову к стене и посмотрел в её пустые глаза.

—

Ты не понимаешь. Мой мир был разрушен вашим Богом.

Клейя молчала. На мгновение свеча дрогнула, и её лицо — холодное, безэмоциональное — вдруг стало похоже на лицо ребёнка, который впервые услышал страшную правду.

Ливень барабанил по крыше, но её голос пробивался сквозь шум, тихий и ровный, будто она говорила не с Авалоном, а с самой собой.

— Ты думаешь, я воительница Бога? — её губы дрогнули.
— Нет. Я создана в подземельях собора.

Она закрыла глаза, и её лицо будто омолодилось, превратившись в испуганное лицо ребёнка.

— Нас было двадцать... маленьких, беспомощных. Нас загнали в каменный зал, где стоял бассейн. Вода в нём была холодна и солонa, но самое страшное — это чаша, которую внесли священники. В ней плескалась смесь. Святой елей... и кровь демона.

Клейя крепко вцепилась в своё запястье, будто до сих пор чувствовала там ожог.

— Они заставили нас пить.
— Густая жидкость прожигала горло, распарывала лёгкие,
— продолжала Клейя, и её голос дрожал. — Мы корчились, дети визжали, падали в судорогах на камни. Пол был залит блевотиной и кровью. Половина умерла в первые часы. Те, кто выжил, больше никогда не были прежними.

Она подняла ладонь, и на миг её кожа стала полупрозрачной, как стекло, сквозь которое мерцал огонь.

— Смесь демонической крови и святого масла не убива-

ла окончательно. Она переплавляла душу. Нас называли *святыми*. Живым оружием. Псами церкви.

Она тяжело вздохнула и продолжила, уже глядя прямо на Авалона:

Её белёные глаза блеснули в темноте, отражая отблеск свечи.

— Я не ангел, не святой. Я ошибка. Оружие, выкованное в крови.

Но у Клейи в крови было нечто иное.

Когда её младенцем положили на алтарь и совершили ритуал, Эхосфера отозвалась сама. Потoki невидимой силы вплелись в её судьбу ещё до того, как демоническая кровь и святое масло коснулись её губ. Она не просто приняла чужой яд — она переплела его с силой за пределами человеческого понимания.

Так и появился её дар: манипуляция временем в малом радиусе. Она могла «отматывать» короткие отрезки назад — ломать оружие врага, а потом возвращать его целым, смертельные раны в себе превращать в порезы, смертельные удары — в промахи.

Церковь считала это «чудом». Епископы провозглашали её «знамением Бога». Но на самом деле, Клейя была отмечена Эхосферой с рождения, и её сила — не милость небес, а жуткий шёпот за гранью мира.

Клейя замолчала, её дыхание сбилось. Белёные глаза, пу-

стые и холодные, впервые дрогнули — в них мелькнула боль, почти детская. Она сжала рукоять меча так, что костяшки пальцев побелели, и заговорила тише, почти шёпотом:

Клейя опустила клинок, и звон стали, коснувшейся пола, разнёсся по тёмной зале, словно печальный колокол. Её белёные глаза, всегда холодные и пустые, впервые дрогнули, и в них Авалон уловил нечто живое — страх, сомнение, надежду.

— Ты говорил... — её голос сорвался, — ...что церковь делает из нас марионеток. Что мы — оружие, выкованное из боли и крови. Если это правда, я должна знать. Пусть даже истина сожжёт меня дотла.

Она шагнула ближе, опустив голову. Голос стал почти детским, беззащитным:

— Помоги мне, Авалон. Ты видел тьму, ты её пережил. Я — нет. Я всю жизнь верила, что служу свету. Но теперь... каждый раз, когда я поднимаю меч, я слышу шёпот: «Ты воюешь за ложь».

Авалон молча смотрел на неё, его пальцы сжались на рукояти цепи. В её словах он слышал отзвук собственной боли — того дня, когда понял, что его вера была предательством, а его долг — цепью, кованой не Богом, а людьми.

Он медленно выдохнул.

— Ты ищешь правду, — сказал он глухо. — Но правда — это не свет и не избавление. Правда — это рана, которая никогда не заживает.

— Тогда пусть будет так, — прошептала Клейя. — Я готова носить эту рану.

Она подняла глаза, и в её взгляде впервые не было пустоты — лишь отчаянная решимость.

— Проведи меня к истине, паладин. Если мне суждено пасть — я паду, зная, что это мой выбор.

Войдя в зал богослужения, Клейя остановилась посреди мраморного пола, где клубился дым кадил. Под сводами играли отблески свечей, а сам епископ сидел на высоком троне, словно бог на пьедестале.

— Скажи мне, владыка, — её голос дрожал, но взгляд оставался холодным, — правда ли, что вся моя жизнь была ложью? Что ты использовал меня как орудие? И что мои родители... были убиты тобой?

Епископ приподнялся, его сутулая фигура вдруг показалась огромной в игре теней.

— В тот день, когда я нашёл тебя, дитя, я поклялся защищать тебя, как собственную дочь. Я кормил тебя, воспитывал, вознёс до святости... А ты отвечаешь сомнением? — он ударил посохом о камень, и гул разнёсся по залу. — Кто наполнил твоё сердце этим ядом? Назови его, и я потребую его наказания. Если же это сомнение родилось в тебе самой — покарай себя. Так велит Господь.

Клейя медленно обернулась к Авалону. Её лицо было бледным, но в глазах блеснула влага. Он молча покачал го-

ловой. Она поняла.

— Значит, это он, — сказал епископ, показывая на палладина. — Убей его, Клейя. Это не просьба, это приказ твоего отца.

— Клейя, не надо... — тихо выдохнул Авалон.

Девушка застыла. Несколько мгновений — словно вечность. Её пальцы дрожали на рукояти меча. А затем, с криком, будто вырываясь из самой себя, Клейя обнажила клинок и рванулась на него.

Авалон, стиснув зубы, отбил её натиск, но каждое столкновение отдавалось трещинами в его костях. Когда ему удалось обмотать её клинок цепью и вырвать из рук, он едва успел вдохнуть, как Клейя рванулась вперёд, и два её удара пробили его защиту. Хруст рёбер пронёсся по телу палладина, доспех треснул, и его тяжёлое тело вылетело наружу, разбив витраж, словно стеклянное сердце церкви.

Авалон, стиснув зубы, отбил её натиск, но каждое столкновение отдавалось трещинами в его костях. Когда ему удалось обмотать её клинок цепью и вырвать из рук, он едва успел вдохнуть, как Клейя рванулась вперёд, и два её удара пробили его защиту. Хруст рёбер пронёсся по телу палладина, доспех треснул, и его тяжёлое тело вылетело наружу, разбив витраж, словно стеклянное сердце церкви.

Он рухнул на мостовую, кровь смешалась с дождём, а цепи змеями вылетели за ним, унося меч Клейи. Сквозь боль он поднялся, перехватил оружие, теперь в каждой руке было по

клинку — один тяжёлый, другой лёгкий, как тень.

— Ну, давай покончим с этим, — прохрипел он, сдерживая хриплое дыхание.

Клейя шагнула в дождь, её белые глаза сверкали, за её спиной вода взметнулась вверх, будто сама стихия отвечала на её ярость. Она рванулась вихрем, и в тот миг Авалон метнул ей её собственный меч. Она, движимая привычкой и памятью, инстинктивно потянулась к нему. Цепь срезала траекторию, вырвала оружие обратно — и в этот миг его клинок вонзился в её ребро, пройдя насквозь.

Клейя замерла. Кровь заструилась по её губам, дыхание сорвалось на хрип. Она попыталась ударить, но Авалон шагнул назад и резко, без колебаний, всадил её же оружие в её грудь. Рывок, разворот, скрытый клинок свистнул — и её ноги были отсечены, а тело упало на камни.

Клейя оперлась о собственный меч, насаживаясь на него ещё глубже. Её лицо не выражало ужаса — лишь усталое, странное спокойствие.

— Я так и знала... — её голос прозвучал почти с облегчением. — Давай. Убей меня.

Клейя выросла в церкви с самого детства. Её мир был разрушен — родителей убили (как ей сказали, «нечисть»), а единственным, кто протянул ей руку, стал епископ. Для неё он заменил отца, наставника и бога в человеческом облике.

С годами её тело закалили болью, обрядами и кровью — она стала святой, оружием собора. Но её разум приучили

к абсолютному послушанию . Любая тень сомнения каралась жестоко. Она жила в рамках: *«епископ сказал — значит, это истина»*.

Поэтому, когда он требует убить Авалона, её разум колеблется — ведь сердце чувствует правду, но воля ломается под давлением. Его слова звучат для неё, как голос самого Бога, а голос Бога для святой — выше совести.

Она послушала его потому что:

Психологическая привязка: он заменил ей отца и семью.

Идеологическая зависимость: с детства её учили, что сомнение — это грех, а вера в епископа = вера в Господа.

Магический фактор: кровь демонов и масло, которыми её поили, сделали её сильнее, но вместе с этим усилили эмоциональную внушаемость, делая её ещё более податливой «авторитету».

По сути, Клейя в этот момент разрывается между **истинным я** (подозрение, что он убийца её семьи) и **навязанным я** (послушная святая, оружие в руках епископа). Именно поэтому она так резко бросается на Авалона — потому что страх послушаться сильнее страха ошибиться.

Авалон вырвал свой клинок и с силой метнул его в окно. Клинок вспыхнул на фоне дождя и вошёл в тело епископа, наблюдавшего сверху. Старик захрипел, и, потеряв равновесие, вывалился из витража. Его тело рухнуло вниз, тяжело ударившись о каменный пол зала, прямо перед Клейей

и Авалоном.

Епископ катался в собственной крови, зажимая рану.

— Спасите... спасите... — хрипел он, глядя то на Клейю, то на Авалона.

Авалон присел рядом и, сжимая артерию рукой, холодно сказал:

— Я могу спасти тебя. Но скажи правду.

Епископ захрипел, хватая воздух. Его глаза бегали, полные страха.

— Да... да, я убил её родителей, — выдохнул он, бледнея.
— Спаси... спаси меня, прошу...

Сзади послышался тихий звук шагов. Клейя. Её тело уже восстановилось, порванные мышцы срослись, кровь исчезла. Но её глаза, белые, как молоко, были затуманены слезами.

Она подошла ближе. На лице — не ненависть, не ярость, а спокойствие, странное и безмятежное, как у человека, которому всё открылось.

Клейя бросила меч Авалона к его ногам, а свой собственный подняла обеими руками и без колебаний вонзила в голову епископа. Раздался влажный хруст, и мозг окропил каменный пол.

Брызги крови упали на лицо Авалона, сидевшего рядом. Клейя, не моргнув, произнесла:

— Твой долг выполнен. Можешь идти.

Авалон поднял взгляд. Их глаза встретились на миг. Он увидел в ней не святую, не послушную девочку — а женщи-

ну, впервые свободную. Но свобода эта была залита кровью.

Он поднялся, развернулся и ушёл в сторону леса, скрывшись в темноте и ливне.

Клейя осталась стоять над телом. Крики стражи разорвали тишину, и десятки клинков блеснули в круге вокруг неё.

Она медленно подняла меч, повернула корпус — и одним стремительным ударом в круге сверкнула дуга.

Головы стражей полетели в разные стороны. Их тела ещё стояли миг, прежде чем обрушиться в лужи дождя. Кровь, пульсируя из шеи, омыла её доспехи, её лицо, её руки.

Белые глаза Клейи смотрели в пустоту. Теперь она была свободна. Свободна — и проклята.

В зелёных горах Лина пришла в чувства, она заметила что ее тело было обмотано лентами с иероглифами на против у костра сидела девушка над ней свисали дымящиеся чаши с приятным запахом.

- ты очнулась, значить не зря я заботилась о тебе

- ты кто ? (сказала Лина приподнимаясь всё её тело болело)

- зови меня Мей -ли

- Мей -ли значит и зачем ты меня спасла

- в нашем мире мало добра ,я должна приносить хоть частичку

Она встала и повернулась к Лине на ее груди был глаз окруженный корнями.

- демон воскликнула Лина и схватив свечу с подставкой

со всей силой швырнула её

Мей -ли стояла не подвижно глаз на груди ослепил всё помещение светом алым и ярким время остановилось но не для

Мей -ли она спокойно отошла в сторону и возобновила ход времени глаз моргнул и Лина увидела как свеча и подставка разлетелась об стену.

- как ты увернулась так мгновенно

- успокойся я не демон

- тогда объяснись

- я прошла испытание которое проходили великие короли и меня вознаградили этим артефактом

- и зачем он тебе?

- я ведьма , телепат и могу источать магию из глаз, этот артефакт не станет лишнем бонусом ,ведь каждый день за каждым углом опасность, а моя скорость в бою может и не помочь.

- ты не отсюда?

- верно я была изгнана из своего клана и перебралась сюда, я из так называемого третьего континента Тартара.

- мм , я слышала что там есть империя Катаре и Великая Роса которая является заклятым врагом Александрии.

- верно и ещё много чего дитя.

Тебе стоит начать тренировки чтоб привести своё тело в порядок, я даже подготовила традиционный доспех из моей страны, он конечно не вашего типа культуры но сделан

из морского изумрудного дракона.

Лина взяла шлем в руки и с улыбкой сказала увидев свой солнечный меч.

Ну так приступим к тренировкам.

Мей-ли вывела Лину на каменную площадку среди скал, где густой туман стелился у самых ног. Ливень только что стих, и воздух был свеж, звенел каплями, скатывающимися с листвы.

— Надень доспех, — коротко сказала Мей-ли, подавая ей части тяжёлых, но гибких пластин.

Лина, стиснув зубы, натянула изумрудные наплечники, закрепила наручи и опустила шлем на голову. Сначала ей показалось, что он слишком тяжёл, но затем доспех начал подстраиваться под её тело, словно живая кожа дракона, ощущая каждый её вдох.

— Он дышит... — прошептала она, в изумлении проведя рукой по груди.

— Потому что выкован не из мёртвого металла, а из живого существа, — спокойно ответила Мей-ли. — Но сила доспеха — ничто без силы самой воина.

Она взмахнула рукой, и рядом вспыхнули знаки, склады-

ваясь в три мерцающих силуэта. Они приняли форму призрачных воинов с копьями.

— Попробуй.

Лина подняла свой солнечный меч. Первые движения давались тяжело: мышцы ныли, дыхание сбивалось, тело ещё не оправилось от ран. Первый выпад был слабым, и призрачный копьеносец без труда оттолкнул её назад.

— Вставай, — жёстко сказала Мей-ли. — Ты не ребёнок, чтобы падать от первого толчка.

Лина стиснула зубы, поднялась и снова бросилась вперёд. Меч вспыхнул золотым светом, и на миг ей удалось разрубить одно из копий. Но другой воин пронзил её бок — боль была настоящей, хоть рана не оставляла крови. Лина вскрикнула и упала на колено.

— Это лишь отражение твоей слабости, — сказала Мей-ли, приближаясь. — Твой враг — не иллюзия, а ты сама.

Лина ударила кулаком в землю, поднимаясь вновь. С каждым движением доспех уже не мешал ей, а становился продолжением тела. Она закрутила клинок, отражая сразу два удара копий. Солнечный меч сверкал, разбрасывая лучи в

туман. Её шаги стали твёрже, движения быстрее.

Последним рывком она пронзила грудь призрачного воина, и тот рассыпался искрами. Ещё два растворились в воздухе, как только она развернулась к ним, готовая продолжить бой.

Мей-ли улыбнулась уголком губ.

— Вот так, дитя. Ты начинаешь вспоминать, кто ты есть. Но впереди путь куда труднее.

Лина тяжело дышала, опираясь на клинок, но в глазах её появился тот же свет, что и в пламени меча.

— Тогда веди меня этим путём. Я не остановлюсь.

Интерлюдия: Мечты Элиссы

Деревня Брин стояла на краю болот, её низкие дома были обмазаны глиной и соломой, а запах дыма всегда висел в воздухе. В этой тишине жила девочка по имени Элисса — ей было всего восемь лет, и каждый день для неё состоял из одних и тех же мелочей: помощь матери у печи, беготня за гусьями и собирание веток у леса. Но в сердце девочки жила сказка, которую она слышала от стариков.

Говорили, что где-то далеко-далеко великие герои убили

князя Дмитрия, тёмного повелителя, и спасли мир от его проклятия.

Элисса сидела на крыльце их низкой глиняной хижины и, глядя на звёзды, представляла себе этих героев. В её воображении они были похожи на рыцарей из старых сказок — в сияющих доспехах, с мечами, которые светятся, как солнце. Она верила: раз они победили такого страшного злодея, значит, однажды они придут и сюда, в её крошечную деревню Брин, чтобы защитить её и маму от демонов, что приходят из леса.

Но пока что вместо героев приходили другие.

Но с тех пор, как погиб князь Дмитрий и его тёмный культ распался, жизнь в деревне стала иной. Сначала крестьяне обрадовались — люди думали, что вместе с его смертью исчезнет и тьма. Но культисты не ушли. Они спрятались в лесах и болотах, а по ночам приходили тайком, шептали заклинания, и воздух в округе начинал дрожать от искажённого звука. Демоны приходили из ниоткуда, словно рождённые тенью, и первым делом всегда тянулись к деревьям.

Элисса видела, как однажды её соседа утащили в туман — его крики ещё долго отзывались эхом.

Церковь пришла в Брин с крестами и знаменами. Они встали на площади, звонили в колокола, а люди плакали от радости, веря, что теперь-то их защитят. Но вскоре радость сменилась страхом.

Грозные воины, «Святые», заходили в дома и искали «скверну». У одних забирали хлеб «в дар Господу», у других — дочерей «для служения». Младшая сестра Элиссы, едва четырёх лет, едва не попала к ним, пока мать не отдала свой единственный сундук с зерном.

Для девочки церковь стала пугалом похуже демонов. Демон хотя бы убивает быстро; святые же оставляли после себя голод и пустые дома.

Однажды ночью Элисса проснулась от странного гула. Она выглянула из окна и увидела, как за лесом полыхает красное сияние. Там, у болот, культисты призывали очередного зверя. Мужчины деревни прятались, женщины зашептались молитвы, но никто не выходил. Потому что знали: если явится демон — они могут хотя бы спрятаться. Но если придут инквизиторы — спрятаться будет невозможно.

Элисса прижала руки к ушам, но всё равно слышала вой. Сначала в небе, потом прямо в сердце. Ветер за окном стонал, а в её маленькой груди жила простая детская мысль:

Церковь или демоны — всё равно зло. А мы, простые люди, всегда лишь жертвы.

Она плакала беззвучно, уткнувшись лицом в колени. И только тёплый свет свечи, дрожащей на глиняном подоконнике, оставался единственным маленьким чудом её мира.

И всё же, несмотря на это, девочка мечтала. Она шептала сама себе, когда засыпала:

«Когда-нибудь герои, что убили Дмитрия, найдут дорогу и в Брин. Они придут на конях, прогонят демонов и выгонят жестоких святых. И тогда у нас будет настоящий праздник. Я буду смеяться, как смеются дети в сказках, а мама больше не будет плакать по ночам...»

Слёзы блестели на её ресницах, но она улыбалась. Для неё мечта была сильнее реальности.

Только ночь знала правду: мир ещё не стал светлее. Но где-то в сердце маленькой девочки теплился огонёк веры, что однажды сказка придёт и к ней.

Глава 12

• Год 3275, месяц Солнца

Авалон шагал по заросшей тропе, ведущей в глубь леса.

Его сердце было тяжёлым — воспоминания о встрече с инквизитором всколыхнули то, что он долгие годы пытался забыть. Перед глазами вновь вспыхнула картина: его отец, человек с несокрушимой волей и твёрдым характером, но в тот день в его глазах полыхал чуждый огонь. Демон овладел его душой, превратив родного человека в зверя.

Авалон тогда не имел выбора. Удар за ударом, молитвы, цепи и мечи — всё оказалось бесполезным. Пришлось пролить кровь отца, и вместе с его жизнью рухнул родовой замок, пылающий огнём, словно сама преисподняя вырвалась наружу. Это стало началом пути, на котором он оказался сейчас.

Мысли оборвались, когда он заметил силуэт на вершине холма. В лунном свете стояла Батори. Её рыжие волосы развевались на ветру, а лицо было залито свежей кровью. Она спокойно проводила рукой по щеке, стирая алые капли, будто это была всего лишь влага дождя.

У её ног распостёрлось мёртвое тело оленя. Глаза животного остекленели, шея была разорвана в клочья. Батори выглядела умиротворённой — словно напившись его жизнью, она лишь начала просыпаться по-настоящему.

Авалон невольно замер, не решаясь приблизиться. Но Батори его и не заметила. Её внимание привлекло другое: в чаще слышался хруст веток. На краю поляны показались серые силуэты — волки, привлечённые запахом крови.

Сначала они обступили падаль, оскаливая зубы и рыча, но

потом один из них поднял голову и встретился взглядом с Батори. Она замерла на миг, а затем улыbnулась — медленно, холодно, по-звериному.

— Моё мясо, — прошептала она едва слышно.

Волки зарычали громче, но Батори рванулась вниз с холма. Её движения были неестественно быстры, будто она сама стала частью тьмы. Один за другим хищники пытались броситься на неё, но вместо этого лишь завывали и падали, рассечённые когтями и клыками.

Авалон смотрел на всё это издалека, не вмешиваясь. Перед ним разворачивалась сцена, которая слишком сильно напоминала ему прошлое: когда-то он видел, как его отец точно так же терзал всё вокруг.

— Не моя война, — холодно подумал он.

Он резко отступил назад, уводя шаги в сторону от поляны. Его цепи тихо звякнули, но Батори даже не обернулась: всё её внимание поглотили хищники.

Авалон ускорил шаг, уходя всё глубже в лес. Он знал, что, если задержится ещё хоть миг, то окажется на пути у существа, с которым даже он не был готов сразиться.

Позади донеслось рычание, пронзённое женским смехом и криками волков. Авалон не обернулся.

Он шёл быстрее, пока ночной лес не поглотил его целиком, оставив позади только эхо охоты.

Авалон добрался до старого, заброшенного замка, чьи стены были покрыты мхом, а окна зияли черными провалами.

ми. Здесь он решил переждать ночь. Но сон не принес покоя — его терзали кошмары, в которых мрак сжимал его горло. Он вздрогнул и резко открыл глаза.

Над ним стоял мужчина с топором, готовый обрушить его на голову. Инстинкт спас Авалона: он перекатился в сторону, и тяжелое лезвие лишь разрубило гнилые доски пола. Вскочив, он понял, что меча в руках нет.

Враг — крепкий и жестокий Руберт — занес топор вновь и ударил. Лезвие угодило в плечо Авалона, пробив доспех, и боль, жгучая и резкая, пронзила его тело. Стиснув зубы, он выхватил клинок и нанес ответный удар, вонзив его в бок противнику.

Руберт пошатнулся, но ярость в его глазах не угасла. С силой он метнул топор в Авалона — тот едва успел уклониться, и замах сорвал с него возможность контратаковать. Тогда Руберт бросился врукопашную. Его кулаки били, как молоты, разбивая лицо Авалона. Но и Авалон, ослепленный болью, отвечал ударами. Оба шатались, едва держась на ногах, измотанные и окровавленные.

Кровь стекала по бокам Руберта, силы оставляли его. В последнем отчаянном рывке он бросился на Авалона, и они вместе вывалились из проема третьего этажа, куда Авалон поднялся, чтобы укрыться от зверья и найти хоть немного покоя.

Падение оказалось беспощадным: их тела ударились о холодные камни реки. **Руберт** затих, истекая кровью, его

жизнь угасла в бурном потоке. Авалон же, обремененный тяжелыми доспехами, не сумел подняться и пошел ко дну, уносимый ледяной водой в глубину.

На берегу, среди тумана и шепота реки, чьи воды еще несли кровь, стояла Батори. Ее лицо освещал лишь холодный свет луны, падавший сквозь рваные тучи. Она смотрела, как в потемневших водах дергается и медленно погружается в бездну тело в доспехах. Но Авалон — еще жил. Его дыхание было рваным, будто само сердце сопротивлялось покою смерти.

В глазах Батори мелькнула странная тень — не жалость, но древнее узнавание. Один из прислужников бога... — подумала она, и слова отозвались эхом в безмолвии ночи.

Сквозь ледяную реку, словно призрак, она вошла в воду и вытащила его тело на камни. Мокрые доспехи звякнули глухо, как погребальные колокола. Склонясь к нему, она коснулась его губ, и этот поцелуй был не поцелуем любви — но кровавым дыханием, возвращающим душу в умирающее тело. Его глаза распахнулись, и в них отражался свет луны, как в мертвых зеркалах.

А высоко над ними, за пределами небес, в беззвездной тьме шевелилось нечто. Огненная, рогатая фигура — титан из пламени и ночи — склонялась над миром, словно зритель в театре смертей. Ее пылающие очи следили за этим моментом, и казалось, что даже сама планета дрожит под взглядом демонического наблюдателя.

Ветер сорвался, завывая по разрушенным башням замка, и ночь стала гуще, будто сама тьма радовалась чужим страданиям.

Огненная, рогатая фигура, наблюдавшая сверху за падением Авалона, была не просто тенью небес. Это был Огненный Бог, чье имя шептали в страхе и благоговении. Его называли властелином Империя или как его называют Вальхаллы — царства, где вечное пламя пожирает плоть, но хранит души в бесконечной битве. Там его воины не умирают, а вновь и вновь встают в бою, распевая гимны в языках, забытых смертными.

Его тело было вылеплено из расплавленного камня и живого пламени, а огромные рога возносились к небесам, будто горящие колонны. С каждым его дыханием в небе вспыхивали зарницы, и миры трепетали.

Но этот бог не был одинок. У него был брат — Чернобог, владыка тени и мрака. Вечность их борьба продолжалась, как два крыла одной погибели: пламя и тьма сходились вновь и вновь, сталкиваясь на границе миров. Им не было конца, ибо ни один не мог уничтожить другого, но каждый стремился подчинить бытие своей сути.

И у Огненного Бога была дочь. Её рождением стала искра войны, а её дыхание — буря. Она не знала милости, ибо была плотью самой Вальхаллы, созданной из жара и крови. Во гла-

ве легионов она прорывалась в королевства смертных, как раскалённое копьё в плоть. Её армии, облечённые в чёрные доспехи с алыми знаками пламени, сжигали города, оставляя лишь пепел и плач.

Где бы она ни ступала, ночь становилась красной, как зарево пожарищ. Люди же, видя её знамёна, падали ниц, одни моля о пощаде, другие — о быстрой смерти.

И сейчас, глядя вниз, Огненный Бог видел не только судьбу Авалона. Он видел предвестие будущих битв. Ведь если этот смертный выжил по воле Батори, значит, нити его жизни переплетены с планами богов.

И там, где на реке разгоралось слабое дыхание воина, в небесах уже поднималась тень великой войны.

Почему же смертные, чьи земли сжигают легионы Вальхаллы, продолжают склоняться перед Огненным Богом? Ответ прост и ужасен: они верят в его пламя как в ****единственную истину мира****.

Его последователи говорят: ***«Всё рождается из огня и в огне возвращается к истоку. Что он сжигает — не гибнет, но очищается. Пламя — не враг, оно лишь открывает дверь к вечности».***

И потому ордена, даже когда их крепости рушатся под ударами его дочери, продолжают молиться ему. Для них разрушение — знак избранности, огненное крещение. Они верят, что через страдания и пепел их души войдут в Империй и станут бессмертными воинами его вечной армии.

Но истинная сила веры вспыхнула не из огня войны, а из крови жертвы. Когда-то давно Огненный Бог послал в мир ****своего сына**** — божественного посланника, несущего свет его учения. В облике смертного он пришёл, чтобы даровать людям знание о вечности и испытании через боль. Его слова были мягкими, но в них горела искра космического пламени.

Сначала люди поклонялись ему как пророку, но именно в этом скрывалась трагедия. Зависть и страх исказили сердца. И те же самые рыцари Ордена, что называли себя верными Огненному Богу, схватили его сына, связали, и в ритуале крови убили .

Казалось, это должно было обрушить веру. Но всё обернулось иначе. Его смерть стала ****священным костром****, который разгорелся ярче, чем сама жизнь. Последователи начали говорить: ***«Если сам сын бога принял муки, то мы должны идти его путём».***

Культ превратился в религию мученичества. Чем больше они страдали, тем ближе чувствовали дыхание своего владыки.

Так Империй укрепилась не мечом и не топором, а ****верой в кровь и жертву****. Сын, убиенный руками последователей, стал не проклятием, а символом: его образ теперь воссиял на знаменах, в молитвах, в ночных литаниях. Он стал доказательством того, что даже смерть не разрушает пламя

— оно лишь разгорается сильнее.

И потому ордена всё ещё склоняются перед своим божеством, даже когда огненные легионы сокрушают их стены. Для них гибель — не конец, а начало вечной битвы под его знаменем.

У этого царства пламени и вечной войны нет одного имени. Для каждого народа оно звучит по-разному, как отражение их веры и страха.

Северные народы называют его **Вальхалла**. Для них это не просто Империя, а зал славы, куда уходят павшие воины. В их песнях говорится, что там вечно звенят мечи и горят костры пиршеств, а сами герои после смерти продолжают битву плечом к плечу с Огненным Богом. Для северян Вальхалла — мечта, обетованная земля для тех, кто прожил жизнь достойно и пал с оружием в руках.

Западные королевства зовут его **Империй**. В их летописях это не священный зал, а мрачное государство, раскинувшееся за пределами смертного мира. Они описывают его как вечное царство огня, где города построены из раскалённого железа, а армии маршируют под знамёнами дочери Огненного Бога. Для западных людей «Империй» — это символ власти, порядка и ужасающего могущества.

Так один и тот же мир носит два лика. Для одних — обещанная награда, для других — устрашающая сила. Но исти-

на в том, что оба имени правдивы: Вальхалла и Империй — это разные стороны одного царства, в котором слава и ужас неразделимы.

И потому на севере рыцари славят Бога, желая войти в его пиршественные залы, а на западе ордена молятся, чтобы стать частью его вечного войска. Но все они — и северяне, и западные — сражаются против его легионов, зная, что в смерти их ждёт одно и то же: пламя Вальхаллы, сияющее над черными башнями Империй.

Глава 13

• Год 3275, месяц Пепла

Полковник ознакомился с результатами расследования. Он уже давно был обеспокоен положением в регионе: слишком быстро разрастался оборот наркотиков, участились теракты. Связь с человеком, отправленным на разведку, прервалась. Всё указывало на то, что за этим стояли Шакал, Дмитрий и Темные владыки. Они рушили страну изнутри, действуя по собственному кодексу — не вредить друг другу. Кардинал, несмотря на полномочия, оказался бессилён против этой угрозы.

И всё же в докладе было то, что заставило полковника впервые за долгое время испытать удовлетворение — ****Дмитрий мёртв****. Один из ключевых врагов больше не угрожал стране. Полковник невольно усмехнулся:

»Минус одна змея в этом гнезде.»

Было решено отправить опытных бойцов в эпицентр. Их

задачей стало поддержать местное отделение в расследовании. Полковник лично возглавил операцию и вместе с отрядом отправился в город.

Саймон ждал приезда Полковника, всё ещё не получая вестей от Лодрика.

Вскоре дверь со скрипом распахнулась. В помещение вошли шестеро бойцов в тяжёлых бронежилетах, с автоматами за плечами. Их шаги гулко отдавались в стенах. Вслед за ними появился худощавый человек с седыми волосами и густыми усами. В его взгляде читалась стальная твёрдость — это и был ****Полковник****.

— Должно быть, вы и есть начальник местного ордена, — произнёс он низким голосом. — Впереди у нас ещё много совместной работы. Можете называть меня Иван, сын Степана... или просто Иван.

Саймон коротко кивнул и доложил о ходе расследования, а также о деле, которое не завершил их агент. Полковник слушал внимательно, не перебивая, но его лицо оставалось суровым.

— Слишком мало, — наконец произнёс он холодно. — Нам нужны факты, а не пустые обрывки.

Затем он уточнил про недавний захват храма. Саймон сообщил, что следствие установило — нападение не связано с остальными делами: лидер группы был уничтожен на месте, а при нём нашли документы, подтверждающие локальный характер заговора.

Иван помолчал, перебирая пальцами усы. Потом внезапно усмехнулся — жёстко и без тени радости.

— Но хоть одна хорошая новость есть, — сказал он, глядя Саймону прямо в глаза. — **Дмитрий мёртв.**

Он выдержал паузу, и в комнате стало тише, чем в могиле.

— Минус один гнидюк, разрушающий страну. Пусть сгниёт там, где его закопали.

Бойцы переглянулись, и в их взглядах мелькнуло удовлетворение — настроение командира передалось и им.

Иван снова стал серьёзен.

— А теперь к делу. У нас остаются Шакал и Темные владыки. Эти крысы ещё дышат.

Параллельно этому дверь в кабинет Шакала медленно скрипнула, открываясь. В нос ударил запах сырости, воска и железа. Тусклый свет нескольких чёрных свечей едва разгонял тьму, тени плясали по стенам, превращаясь в уродливые силуэты. На массивном дубовом столе лежали карты с пометками крови и пепла, а в углу горкой валялись старые оружия — трофеи, снятые с поверженных врагов.

Шакал уже сидел в кресле, высокий и неподвижный, словно вырезанный из камня. За его спиной висела рваная ткань с символом его ордена, пропитанная копотью. По обе стороны от него стояли две девушки — рыжая и блондинка, словно два клинка, только ещё не окованные в ножны.

Скарлет вошла, её шаги отозвались гулким эхом в каменном коридоре. Она опустилась на своё место, скрестив ноги,

и презрительным взглядом смерила незнакомок.

— Что они здесь делают? — голос её прозвучал холодно, как сталь в ножнах. — Где ты их вообще нашёл... и главное, зачем?

Шакал усмехнулся. Его улыбка была подобна трещине на лице каменной статуи.

— Познакомься. Рыжая — Юля. Наёмница, прошедшая Аварийскую войну, умеет выживать там, где другие сгнивают. Блондинка — Камилла. Её руки в крови восточных кампаний. Теперь они под твоим началом. Только... — он чуть прищурился, — не нарежь их сразу.

Юля и Камилла переглянулись, их глаза вспыхнули дерзостью.

— Мы не собираемся подчиняться какой-то... — начала Юля.

— ...незнакомке, — закончила Камилла с вызовом.

Тишину разорвал глухой удар. Шакал поднял руку, и она засияла мертвенно-белым светом, освещая трещины на стенах. Воздух в комнате задрожал, словно сама тьма ожила. Девушек бросило на каменный пол, их тела выгнулись от боли, крик эхом прокатился по залу.

— Тише, — произнёс Шакал спокойно, но голос его был как приговор. — Запомните: спорить со мной — значит умирать медленно.

Он опустил руку, и свечение угасло. В комнате снова воцарилась темнота, лишь треск свечей напоминал, что время

идёт. Юля и Камилла тяжело поднялись с пола, на их лицах читалась злость, сдавленная страхом.

Скарлет ухмыльнулась, склонив голову набок, и её глаза заискрились мраком. Она явно наслаждалась их унижением.

— Теперь подчиняетесь ей, — продолжил Шакал, кивнув на Скарлет. — Найдёте общий язык, или я заставлю вас его найти.

Он медленно откинулся в кресле, пальцы его барабанили по столу, словно отсчитывали чужое время.

— А теперь... ступайте. У вас задание.

Шакал выглядел так, словно сам мрак вылепил его для войны. Его кожа имела сероватый, почти угольно-чёрный оттенок — наследие тёмных эльфов. Лицо скрывала тень глубокого капюшона, но из-под него пронзительно светились ярко-жёлтые глаза, похожие на глаза хищника в ночи.

На нём была тяжёлая, потемневшая от времени и крови броня, в которой угадывались эльфийские узоры, искажённые и почерневшие. Металл имел буро-коричневый оттенок, словно пропитанный ржавчиной и чужой смертью. Кольчужные пластины поблёскивали под светом свечей, а по краям доспеха местами торчали следы старых боевых повреждений.

Длинный плащ цвета сухой земли тянулся по полу, скрадывая его движения, и казалось, что он не идёт, а скользит. Высокий рост и худощавая фигура придавали ему вид костлявого жнеца, который лишь ждёт момента взмахнуть косой.

На его руках выделялись тонкие длинные пальцы, обвитые татуировками древних рун. Когда он поднимал ладонь, они начинали мерцать жёлтым светом, таким же, как его глаза, — это выглядело так, будто сама смерть нашла проводника в его теле.

И каждый, кто встречал его взгляд, невольно ощущал холод, пробирающий до костей.

Каледор встречал их серыми стенами и узкими улочками, где туман стелился по земле, словно скрывал кровавые следы былых войн. Каменные башни возвышались над кварталами, и казалось, что сами здания следят за путниками. Факелы горели тускло, освещая лишь куски дороги, оставляя остальное в густой тьме.

Скарлет шла чуть впереди, и даже на фоне этого мрачного города выделялась. Её стройная фигура скользила легко, почти бесшумно. Чёрные волосы спадали каскадом до пояса, мягко колыхались при каждом шаге, будто впитывая тусклый свет факелов. Лицо её было бледным, словно высеченным из мрамора, а губы — цвета спелой вишни.

Но главным в её облике были глаза — глубокие, красные, с ярким огнём внутри. В их взгляде чувствовалась смесь презрения и холодной страсти, словно они могли одновременно обещать поцелуй и смерть. Те, кто встречался с её взглядом, невольно отворачивались, будто опасались, что она прочтёт их самые тёмные мысли.

Одетая в облегающую чёрную броню с алыми вставками,

Скарлет напоминала хищницу, которая идёт по своим владениям. На поясе у неё покачивались изящные, но смертоносные кинжалы — словно украшения, скрывающие свою истинную природу.

В голографическом свитке было написано:

«Эти двое помогут тебе в деле. Они полностью в твоём распоряжении. Ваша задача — никого не убивать, лишь разведать обстановку. Мне сообщили, что в город прибыл полковник со своими бойцами спецназа. Не думаю, что их опыт превзойдёт твой, но всё же ясно одно — за нас взялись все-рьёз.»

Скарлет дочитала до конца, её алые глаза блеснули в полутьме. В отличие от Шакала, она никогда не задумывалась над тем, кто перед ней — обычный солдат, опытный воин или маг. Для неё это не имело значения. Все её враги рано или поздно заканчивали одинаково — в крови и пепле.

Для неё приказ «никого не убивать» звучал скорее как шутка.

Прибыв на место, Скарлет холодным тоном отдала приказ:

— Камилла, проберись внутрь.

Блондинка кивнула и исчезла в темноте улицы. Сама же Скарлет вместе с Юлей настраивала приёмник на нужную волну. Хрипящий эфир наконец выдал искомую частоту — в динамике зазвучали голоса спецназа. Теперь они слышали всё: отчёты, приказы, тревожные сигналы. Из переговоров

стало ясно — главной целью солдат было вычислить организаторов терактов и торговцев наркотиками.

Камилла вернулась быстро, но с пустыми руками.

— Не вышло, — пробормотала она. — Я искала лазейку, но...

Скарлет медленно подняла голову, её красные глаза вспыхнули гневом.

— Ты даже не догадалась просто войти в дверь? — голос её был тихим, но в нём звенела угроза.

В следующую секунду её пальцы сжали длинные светлые волосы Камиллы. Резким движением Скарлет дёрнула вниз и со всей силы ударила её головой об железную панель машины. Глухой стук отозвался в ночи, а Камилла вскрикнула от боли, хватаясь за кровь, стекавшую по лицу.

Она в ярости выхватила пистолет, но не успела даже прицелиться. Скарлет вывернула ей руку, оружие со звоном упало на мостовую, а сама блондинка рухнула следом, оглушённая ударом.

— Жалкая, — прошипела Скарлет, с презрением глядя на её неподвижное тело.

Она вытерла ладонь о свой плащ и повернулась к Юле.

— Идём. Нужно доложить Шакалу.

Юля молча кивнула, но в её взгляде на миг мелькнула тень сомнения.

Он уже ждал их, сидя в своём кресле, освещённый лишь дрожащим светом свечей. Как только Скарлет и Юля вошли,

жёлтые глаза Шакала вспыхнули в полумраке.

— Что вы узнали? — спросил он холодным голосом.
Скарлет шагнула вперёд.

— Они ищут тех, кто стоит за торговлей и терактами. Как ты сам знаешь, в город прибыл полковник. Его зовут **Иван**. С ним шесть бойцов спецназа.

Шакал некоторое время молчал, барабанил пальцами по древнему дереву стола. Тишина тянулась, пока он словно взвешивал каждое слово.

— Значит, время поджигает, — наконец произнёс он. — С полковником нужно разобраться как можно быстрее. Всю остальную информацию я добуду сам.

Его голос прозвучал как приговор. В глазах мелькнула искра, в которой не было ни страха, ни сомнения — лишь жажда уничтожения.

— Ты сначала ударила меня об панель, а потом вырубилась, — прошипела Камилла, её рука нервно легла на рукоять кинжала. — Я тебя за это пополам сломаю.

Скарлет чуть приподняла бровь, в её красных глазах вспыхнул презрительный огонёк.

— Ах, да... я уже и забыла про тебя. Видать, удар был настолько сильным, что чувство самосохранения у тебя отключилось. Но ладно. Здесь неподалёку есть тренировочный зал. Пойдём. Один на один.

Голос её был холоден, как сталь, и от этого Камиллу пере­дёрнуло, но она сжала зубы и кивнула.

Они вошли в зал, где гулко отдавался звон оружия и удары по деревянным манекенам. Солдаты Шакала тренировались, но стоило Скарлет переступить порог, как все резко замол­чали и отошли к стенам. Красные глаза эльфийки заставили их опустить взгляды.

Камилла шагнула вперёд, и в зале повисла напряжённая тишина.

— Ты что, самоубийца?! — выкрикнул один из наёмни­ков, не выдержав. — Лучше моли её о пощаде!

Несколько бойцов хмуρο переглянулись, но ни один не встал на сторону Камиллы. Все знали: если Скарлет решила пролить чью-то кровь, её не остановить.

Скарлет лишь улыбнулась уголком губ и медленно стяну­ла с себя плащ, обнажая тёмную эльфийскую броню, плотно облегающую её тело. В её движениях чувствовалась грация хищницы, готовящейся к прыжку.

— Ну что, Камилла, — прошептала она. — Покажи, за что ты так цепляешься за жизнь.

Скарлет и Камилла встали друг напротив друга посреди зала. Каменные стены, освещённые тусклым светом факелов, отражали каждый их шаг гулким эхом. Наёмники вы­строились вдоль стен, и напряжённая тишина повисла в воз­духе.

Камилла рванулась первой — её кулаки со свистом рас-

секали воздух, но Скарлет небрежно уклонялась от каждого удара. Её движения были плавны, словно танец хищной кошки. Она сопровождала каждый уход издевательскими словами:

— Ты бьёшь так, будто щадишь меня. Или ты просто слаба?

Раз за разом Камилла натыкалась в пустоту, её дыхание сбивалось, а на лице выступал пот.

Скарлет вздохнула, будто устала от этой возни, и резко сменила тактику. Первый удар — в живот. Камилла согнулась, но сумела вслепую врезать в ответ, и кулак с хрустом пришёлся по щеке эльфийки.

Красные глаза Скарлет вспыхнули яростью. Её кулак молнией ударил в нос Камиллы, раздавшийся хруст костей утонул в её приглушённом крике. Девушка пошатнулась, потеряв ориентацию

Скарлет не упустила шанс. Холодной хваткой она сжала шею Камиллы и с силой швырнула её в каменную стену. Удар гулко отозвался, и тело осело на пол.

Но Камилла, преодолевая боль, поднялась на дрожащих ногах. Она даже не успела вдохнуть, как Скарлет врезала ей ногой в живот. Воздух вырвался из лёгких, и тут же второй удар сбил её с ног.

Эльфийка не остановилась — её кулаки с металлическими вставками обрушились на лицо Камиллы. Каждый удар сопровождался всплеском крови, которая каплями летела на

пол и одежду Скарлет..

Наёмники у стен молча наблюдали. Все знали, что у Камиллы нет ни единого шанса. Но никто не двинулся — вмешаться значило подписать себе смертный приговор.

Камилла, задыхаясь и захлёбываясь собственной кровью, поняла, что её единственная надежда — не победить, а выжить. Но даже эта мысль угасла, когда Скарлет подняла её одной рукой за шею.

— Ты ничто, — прошептала она почти ласково, и с размаху ударила кулаком в челюсть.

Голова Камиллы откинулась назад, тело рухнуло на пол, и она потеряла сознание.

Скарлет оглядела зал, вытирая чужую кровь со своих перчаток о плащ. Красные глаза горели в полумраке.

— Есть ещё те, кто считает себя сильнее меня?

В ответ — лишь тишина и взгляд в пол. Никто не осмелился даже вдохнуть громче.

В памяти Скарлет всплыла прошлая тренировка, когда лучшие бойцы Шакала, решив испытать её, напали все вместе. Но даже числом они не смогли взять верх. Она избивала каждого из них, и с той поры даже самые смелые понимали: бросить вызов Скарлет — всё равно что подписать себе смертный приговор.

Юля стояла у стены, скрестив руки на груди. Она привыкла видеть кровь, но то, что происходило перед её глазами, было больше похоже на казнь, чем на поединок.

Каждый удар Скарлет отзывался у неё внутри, будто ломал что-то невидимое. Юля знала, что Камилла не ангел и часто нарывалась на неприятности, но сейчас ей стало жалко её. И всё же жалость тонула в другом — в понимании, что Скарлет нельзя остановить.

Красные глаза эльфийки сверкали в полумраке, отражая безжалостное удовольствие от происходящего. Юля поймала себя на мысли, что даже её собственные руки — руки опытной наёмницы, державшие оружие и пролившие не одну жизнь — дрогнули бы, окажись она на месте Камиллы.

Когда Камилла рухнула на каменный пол, безжизненно распростершись в крови, Юля едва заметно вздохнула. Но облегчение тут же сменилось холодком страха, когда взгляд Скарлет скользнул в её сторону.

— Есть ещё те, кто считает себя сильнее меня? — прозвучал вопрос, обращённый ко всем, но будто в первую очередь к ней.

Юля невольно отвела глаза. Внутри закипало возмущение — её воинская гордость требовала отреагировать, но разум подсказывал: шаг вперёд будет означать смерть.

Она стиснула зубы и осталась стоять молча. И впервые за долгое время почувствовала не просто уважение к силе другого бойца, а настоящий первобытный страх.

дрожащий голос Юли:

— Знаешь... она сама виновата. Глупо поступила, связавшись с вами...

Скарлет медленно повернула голову, красные глаза блеснули в полумраке.

— Я надеюсь, ты не хочешь повторить это? — её голос был мягким, почти шёлковым, но от этой мягкости веяло опасностью сильнее, чем от любого удара.

— Нет! Конечно же нет, — Юля быстро замотала головой, чувствуя, как в груди нарастает холод. — Я полностью в вашем распоряжении. Приказывайте что угодно.

Скарлет усмехнулась и откинулась на спинку стула, скрестив длинные ноги.

— Расслабься. Если не станешь выкидывать глупостей, всё будет хорошо. Я же не настолько жестокая, как думаешь.

Она сделала паузу, словно смакуя момент, и её взгляд прожёл Юлю насквозь.

— Хотя, странно... как с таким характером ты вообще выжила на войне? Я пугаю тебя больше, чем монстры Империя, что рвут людей на куски?

Юля отвела глаза. Она хотела возразить, но язык будто прирос к нёбу. По её лицу всё было ясно без слов, и Скарлет это прекрасно видела.

Красноглазая эльфийка чуть наклонилась вперёд, её голос стал тише, почти интимнее:

— Я читаю это в твоих глазах. Ты боишься меня больше, чем кого-либо. И правильно делаешь.

Юля сглотнула, не решаясь отвечать. В этот момент она

поняла, что любая лишняя фраза может стать для неё последней.

Чтобы сменить тему, она выдавила вопрос:

— А... что будет с Камиллой?

Скарлет равнодушно скользнула взглядом в сторону, где та лежала без сознания.

— Жива. Но не скоро встанет на ноги. Неделю минимум будет валяться. Этого хватит, чтобы выбить из головы мысли перечить мне.

Она спокойно вытерла запёкшуюся кровь с перчатки о край своего плаща и посмотрела на Юлю вновь.

— Так что, если хочешь сохранить своё место, учись на её ошибках.

Юля воевала, она видела кровь и тела павших товарищей. Она знала, что значит убить врага на поле боя — когда стреляешь первым, иначе умрёшь сам. Для неё убийство было частью суровой военной необходимости, актом выживания.

Руберт тоже имел за спиной немало смертей. Но его убийства были расчетливыми, холодными. В них была логика: устранение цели, выполнение приказа, сохранение собственной шкуры. Он относился к этому как к грязной, но рациональной работе.

Однако Алиса и Скарлет действовали иначе. Их жестокость не рождалась из нужды или приказа — она была их естественной сутью. В каждом движении, в каждом ударе чувствовалось наслаждение процессом, игра с чужой жиз-

нюю. Они не просто убивали — они ломали жертву, превращая её страдания в зрелище.

Юля, привыкшая сражаться с вооружённым врагом, не могла спокойно смотреть на то, как Скарлет играючи крушила Камиллу, словно кошка — пойманную мышь. Там не было военной чести, не было битвы равных — лишь хищник и его жертва.

Руберт же понимал: в отличие от него, у Алисы не было тормозов. Она не знала меры. Он убивал, когда это было нужно, а она — потому что могла. Для него это было страшнее всего: рядом находился человек, для которого убийство — не средство, а цель сама по себе.

И именно это внушало ужас обоим. Потому что рядом с Алисой и Скарлет даже самые закалённые воины чувствовали себя незащищёнными. Их привычный мир, где убийство имело объяснение, рушился. Перед ними стояли не просто бойцы — перед ними были чудовища в облике женщины и эльфийки. Для которых кровь и страх были частью игры.

Лина уже месяц тренировала своё тело под строгим надзором Мей-ли. Каждое утро начиналось с изнуряющих упражнений, каждый вечер заканчивался ранами и усталостью, но тело стало крепче, а движения — точнее.

— Ну что, молодец, думаю, ты готова, — сказала Мей-ли, скрестив руки и с лёгкой улыбкой наблюдая за подопечной.

— Конечно готова. Мне надо найти сестру, — твёрдо ответила Лина и, сжав рукоять меча, медленно зашагала вниз

по склону.

Мей-ли, не касаясь земли, прошла по воздуху и преградила ей путь, словно тень.

— Я решила, что пойду с тобой.

— Зачем? — нахмурилась Лина.

— Я устала сидеть здесь и собирать травы. Хочется приключений... и крови. — в её голосе прозвучала опасная насмешка.

Лина вздохнула, покачав головой:

— Ладно, пошли.

— И куда мы? — с явным азартом спросила Мей-ли.

— Для начала в ближайшую таверну. Хочется нормальной еды и выпивки, а не твоей зелени и этого вечно горького зелёного чая.

— Спасибо, я старалась готовить, — с обидой пробормотала Мей-ли.

— Да ладно, не обижайся, просто не моё.

— Расскажи мне про сестру, — резко сменила тему Мей-ли.

— Данта. Она старше и сильнее меня. Мы не слишком часто общались, но заботились друг о друге.

— Забота — это самое главное, — холодно кивнула Мей-ли, хотя в её глазах вспыхнул странный огонёк.

И вдруг позади раздался визг, треск деревьев и тяжёлый

хлопот крыльев. Огромный жук, покрытый хитиновыми пластинами и испускающий отвратительное жужжание, летел прямо на них.

Лина мгновенно выхватила меч, готовясь встретить врага, но Мей-ли остановила её жестом.

— Оставь это мне.

Её зрачки вспыхнули кровавым светом, и из глаз вырвались лучи крестовидной формы. Они рассекли чудовище на части, а его тело разлетелось в клочья с влажным взрывом, осыпав землю дымящейся слизью.

Лина отшатнулась, с трудом удержав рвотный позыв.

— Откуда у тебя такая сила?! — спросила она, не скрывая шока.

Мей-ли лишь ухмыльнулась, проведя пальцами по щекам, из которых всё ещё сочился слабый свет.

— Тренировки, — ответила она спокойно, будто речь шла о чём-то обыденном.

Девушки продолжили путь к ближайшему поселению, и Лина всё время украдкой смотрела на спутницу. Теперь ей казалось, что она знает Мей-ли ещё меньше, чем раньше.

Дорога вниз по склону вела вглубь тёмного леса. Сухие ветви трескались под ногами, а воздух был пропитан запахом сырости и прелых листьев. Туман стелился низко, словно пытался скрыть каждую тень между деревьями. Иногда в нём мелькали силуэты — то ли звери, то ли нечто более зловещее.

Лина шла уверенно, сжимая рукоять меча. После месяцев тренировок тело слушалось её безупречно, но в груди всё равно поселилась тревога.

— Тут слишком тихо, — пробормотала она. — Даже птиц не слышно.

— Потому что они умнее людей, — ответила Мей-ли с усмешкой, шагая словно по невидимой дорожке чуть выше земли. — Чувствуют смерть и обходят её стороной.

Дальше лес становился гуще, и над ними смыкались кроны, отрезая свет. Казалось, время потеряло значение: день или ночь — понять было невозможно. Слышались лишь редкие капли влаги, падающие с чёрных ветвей, и отдалённый вой, похожий на стон.

Лина несколько раз оборачивалась, будто чувствовала, что за ними кто-то наблюдает.

— Расслабься, — сказала Мей-ли, заметив её взгляд. — Если бы кто-то хотел нас убить, он бы уже попытался.

— Ты говоришь так, будто сама этого ждёшь.

— Конечно жду. Дорога без крови скучна, — её красноватые глаза вспыхнули в полумраке.

Им попадались странные следы: глубокие вмятины в земле, словно от лап огромного зверя, и царапины на коре деревьев. Лина старалась не смотреть слишком внимательно, но Мей-ли наоборот останавливалась, трогала когтистые отметины пальцами и тихо улыбалась.

Чем дальше они шли, тем тяжелее становился воздух. Ка-

залось, сама земля гнила и дышала зловонием. Где-то в стороне завывала стая, и Лина крепче сжала меч.

— Мы скоро выйдем к поселению? — спросила она, чувствуя, как усталость и тревога давят одновременно.

— Скоро, — ответила Мей-ли, и её голос прозвучал так спокойно, словно сама тьма была ей родным домом.

Когда они остановились у поваленного дерева, Мей-ли снова не удержалась и заговорила:

— Знаешь, я всё хотела спросить... твой меч. Он явно не обычный.

Лина чуть напряглась, но потом медленно достала оружие. На первый взгляд это был длинный клинок, но стоило на него упасть лучу света, как по полированному лезвию пробежало золотое сияние. Металл будто хранил в себе кусточек солнца. Даже в тумане и мраке леса он светился мягким, но живым светом.

На самом деле он всё это время был закреплён за её спиной, и орёл нёс их обоих — девушку и её оружие, словно знал, что разделить их нельзя.

— Это Солнечный меч, артефакт древнего ордена берсерков. Его вручил мне сам глава ордена, после того как я выполнила их задание... одно, от которого зависела судьба целого города.

Она провела рукой по рукояти, и клинок тихо отозвался гулом, словно подтверждая её слова.

— Берсерки не раздают такие вещи направо и налево.

Этот меч — символ доверия и крови, пролитой в бою. Я не раздумывала, когда он протянул его мне. Это было не наградой... скорее клеймом, знаком того, что я теперь обязана нести свет сквозь любую тьму.

— И ты приняла его, — тихо сказала Мей-ли, с оттенком уважения.

— У меня не было выбора, — усмехнулась Лина. — Когда смотришь в глаза главе ордена, понимаешь: отказа не существует.

Она на мгновение замолчала, глядя куда-то вдаль, и добавила почти шёпотом:

— Но в глубине души я знаю... он дал мне этот меч не только за заслуги. Он верил, что однажды я столкнусь с чем-то, для чего нужен именно этот клинок.

Мей-ли ощутила холод по коже. словно сама дорога под их ногами на миг стала темнее.

Их разговор прервало зловещее шипение. Из тени деревьев, сливаясь с ночной мглой, выползали существа, похожие на исковерканные трупы животных и людей. Их пустые глазницы мерцали бледным светом, а пасти источали запах гнили.

Мей-ли тут же шагнула вперёд, её ладони засияли силой, готовые выплеснуть поток энергии. Но Лина положила руку ей на плечо и покачала головой.

— Подожди. Это мой бой.

Она медленно вынула из-за спины меч. Клинок казался

почти обычным, но стоило ей поднять его над собой — золотое сияние, исходящее из рукояти, взорвалось настоящим светом, разгоняя тьму вокруг. Лес содрогнулся, словно сам воздух отозвался на силу артефакта.

Твари завyli, закрывая морды лапами и отступая. Свет жёг их плоть, оставляя дымящиеся дыры, а те, что были ближе всех, рухнули и рассыпались в прах, не выдержав прикосновения сияния.

— Вот он... — прошептала Мей-ли, потрясённо наблюдая, как нечисть в панике уходит в глубь леса. — Теперь я понимаю, почему тебе доверили этот клинок.

Лина тяжело вздохнула, опуская меч, сияние постепенно угасло.

— Глава ордена сказал мне: *“Этот меч — не для убийства. Его сила в том, что он хранит свет, когда сама душа тянется во тьму. Пользуйся им мудро, Лина.”*

Она провела пальцами по клинку, словно поглаживая живое существо.

— Но иногда я боюсь... что однажды он ослепит и меня.

Афина толкнула дверь — та поддалась, словно сама приглашала внутрь. В доме стояла тишина, нарушаемая только мерным тиканьем часов и запахом дешёвой водки.

За столом сидел Герцог Шафруа. Его лицо осунулось, но взгляд оставался тяжёлым и осмысленным. Он медленно поднёс стакан ко рту, не отрывая глаз от Афины.

— Ну вот ты и пришла... — произнёс он низким, уставшим голосом. — Я знал, что за мной придут. Но не ожидал, что сама Афина снизойдёт до того, чтобы убить меня.

— Скажи спасибо, что вообще дожил до этой минуты, — холодно усмехнулась она. — Не многие получают такой подарок.

Шафруа отставил стакан и наклонился вперёд.

— Ты знаешь, что о тебе пишут? Официально — ты чиста, словно белый лист. Но те, кто чудом выжил после встречи с тобой, рассказывали другое. Они называли тебя чудовищем.

— Хм... чудовище? — Афина слегка склонила голову, улыбнувшись краешком губ. — А ты про Питера читал? Или твои информаторы не успели?

Глаза Шафруа сверкнули.

— Что ты сделала с ним?

— То, что должна была. Убила. Он полез в наш город, в наши дела, и заплатил за это. Вот и всё.

В комнате повисла напряжённая тишина.

— Ты больна... — наконец сказал Шафруа, его пальцы сжались в кулак. — Вы — зараза, которую мы должны искоренить. Вы взрываете города, травите людей, уничтожаете всё вокруг ради своих денег. Но деньги не спасут тебя, девочка. Государство всегда побеждает.

— О, я обожаю этот пафос про государство и патриотизм, — Афина лениво опустила на ближайший стул. — Мой путь проще: деньги. Вот и всё. И давай не будем строить ил-

люзий, Шафруа. Ты здесь не потому, что сильный. Ты здесь, потому что проиграл.

Шафруа резко вскочил, схватил стакан и метнул его ей в лицо. Афина едва шевельнула головой, осколки прошли мимо. Он кинулся вперёд, ударил её коленом в живот и рванул к окну.

Стекло взорвалось осколками, его силуэт мелькнул на фоне серого поля.

Афина выпрямилась, провела рукой по губам, где выступила кровь, и усмехнулась:

— Ты бежишь... но от меня ещё никто не убежал.

Похоже, ему захотелось немного продлить свою жизнь. Хорошо, но это всё равно его не спасёт. Я выпрыгнула следом, осколки стекла порезали кожу, а голова ещё звенела после удара стаканом. Надо признать, Герцог Шафруа удивил меня — хоть он и старше меня раза в три, бегал он всё ещё неплохо. Даже смог оторваться.

Я неслась за ним, а он продолжал что-то выкрикивать — про патриотизм, про честь, про «будущее страны». Я почти не слушала: пусть говорит, через пару минут он всё равно замолчит.

Мне надоело, и я ускорила. Догнать его труда не составило. Я сбила Шафруа с ног, повалив его на землю, и пару раз врезала кулаком с железными вставками прямо в лицо. Это было за стакан.

Решила не тянуть и застрелить его, но, потянувшись за пи-

столетом, вспомнила — я выронила его в доме. Герцог сразу понял, что у него появился шанс. Он резко вскочил и ударил меня, я успела заблокировать два удара, но один всё же прошёл. Сильный. Меня пошатнуло.

Тогда я вспомнила про нож. Попыталась ударить, но Шафруа оказался не так прост. Он заломил мне руку и направил лезвие в моё плечо. Казалось, он уже уверен, что победил, и в этот момент его самоуверенность сыграла против него.

Я врезала ногой ему в живот, он согнулся. Поднявшись, я пробила кулаком снизу в нос, после чего снова обрушила на него серию ударов. Герцог рухнул, захлёбываясь кровью. Когда он попытался подняться, я вогнала нож ему в живот по самую рукоять. Это выбило остатки воли к сопротивлению.

Шафруа захрипел, искажённый болью, и сказал:

— Какая же ты удачливая сука. Даже когда всё живое погибнет, ты, наверное, будешь идти по выжженной земле, переступая через трупы.

Я холодно посмотрела ему в глаза:

— Удача — это миф, Шафруа. Всё зависит только от наших действий. А всё, что вокруг — ресурсы: природа, культура, люди. Всё это лишь средство для достижения целей.

Герцог скривился в кровавой улыбке:

— Ты совершила большую ошибку, девочка. Скоро сама поймёшь. Ваша деятельность приведёт к краху. И ты сгоришь в своём же огне.

— Какой трогательный момент. Но не надо этих пафос-

ных речей, старик. Я и так продлила тебе жизнь своим бездействием. Хотя знаешь... могу тоже сказать тебе кое-что напоследок.

Я прижала рукоять глубже.

— Увидимся в аду, Шафруа.

— Судя по твоим делам... ты окажешься там первой, — прохрипел он, прежде чем его глаза закатились.

Очередной враг был убит мною.

Я вытерла кровь с лица и перчаток. Шафруа лежал на земле неподвижно, но его слова всё ещё звучали в голове. Увидимся в аду... Смешно.

Я уже собиралась уходить, когда заметила у него на шее цепочку. На ней висел небольшой медальон, стилизованный под щит с выгравированным крестом и древними рунами. Символ был мне знаком.

— *Орден Рыцарей...* — прошептала я.

Теперь всё складывалось. В последние месяцы именно они вмешивались в наши дела: уничтожали склады, перехватывали караваны, срывали сделки. Тогда казалось, что это всего лишь хаотичные удары разных сил, но теперь стало ясно — за всем этим стояли рыцари.

Шафруа был их покровителем. Старый аристократ, прятанный за маской патриотизма. Он финансировал Орден, снабжал их связями, а они — мешали нам. Он не беглец, не трус, каким пытался казаться. Он был их столпом.

Я сжала медальон в ладони так, что его острые грани впи-

лись в кожу.

— *Ну что ж, теперь я знаю, куда идти дальше.*

Я шла по полю, оставляя за собой следы крови на высокой траве. Ветер казался холоднее, чем обычно. Казалось бы, я должна радоваться: еще один враг устранён, цель выполнена. Но на душе было пусто.

В такие моменты ко мне возвращалась одна и та же мысль — я одна. Единственная в своём роде.

Мою расу истребили давным-давно. Ни одного голоса, ни одной знакомой черты лица, ни даже памяти о нашем народе не осталось. Я — последняя, а значит и память, и проклятие, и бремя.

Люди всегда думали, что я метис. Полукровка, рождённая от темного эльфа и человека. Для них это был единственный логичный ответ на мои способности и внешность. Я не старалась их разубеждать. Пусть думают, что хотят — им всё равно не понять.

Но я-то знала правду. В моих жилах не смешанная кровь, а чистая кровь народа, которого больше нет. Иногда я смотрела на своё отражение в воде или зеркале и пыталась разглядеть в себе черты предков. Как будто от этого мне станет легче. Но в ответ видела только холодный взгляд, от которого дрожали даже бывалые бойцы.

— *Единственная...* — горько усмехнулась я про себя. — *А на деле — просто лишняя.*

Может, именно поэтому мне и плевать на чужие жизни.

Ведь если мой народ не пожалели, почему я должна жалеть других?

в голове крутилась мысль — *как же они это делают?*

Мои начальники из Тёмного Ордена всегда знали больше, чем я. Даже я, прошедшая десятки операций, испачканная в крови сотен людей, не понимала всей картины. Для меня Шафруа был лишь старым герцогом, который спрятался в глуши и ждал смерти. Я могла подумать, что его смерть — пустая формальность, приказ ради приказа. Но Орден видел дальше.

Они знали, что именно он стоял за Орденом рыцарей, что именно его деньги и связи подпитывали тех, кто мешал нам. Даже я, всегда уверенная в своей осведомлённости, до последнего не понимала, зачем его убирать. И только теперь, видя, как много нитей тянулось от этого человека, я поняла — Тёмный Орден никогда не ошибается.

Меня всегда восхищала эта их способность. Мысли, холодные и расчётливые, словно шахматисты, они заранее знали, кого убрать, кого оставить, чтобы мир сложился именно так, как нужно нам. Мы — их клинки, их тени, их руки, проливающие кровь. Но они — разум и сила, управляющие этим хаосом.

Я убивала без вопросов, потому что знала: если приказ пришёл от них, значит он имеет смысл. Даже если я не понимала причин. Орден видел картину целиком, а я была лишь её частью. И именно это давало мне странное чувство вос-

торга.

Они нашли Шафруа. Они знали его настоящую роль. Они знали, что именно за ним стоят рыцари, которых мы столько времени считали отдельной угрозой. А я? Я лишь исполнитель. Но, чёрт возьми, я горжусь этим.

После смерти Шафруа положение изменилось почти сразу.

Орден рыцарей ослаб, лишившись своего покровителя. Они долгое время были оплотом порядка — не ради политики, не ради власти, а ради самих людей. Мирные жители знали: пока рыцари в городе, вору, бандиту и убийцу будут держаться в тени, потому что кара настигнет их быстро. Рыцари держали равновесие, пусть и мешали нам.

Но когда их строй пошатнулся, улицы наполнились хаосом. Горожане страдали — кражи, поджоги, изнасилования, исчезновения стали частью повседневности. Те, кто ещё недавно мог спокойно торговать на площади или возвращаться домой по ночам, теперь боялись даже выйти из дома.

И в этот момент на сцену вышли мы — Орден Теней.

Не как защитники, а как новые хозяева. Городам нужен был порядок, и мы дали им его, но по нашим правилам. Мы не носили сияющих доспехов, не молились о справедливости — мы ломали колени, вырезали семьи и ставили своих людей у власти. Люди ненавидели нас, но подчинялись, потому что понимали: хуже может быть всегда.

Там, где рыцари давали людям надежду, мы давали только

страх.

Но страх куда надёжнее надежды — он держит толпу в узде, он делает их покорными. Так Орден Теней занял власть в городах, шаг за шагом заменяя рыцарей, и никакой бог, никакая вера уже не могла это остановить.

Глава 14

• Год 3275, месяц Пепла

Лина и Мей сидели в таверне. Воздух был пропитан запахом жареного мяса, вина и прелой соломы. Они уже собирались подняться в свою комнату, устланную мягкими шкурами мифических зверей, когда тяжелая дверь со скрипом распахнулась.

Внутри вошёл ****кот-переросток**** — огромный зверолод, чья мощная фигура была закована в ****алую топазную броню****, искрящуюся от бликов огня в камине. Его шаги звенели по полу так, словно по таверне катились цепи. За ним шла его спутница — дикарка-наёмница из диких земель. Но она была не просто человеком: её верхняя половина имела черты женщины, а нижняя — львиное тело. Передние лапы больше напоминали когтистые руки чудовища.

Зверь вскинул голову и прорычал низким гулким голосом:

— ****Ведьма.****

Он уставился прямо на Мей.

— Думаю, вы обознались, — холодно отозвалась та.

— Нет... — в глазах зверолода мелькнуло узнавание. —

Я помню тебя. Ты помогала Александру... или как его там...

Мей прищурилась и усмехнулась:

— Мне кажется, у тебя жар, котёнок.

— ****Котёнок!？**** — зверь оскалил клыки. — Я — ****Зверь Арены Ан****, сильнейший воин на всех континентах. Прошёл такие тренировки под рукой своего отца, о которых тебе и не снилось!

— Послушай, мне неинтересны твои бредни. Уйди, или я сама уйду, — Мей откинулась на спинку стула.

Наёмница тем временем приблизилась к Лине, рыча и обнюхивая её, словно добычу. Она потянулась к её шее — но Лина в тот же миг ударила локтем и хрустнула её нос. Хлынула кровь.

Разъярённый зверь рванул вперёд и ударом огромной руки впечатал Лину в каменную стену, трещины пошли по штукатурке.

Но Мей уже подняла руку. Под зверем открылся ****портал****, и тот провалился вниз, утянув за собой клубы огненного света.

Наёмница взвыла и бросилась на ведьму, но Мей лишь махнула рукой — и с её кожи срывалась плоть, оставляя застывший крик и обнажённые мышцы. Она рухнула, содрогаясь, и вскоре затихла.

Мей спокойно вытерла кровь с пальцев и вздохнула. Одним движением она соткала заклятье, стирая воспоминания

у всех присутствующих в таверне. Посетители моргнули и вернулись к еде, словно ничего и не произошло.

Лина, кашляя и вырываясь из стены, подошла к ней:

— Какого хрена это было!?

— Да я сама не знаю, — Мей нахмурилась. — У нас в клане много сестёр, может, он обознался.

— Странно всё это... — Лина нахмурилась. — А куда ты его телепортировала?

В этот миг, далеко внизу, в **лавовом озере**, зверь бился в кипящей магме. Его шерсть и кожа, закалённые магией, не горели, но каждое движение давалось с трудом. Он, рыча, вытаскил за спины свой тяжёлый **магический топор** и начал рубить себе путь наружу.

Но вдруг поверхность лавы взорвалась. Из недр поднялось **чёрное существо** — уродливая тварь с вытянутой зубастой пастью. Его тело было покрыто гладкой, как обсидиан, кожей, и только **алый камень в груди** сиял ярче самой магмы.

Чудовище издало **инопланетный рёв**, от которого лавовое озеро закипело сильнее. Из головы существа вырвались четыре рога, тело вздулось от мышечной массы, проросло четырьмя могучими руками. Оно бросилось на зверя.

Ан вскинул топор, рыча, но тварь навалилась всей тяжестью и утянула его под магму.

Все в таверне, как и задумала Мей, забыли, что произошло несколько минут назад. Посетители вновь жевали мясо,

спорили и смеялись, словно никакого зверя и магии не было. Но один диссонанс разрушал эту иллюзию:

****на полу, у барной стойки, лежала мёртвая наёмница.****

Её тело, лишённое кожи, было слишком ужасным, чтобы остаться незамеченным. Кто-то уронил кружку, другой перестал жевать, трети замолкли, заметив труп. В зале поднялся тихий, тревожный гул.

— Что... это?.. — пробормотал старик с седой бородой, отодвигаясь от стола. — Кто с ней такое сделал?..

Несколько мужиков переглянулись, пытаясь вспомнить хоть что-то — но воспоминаний не было. Магия Мей выжгла у них саму причину, оставив лишь последствие.

— Она ведь только что... просто сидела там, — сказала девушка-служанка, указывая дрожащим пальцем на тело. — А теперь... это...

Лина резко толкнула Мей в бок, прошепав:

— Ты стерла память, но труп-то не исчез!

Мей нахмурилась и сжала кулаки.

— Чёрт.

Она щёлкнула пальцами, собираясь открыть ещё один портал, чтобы утащить останки. Но было поздно: таверна уже наполнялась криками. Несколько посетителей рванули к выходу, другие в панике опрокидывали столы. Кто-то выкрикнул:

— Это ведьмачье колдовство! Она здесь!

Все взгляды начали искать виновницу.

Лина схватила Мей за руку и прошипела:

— Нам нужно убираться отсюда. Сейчас же.

Лина и Мей, не дожидаясь, пока толпа окончательно придёт в себя, покинули таверну. На улице уже сгущались сумерки, и их силуэты быстро растворились в переулках.

Внутри же хаос только нарастал. Люди, чьи воспоминания были стерты, не понимали, откуда взялось тело наёмницы, но ужас от увиденного быстро нашёл выход в страх и подозрения.

— Это ведьмы! — крикнул кто-то.

— Да, они были тут! Я видел их у стойки! — подхватил другой, хотя сам не мог объяснить, что именно произошло.

— Нужно сообщить стражам!

Вскоре по городу поползли слухи. Одни говорили, что в таверне появился демон и сожрал женщину заживо. Другие утверждали, что это дело рук ведьм — чужаков, которых недавно видели в городе.

Когда стража прибыла, наёмницу уже вынесли из таверны, и её обезображенное тело стало уликой. Люди требовали найти виновных.

И хотя Мей и Лина были уже далеко, их след начал тянуться за ними, ведь толпа запомнила лица — пусть и не воспоминания событий.

Авалон тяжело закашлял, изо рта пошла кровь. Он попытался встать, но силы тут же покинули его. Батори села ря-

дом, схватив его за волосы, и подняла голову так, чтобы он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты ещё жив? Какая жалость... — в её голосе сквозила насмешка. — Может, стоит выдавить тебе глазницы прямо здесь, чтобы закончить то, что начато?

Она медленно занесла руку, и в её пальцах вспыхнула алая энергия, но Авалон вдруг прохрипел:

— Подожди... я знаю тебя...

Батори остановилась на долю секунды.

— Что ты сказал?

— Я... встречал её... лидера наёмников... — он задыхался, каждое слово давалось с трудом. — Она велела мне... если найду тебя... привести в пустынные горы...

Батори прищурилась. В её глазах промелькнула тень интереса.

— Ты не врёшь?

Авалон, тяжело дыша, лишь отрицательно покачал головой.

Батори с силой бросила его обратно на землю, но убивать не стала. Внутри неё росло раздражение, смешанное с любопытством. Она не знала, почему его слова задели её, но решила пока оставить ему жизнь.

— Ладно, жалкий. Живи... пока. Но учти: если окажется, что ты лжёшь, я раздавлю твой череп так, что сам бог не соберёт твои кости.

Она поднялась, отряхнув руки, и пошла вперёд. Авалон

с трудом поднялся следом, понимая, что его судьба теперь связана с этой демоницей.

Дорога до замка была изнуряющей. С каждым шагом Батори всё сильнее раздражало присутствие Авалона — его раны мешали идти быстро, и ей приходилось замедляться. По пути на них нападала нечисть: тени, вылезавшие из-под земли, звери с пустыми глазницами и даже парочка оживших рыцарей. Батори с наслаждением рубила и сжигала их, а Авалон, несмотря на усталость, сжимал меч и бился до конца.

Наконец, когда солнце уже садилось, они добрались до мрачного замка, высящегося среди тумана. Стены его были потрескавшимися, окна пустыми, словно глазницы мёртвого титана.

— И ради этого я тащила тебя через всю дорогу? — хмыкнула Батори, рассматривая развалины. — Вижу только пыль и крыс.

Авалон тяжело опёрся на рукоять меча.

— Здесь... кое-что есть. Ты не понимаешь.

Он толкнул тяжёлые ворота, и они с протяжным скрипом открылись. Внутри замок оказался не пустым — свечи сами собой зажигались вдоль коридоров, словно кто-то ждал их.

Батори нахмурилась, оглядываясь.

— Не нравится мне всё это...

Шаги эхом разносились по каменным залам. В воздухе витал запах пыли, старой крови и чего-то... цветочного, будто не отсюда.

Они вошли в замок, и Батори сразу почувствовала — стены дышат магией. Тёмная аура витала повсюду, словно сама тьма впиталась в камень. Тени шевелились, превращаясь в демонов, которые один за другим бросались на них.

— Чувствую, нам тут явно не рады, — хищно усмехнулась Батори, разрывая очередного когтистого упыря в клочья.

Авалон не отвечал, только сжимал меч и пробивал себе дорогу вперёд. Казалось, он был уверен: за всеми этими преградами их что-то ждёт.

Но вдруг стены замка задрожали, и из мрака тронного зала донёсся жуткий крик. Потолок сорвался вниз, и перед ними приземлилась тварь размером с башню.

Огромная летучая мышь с четырьмя глазами и пастью, полной клыков. Её перепончатые крылья раскинулись, перекрыв весь свет, и в её взгляде горела безусловная ненависть.

— Убирайтесь... — прорычала она. — Никто не коснётся Принцессы!

— Вы пришли зря... — Здесь не место смертным.

Авалон сжал меч и сквозь зубы произнёс:

— Кто ты?

Существо раскрыло пасть, полную клыков.

— Меня зовут Тиамат. Я — хранительница этого замка. И никому не позволено пройти дальше.

Батори ощерилась в ответ:

— Значит, мы нашли главного пса. Отлично, я как раз скучала по настоящему бою.

Схватка оказалась беспощадной. Тиамат, казалось, играла с ними — она поднимала ураганы взмахами крыльев, обрушивала тьму, разрывала каменные колонны когтями. Каждый её крик ломал воздух, пробивая барабанные перепонки. Но Батори разожгла свой пламенный меч, а Авалон, стиснув зубы, атаковал снова и снова, и лишь вместе они смогли сбить её с ног.

В решающем рывке Батори взлетела по крылу чудовища, полоснув клинком по суставу, а Авалон ударил в грудь, прорезав защиту. Чудовище с рёвом рухнуло, крылья её были разорваны, тело залито кровью.

Батори уже занесла меч для последнего удара.

— Вот и всё.

Зал замка, усеянный обломками и дымом после боя, был тих, кроме хриплого дыхания раненой Тиамат. Батори стояла над ней, занеся свой пылающий меч для решающего удара. Но в этот момент воздух сгустился, и в центре зала возникла женская фигура.

Из тени шагнула она — демонесса с рыжими, как пламя, волосами, спадающими на плечи. В её глазах светилась коварная искра, губы изогнулись в едва заметной насмешливой улыбке.

— Вот это зрелище, — протянула она мягким, почти мур-

лыкающим голосом. — Двое смертных, сумевших ранить мою Тиамат... впечатляет.

Батори напряглась, вскидывая меч.

— Твоя Тиамат? Значит, ты следующая.

— Ах, не спеши, — Лилит подняла руку, её движения были изящны и спокойны, словно она контролировала всё происходящее. — Убив её, ты потеряешь нечто куда ценнее, чем победа над ещё одним демоном.

Авалон нахмурился, сделав шаг вперёд:

— Кто ты?

Демонесса улыбнулась шире, открывая острые клыки.

— Я — Лилит. Дочь того, кого вы зовёте Богом. Да, да, удивлены? — она слегка наклонила голову, наслаждаясь выражениями их лиц. — Но, в отличие от вас, я знаю, как низвергнуть его окончательно. И это знание принадлежит только мне.

Батори сузила глаза.

— Почему мы должны верить предательнице?

— Потому что, — голос Лилит стал холоднее, но всё так же обволакивающе красив, — меня сам Бог изгнал за предательство. Я не поклонилась ему, не отдала душу в обмен на иллюзорное бессмертие. И теперь он жаждет моей смерти

больше, чем вашей. Разве это не делает нас союзниками?.. хотя бы на время.

Она подошла ближе, её шаги отдавались эхом по мраморному полу. Волосы огненной волной скользили по плечам, её аура дышала опасностью и притягательностью одновременно.

— Если пощадите Тиамат, — она склонилась чуть вперёд, её глаза сверкнули хитро, — я расскажу вам, как убить его. А без меня... вы лишь дети, играющие в войну с богами.

Тиамат застонала у их ног, её изломанное тело дёрнулось. Лилит обернулась на неё и, погладив когтистой рукой её лицо, произнесла:

— Она верна мне, и если вы хотите выжить, её жизнь — ваша цена за моё знание.

В зале повисла тишина. Батори сжала рукоять меча, раздумывая. Авалон смотрел на Лилит, понимая, что каждая её фраза — это тонкая паутина, сплетённая для того, чтобы связать их.

Лилит же стояла спокойно, словно была уверена, что они сделают нужный ей выбор.

Лилит обвела их внимательным взглядом, будто оценивая, стоит ли открывать секрет. В её улыбке скользнул оттенок самодовольства.

— Хорошо, — протянула она, — раз вы сохранили жизнь Тиамат, я дам вам то, что недоступно никому другому.

Батори подняла бровь, не отпуская меч из рук.

— Говори.

Лилит сделала шаг ближе, её рыжие волосы заискрились в отблесках магических факелов.

— Ты ведь задавалась вопросом, Батори, почему твоя жестокость так безгранична? Почему в каждом твоём движении, в каждом ударе меча — столько ярости, что иной раз ты сама пугаешься себя?

Батори нахмурилась, но промолчала.

Лилит хищно улыбнулась.

— Всё просто. Внутри твоей души до сих пор живёт он. Принц тьмы. Люцифер. Его сущность была вплетена в твою, когда твоя мать заключила сделку ради твоей жизни. Ты думаешь, что это ты — жаждешь крови? Нет. Это он. Его голод, его ярость, его ненависть. Ты разделяешь душу с самим поверженным владыкой.

В глазах Батори мелькнул гнев и шок.

— Ты лжёшь.

— Разве? — голос Лилит был сладок и ядовит. — Ты сама не замечала, как иногда теряешь себя? Как будто не ты убиваешь — а он, через тебя? — Она облизнула губы и шепнула: — Это его шёпот ведёт твою руку, это его голод разрывает

твой разум.

Авалон шагнул вперёд, но Лилит вскинула руку, словно останавливая его.

— Но это можно обратить в силу. — Её глаза засияли хитрым огнём. — Очистив твою душу от Люцифера, мы не уничтожим тебя. Нет. Наоборот. Душа, прикоснувшаяся к сущности принца тьмы и пережившая её, в теории станет чем-то большим. Она станет **Метой**.

— Мета... — выдохнул Авалон.

— Избранная судьбой, — кивнула Лилит. — Та, что способна противостоять даже богу. И тогда у него не будет ни единого шанса. Потому что только Мета может победить Мету.

Лилит остановилась прямо перед Батори, её глаза сверкали дерзкой уверенностью.

— Так вот, девочка. Ты думаешь, что твоя жестокость — проклятие? Нет. Это — ключ. Но лишь если ты решишься очистить себя. Тогда сама судьба встанет на твою сторону.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Батори смотрела на Лилит, сжимая зубы. Внутри неё смешались гнев, боль и смутное чувство, будто та сказала правду, которую Батори боялась признать.

Авалон, напротив, почувствовал холодок — слишком уж гладко и вовремя Лилит раскрыла этот секрет.

Мы вышли из замка, стены которого до сих пор дышали мраком и чарами Лилит. Она осталась там, среди своих демонов и изуродованной Тиамат, а её слова всё ещё звенели в ушах.

Авалон шёл чуть впереди, но я чувствовала — он всё время украдкой смотрит на меня, будто взвешивает мои шаги. Наверное, его терзали те же сомнения, что и меня.

— Ты веришь ей? — наконец спросил он.

— Не знаю, — я прикусила губу. — Но одно я поняла точно: она слишком многое знает обо мне. Даже то, что я старалась забыть.

Авалон нахмурился.

— Она играла с нами. Я видел это в её глазах.

— Может быть, — сказала я, сжимая кулаки. — Но если её слова правдивы... если во мне действительно живёт часть Люцифера... значит, мне нужно найти ответы.

Мы шли дальше, туда, где начиналась тропа в сторону пустынных гор. Именно там когда-то скрывалась Учительница — та, кто разбудила во мне демона. И только она могла объяснить, как избавиться от этого наследия или хотя бы научиться держать его в узде.

Ночь опускалась быстро. Ветер нёс песок, и каждый его порыв напоминал шёпот Лилит: *«Очисти душу... стань избранной судьбой...»*

Я стиснула зубы. Путь в пустынные горы только начинал-

ся.

Путь к пустынным горам был тяжёлым. Знойный ветер гнал пыльные вихри, а земля под ногами трескалась от жары. Эти безлюдные земли служили границей между Белоридией и Аравией — местом, куда редко ступала нога смертного.

Авалон шёл рядом с Батори и всё это время молчал, но слова Лилит не выходили у него из головы. Наконец он заговорил:

— Батори... я должен кое-что спросить. — Его взгляд был настороженным. — Лилит сказала мне, что внутри тебя заключена часть Люцифера.

Батори не остановилась, лишь слегка усмехнулась уголком губ.

— Конечно, она сказала. Эта демонесса всегда умела ткнуть пальцем в самые опасные истины.

— Значит, это правда? — Авалон прищурился.

Она кивнула.

— Да. Его осколок в моей душе. Из-за него я такая... жестокая, агрессивная, иногда теряю контроль. Но вместе с тем именно он даёт мне силу.

Батори подняла ладонь — в воздухе вспыхнуло пламя, обвитое тёмной дымкой.

— Огонь слушается меня, тьма подчиняется мне. Без этой силы я давно бы сгорела в пекле войн.

Авалон нахмурился.

— И всё же... это опасно. Такая сила может не просто помочь, она способна поглотить тебя полностью.

Батори на мгновение посмотрела на него прямо, её глаза сверкнули хищным огнём.

— Тогда пусть попробует, — холодно произнесла она. — Я не позволю даже Люциферу управлять мной. Это моё пламя. Моя тьма. И я решаю, кому сгореть в них.

Ветер донёс запах сухого песка. Вдали выросли силуэты пустынных гор, где их ждала встреча с неизвестным.

Авалон не ответил сразу. Он смотрел, как огонь и тьма в руке Батори смешиваются, словно два живых существа, борющиеся за власть. На её лице читалась уверенность, но в глубине глаз плясало нечто дикое, необузданное.

Она говорит, что контролирует это... — подумал он. — Но разве можно управлять частью самого Люцифера?

Он вспомнил слова Лилит: «Очисти её душу — и судьба станет на её сторону. Иначе она падёт в бездну».

Авалон перевёл взгляд на Батори. Она шла уверенно, словно каждая трещина в камне под ногами покорялась её шагам. В её походке было слишком много силы для обычного смертного.

Что, если она лишь думает, что владеет собой? Что если эта уверенность — всего лишь маска, за которой скрывается постепенное разложение её души?

Он нахмурился и всё же произнёс вслух:

— Батори... если ты ошибаешься, если однажды не смо-

жешь сдержать эту силу — я буду вынужден остановить тебя.

Она рассмеялась, и её смех отразился от скал гулким эхом.

— Попробуй, герой. Если придёт такой день — будь готов сгореть вместе со мной.

Её шаги ускорились, и впереди уже виднелись чёрные силуэты пустынных гор — границы, за которыми их ждала новая тайна.

Авалон пошёл следом, но мысль не отпускала его: спутница ли она ему на самом деле... или это путь рядом с будущим врагом?

Пустынные горы возвышались мрачной стеной, скрывая закатное солнце. Дорога вдоль скал тянулась узкой тропой, где ветер гнал песок и камни. Авалон и Батори продвигались к границе — он шёл сосредоточенно, она, с её пронизывающими голубыми глазами, оглядывала всё вокруг, словно в поиске угрозы.

И вдруг вдали послышался топот копыт. Сначала одинокий, резкий, затем гулкий хор преследователей. Из-за поворота вылетела всадница — её плащ был изодран, доспех треснут, а огромный двуручный меч в её руках отражал последние лучи солнца.

Она скакала, словно спасаясь от самой смерти, и, увидев их, резко натянула поводья. Конь заржал и поднялся на дыбы. Девушка прыгнула, воткнула клинок в землю, тяжело

дыша.

— Авалон!.. — в её голосе слышалась и ярость, и надежда. Авалон застыл, не веря своим глазам.

— Клейя?..

«Клея замерла, заметив Батори. Их взгляды встретились — и лишь на миг в глазах девушки мелькнула тень воспоминания. Но она быстро отвела взгляд: сейчас у неё были враги пострашнее».

Это было неожиданностью. Он знал её — когда-то он помог ей разорвать цепи, которыми её держал епископ. Но он и представить не мог, что встретит её здесь, у самой границы.

Клейя подняла голову, в глазах её пылала решимость.

— Ты... Ты спас меня от его власти. — Она судорожно вздохнула. — Теперь за мной вся инквизиция.

Клея обернулась к Батори, её взгляд был колючим, словно сталь меча.

— Странно видеть тебя рядом с Авалоном. — В её голосе звучала горечь. — Я думала, твой клинок уже был бы у меня в сердце.

Батори прищурилась, холодно скользнув глазами по беглянке.

— Может, ещё будет, — произнесла она ледяным тоном. — Но не сегодня.

Между ними повисло тяжелое молчание. Вдалеке всё громче раздавался топот копыт, вспыхивали новые факелы.

Авалон шагнул вперёд, перехватывая их взгляды.

— Хватит. Сейчас у нас враг один, и он приближается.

Клея стиснула зубы, выдернула клинок из земли и развернулась к дороге.

— Ладно. Старые счёты подождут.

Батори едва заметно усмехнулась, но пальцы её всё ещё лежали на рукояти меча.

Батори шагнула вперёд, её голубые глаза холодно изучали беглянку.

— Значит, это ты привела за собой весь этот сброд? — она кивнула на мерцающие факелы вдалеке, где надвигались инквизиторы.

Клейя сжала рукоять меча, вонзённого в песок.

— Я не собиралась втягивать вас. Но выбора у меня нет. Если они настигнут меня — я умру.

Авалон медленно выдохнул.

— Всё это время я думал, что ты потеряна для этого ми-

ра... А ты стоишь передо мной, с мечом и кровью на руках.

Батори скрестила руки.

— И что, Авалон? Возьмём её? Или оставим, чтобы её растерзали?

Факелы приближались, слышались боевые крики и звон оружия.

Клейя шагнула ближе, её голос зазвучал твёрдо:

— Я не прошу пощады. Но если ты всё ещё тот, кто когда-то помог мне обрести свободу — дай мне шанс сражаться рядом с вами.

Авалон посмотрел ей прямо в глаза, и впервые за долгое время в его взгляде мелькнуло что-то человеческое.

— Тогда поднимай меч, Клейя. В этой пустыне у нас нет прошлого — только враги и битва.

Батори усмехнулась, её глаза вспыхнули голубым пламенем.

— Ну, будет весело.

Трое встали рядом, и в тот миг первые всадники инквизиции ворвались на равнину.

Факелы приближались, их пламя дрожало в пустынном ветре. Гул копыт разносился по камням ущелья. Инквизиторы с криками вылетели из темноты — целый отряд, в чёрных плащах и с клеймами святого огня на щитах.

Клейя шагнула вперёд, её двуручный меч, словно игруш-

ка, лежал в одной руке. Она вскинула клинок, и вокруг неё засиял лёгкий ореол света, отражая блеск стали врагов.

— Я приму первый удар, — холодно бросила она.

Один из рыцарей метнулся к ней, но Клейя ударила с такой скоростью, что его щит разлетелся пополам, а сам он полетел на землю с рассечённой бронёй. Она двигалась почти невесомо, каждый её шаг был точен — словно танец святой, превращённый в бойню.

Авалон в это время шагнул вперёд, и механизмы на его чёрных доспехах заскрежетали. Из наручей вырвались цепи с зазубренными крюками. Он метнул их, приковав сразу двух врагов к земле.

— Никто не пройдёт. — Его голос был глухим, словно исходил из самой стали.

Один инквизитор попытался подобраться к нему сбоку, но Авалон резко раскрыл скрытый клинок на предплечье и ударил им, пронзив горло противника быстрым и точным движением.

Батори шагнула вперёд последней. Её голубые глаза вспыхнули так, что ближайшие инквизиторы инстинктивно попятились. Она подняла руку, и вокруг неё закружился вихрь тьмы, в котором вспыхнули языки алого пламени.

— Вы не знаете, с кем связались.

Огненный поток сорвался с её ладоней, и трое рыцарей сторели живьём, не успев даже закричать. Те, кто был дальше, бросились в атаку, но тьма, вырвавшаяся из Батори, вы-

тянула из них силы — их шаги стали тяжёлыми, дыхание затруднённым. Она шагала среди них, как королева битвы, и каждое её движение было приговором.

Клейя в этот момент разрубала врагов словно косой — двуручный меч в её одной руке с лёгкостью рассекал щиты, доспехи и плоть.

Авалон управлял цепями, связывая сразу нескольких противников и ломая им кости, а скрытый клинок завершал начатое.

А Батори сжигала остатки, превращая поле боя в пылающий ад.

Через несколько минут от отряда инквизиции не осталось почти ничего. Последние уцелевшие, дрожа от ужаса, развернули коней и помчались прочь, оставив равнину залитой кровью и пеплом.

Клейя вытерла меч о плащ павшего врага и посмотрела на Авалона.

— Думаешь, они вернуться?

Авалон убрал цепи в доспехи, его голос был холоден:

— Вернутся. И в большем числе.

Батори стояла среди трупов, её голубые глаза всё ещё сияли пламенем.

— Пусть приходят. Я хочу, чтобы этот мир понял: мы не жертвы. Мы — их конец.

Они остановились у самой кромки пустынных гор. Костёр трещал, бросая тени на каменные уступы. Ветер с пустыни

был сухим, и в этой тишине каждый звук казался громче.

Клейя сидела неподвижно, её белые, лишённые зрачков глаза смотрели в пустоту. Но она видела иначе — чувствовала. Вокруг Авалона сиял тяжёлый, но ровный свет, чёрный доспех лишь скрывал его. А вокруг Батори клубилось пламя тьмы, перемешанное с искрами огня. Оно пульсировало, словно дышало вместе с ней.

— Авалон, — вдруг сказала Клейя, её голос был твёрд, — ты ведёшь рядом с собой то, что я вижу как разлом. Она не человек и не демон. Она что-то третье.

Батори хмыкнула, лениво протянув:

— Слепая говорит о зрении. Забавно.

Клейя медленно повернула голову в её сторону.

— Я вижу больше, чем ты думаешь. Я чувствую, как твоя душа горит изнутри. И эта ярость... она не твоя. Она чужая.

Батори резко подняла взгляд, её голубые глаза вспыхнули в полумраке костра.

— Ты слишком много чувствуешь, святая. Может, займись собой, а не мною?

Клейя нахмурилась, её пальцы сжали рукоять огромного меча, который она держала одной рукой так легко, словно он был пером.

— Мне достаточно знать, что рядом с Авалоном идёт нечто опасное.

Батори поднялась. Её шаги были тяжёлыми, но в них звучала гордость. Она подошла ближе, склонилась к Клейе и по-

что шёпотом прошептала:

— Опасное? Да. Но именно это «опасное» не раз спасало ему жизнь.

Клейя чуть склонила голову, будто вслушиваясь не в слова, а в самую суть Батори.

— Внутри тебя... голос. Тьма. Она шепчет. Она не твоя. — Её лицо стало суровым. — Люцифер.

Батори замерла. Даже пламя костра будто дрогнуло.

— Кто тебе сказал?..

— Я сама почувствовала, — спокойно ответила Клейя. — Он внутри тебя. И если ты не обуздаешь его... он сожрёт тебя.

Между ними повисла тяжёлая тишина. Только ветер шевелил волосы и потрескивал костёр.

Авалон, сидящий рядом, сжал кулак.

— Хватит. — Его голос был низким и жёстким. — Я доверяю Батори. И если Люцифер внутри неё — значит, мы найдём способ превратить это в силу, а не проклятие.

Клейя чуть нахмурилась, но отступила, вновь опустившись на камень у костра.

— Я буду наблюдать за ней. Но не обещаю верить.

Батори тихо усмехнулась, возвращаясь на своё место.

— А мне и не нужно твоё доверие, святая.

Костёр трещал, отбрасывая алые блики на каменные стены ущелья. Тишина пустынных гор давила на уши, и даже ветер казался слишком громким.

Клейя сидела, положив рядом с собой тяжёлый меч. Её белые, незрячие глаза были обращены в сторону Батори.

— Ты скрываешь, — тихо сказала она. — Я чувствую в тебе шепот чужой силы. Это не твоя ярость. Это он. Люцифер.

Батори замерла, её пальцы стиснули землю. Несколько мгновений она молчала, потом встала, глядя на костёр своими яркими голубыми глазами.

— Я думала, — сказала она глухо, — что смогу держать это в себе. Но ты права. Да, часть Люцифера внутри меня. Его тьма. Его огонь. Его ненависть. Именно это делает меня такой.

Клейя нахмурилась, её пальцы на рукояти меча сжались крепче.

— Значит, ты — его сосуд.

Батори резко повернулась к ней, огонь костра отразился в её взгляде.

— Нет! — выкрикнула она. — Я — не он. Я — Батори. Я не позволю ему управлять мной. Да, я слышу его голос. Да, иногда он толкает меня убивать. Но без этой силы я бы давно погибла. И Авалон — тоже.

Авалон поднялся, встал между ними, положив ладонь на плечо Батори.

— Я видел, как она сражается, Клейя. Видел, как она удерживает в себе эту тьму. Она не его сосуд. Она — его тюрьма.

Клейя замолчала, её лицо стало жёстким, но в глубине души она почувствовала — слова Авалона правдивы. Батори

не лгала.

Батори медленно опустилась обратно на камень, вытирая ладонью пот со лба.

— Теперь вы знаете правду, — сказала она устало. — Я — та, кто держит в себе часть Принца Тьмы. И если я сорвусь... остановите меня.

Клейя, не отрываясь, смотрела на неё своими пустыми глазами.

— Хорошо, — ответила она наконец. — Но знай: я буду готова.

Ветер усилился, костёр треснул, и тени на камнях зашевелились, словно прислушиваясь к их словам.

Пустоши тянулись до горизонта, словно сама земля отвергла жизнь. Серое небо давило, песок хрустел под ногами. На пути им встречались хтонические чудовища: черви, вынырывающие из-под земли, слизи, оставляющие за собой ядовитые озёра, рои огромных насекомых с хитиновыми панцирями. Иногда из песка поднимались костяные руки личей, тянущиеся к живому теплу. Даже стихии восставали против них — песчаные элементали обрушивались вихрями, словно сама пустыня гнала их прочь.

Авалон в своих чёрных доспехах шёл впереди, цепи его оружия рвались во тьму, кромсая монстров. Батори жгла их огнём и разрывала тьмой, её глаза сверкали холодным голубым светом, от которого враги отступали. Клейя же — с тяжёлым мечом в одной руке — двигалась так быстро и точно,

что её удары походили на вспышки молний.

Но даже среди этого хаоса Клейя ловила в Батори странное сияние. Её незрячие глаза видели не облик, а **потоки силы**, и от Батори исходило нечто иное — чужое, опасное, но в то же время величественное.

Когда очередной лич рассыпался в прах, Клейя резко остановилась и обратилась к Авалону:

— Ты чувствуешь? — её голос был твёрд.

— Что именно? — нахмурился он.

— В ней. В Батори. Там ключ. Но и пропасть.

Батори, обтерев руку от крови чудовища, ухмыльнулась:

— Опять видения святой?

— Нет, — Клейя сделала шаг ближе, её пустые глаза сверкнули бледным светом. — Я не вижу свет или тьму. Я вижу судьбу. И твоя... слишком тяжела, чтобы ты могла её нести одна.

Батори сжала кулаки, но в её взгляде мелькнула тень — не страха, а понимания.

Авалон положил руку ей на плечо, глядя на Клейю:

— Значит, мы будем её щитом. Пока она сама не решит, кем быть: ключом к нашей победе или дверью в бездну.

Пустошь вновь ожила, и из песка выполз очередной червь. Но трое уже знали: их путь теперь не просто дорога сквозь чудовищ. Это дорога испытаний — для их доверия друг к другу.

Когда пустоши казались безмолвными, земля дрогнула.

Из-под песка начали выбираться **Когти Ада** — уродливые полудемоны с чешуйчатыми телами, длинными хвостами и лапами, похожими на огромные серповидные когти. Их глаза светились алым, а дыхание источало смрад серы.

— Полукровки демонов и древних ящеров, — хмуро произнёс Авалон, вскидывая цепи. — Они вырезали целые караваны на границах.

Первый бросился вперёд, когти прошли в сантиметре от шеи Клейи, но она отразила удар своим тяжёлым мечом одной рукой. Ещё двое навалились на Батори — когти рвали воздух, но её пламя обжигало их чешую, а тьма связывала движения.

Но враги были слишком быстры. Один из них обрушил хвост на Батори, сбив её с ног. Другой замахнулся, целясь когтями ей прямо в грудь.

И тогда вмешалась Клейя. Она бросилась вперёд, перехватив удар, и их меч с визгом скользнул по когтям демона. Батори, прижав ладони к земле, выпустила поток огня, и чудовище вспыхнуло изнутри.

— Я бы справилась, — буркнула Батори, поднимаясь.

— Ты бы умерла, — резко ответила Клейя. — Но если уж мы на одной стороне... держи спину прикрытой.

И они встали рядом.

В следующую минуту они двигались синхронно: Батори сжигала врагов пламенем, Клейя рубила их молниеносными ударами меча. Авалон, окружённый своими цепями, держал

линию и разрывал тех, кто прорывался.

Последний Коготь Ада попытался скрыться в песке, но Клейя метнула меч и пригвоздила его к земле. Батори подошла и сжала его голову пламенем, превращая в пепел.

Молчание. Песок снова осел.

Клейя перевела дыхание и впервые посмотрела на Батори без ярости, а с уважением.

— Ты опасна. Но в бою... ты надёжна.

Батори усмехнулась, вытирая кровь с губы.

— То же могу сказать о тебе, святая.

Авалон, глядя на них, только улыбнулся краем губ.

— Ну вот. Кажется, начинаем находить общий язык.

И именно там, среди тел когтей Ада и в мёртвых песках, зародилось то, что позже стало их ****дружбой**** — не простой, но настоящей, закалённой в крови и бою.

Огонь костра потрескивал в тёмной пустоши. Небо было густо усыпано звёздами, а вокруг валялись тела побеждённых когтей Ада.

Авалон сидел чуть в стороне, чиня свой доспех и проверяя механизм цепей. Батори, облокотившись на камень, держала в ладони маленькое пламя, лениво играя им, как будто сама решала — дать ему угаснуть или разгореться сильнее.

Клейя сидела напротив. Её бледные, стеклянные глаза смотрели прямо на Батори, но взгляд был не человеческий — он пробирал до глубины, как будто видел не тело, а душу.

— Ты спасла мне жизнь, — вдруг произнесла Клейя.

Батори чуть приподняла бровь и усмехнулась.

— А я думала, ты видишь во мне лишь угрозу.

— Так и есть, — честно ответила Клейя. — Но, может быть, именно эта угроза приведёт нас к победе.

Они замолчали, лишь костёр заполнял паузу треском веток.

— Мне не привыкать к ненависти, — тихо сказала Батори. — Всю жизнь я была одна. Но сегодня, когда ты шла рядом... это было новое чувство.

Клейя провела пальцами по рукояти своего огромного меча, задумчиво произнесла:

— Я тоже всегда была одна. Для церкви я была святыней, орудием, но не человеком. Даже сбежав, я не знаю, кто я. Но рядом с тобой я почувствовала, что не одна.

Батори слегка смутилась, но в её голубых глазах вспыхнуло тепло. Она впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

— Если даже святая говорит мне такое... может, мы всё-таки станем подругами.

Авалон, слушавший их разговор, усмехнулся и бросил в костёр сухую ветку:

— Я уж думал, вы перегрызёте друг другу глотки. Но, по-

хоже, судьба решила иначе.

Огонь вспыхнул ярче, и их трое на миг показались единым целым.

После долгих дней в пустынных горах, где каждую ночь им приходилось сражаться с тварями и чудовищами, они вышли к узкой тропе, ведущей вниз, в расщелину между отвесных скал. Там, среди серых камней и чёрного песка, раскинулся лагерь.

Факелы горели ровным светом, освещая палатки и шатры, выстроенные полукругом. Воздух был пропитан ароматом трав и дымом от костров — непривычно мирным после долгих боёв. На сторожевых башнях, собранных из грубо сколоченных брёвен, дежурили ученики Учительницы — мрачные воины, закалённые в пустыне.

Их встретила тишина. Даже ветер стих, будто признавая власть того, кто правил этим местом.

— Здесь... — прошептал Авалон, сдерживая дыхание. — Здесь живёт та, кого ты называла своей Учительницей?

Батори шагнула вперёд, её голубые глаза засияли ярче от огней лагеря. Она ощущала знакомую ауру — древнюю, тяжёлую, как сама ночь.

— Да. Я чувствую её силу. Она ждала меня.

Клейя невольно положила руку на рукоять меча. Её стеклянные глаза всматривались в огни лагеря так, словно сквозь них она видела души людей, собравшихся там.

— Осторожнее, — произнесла она тихо. — Эти воины...

их ауры не похожи на обычных. Они живут в вечной тьме и приняли её.

В этот момент несколько фигур в капюшонах вышли им навстречу. Один из них поднял руку, указывая на Батори.

— Она вернулась, — глухо произнёс он. — Учительница ждала.

И словно по команде лагерь ожил: факелы вспыхнули ярче, из шатров вышли ученики в чёрных доспехах, и над всем этим повисла странная тишина, будто ночь сама наклонилась к ним, желая услышать первый разговор с той, ради кого они здесь собрались.

Из самого большого шатра в центре лагеря вышла высокая женщина в длинных чёрных одеждах. На её лице скрывалась лёгкая маска из серебра, из-под которой сияли глаза — глубокие, как сама бездна. Её походка была величественной и спокойной, каждый шаг словно отзывался эхом по всей пустыне.

— Наконец, — произнесла она мягким, но повелительным голосом, — ты вернулась.

Батори замерла. Все её силы, вся жестокость и холодность в один миг будто растаяли. Она бросилась вперёд, почти как ребёнок, и обняла Учительницу. Впервые за долгое время её глаза наполнились слезами.

— Матушка... — прошептала она, дрожа. — Я пришла.

Учительница положила ладонь ей на голову, как мать, встречающая блудную дочь. В её движении не было строго-

сти, только безусловное принятие.

— Я всегда знала, что ты найдёшь дорогу обратно. Ты выросла сильной... сильнее, чем я могла мечтать.

Авалон и Клейя наблюдали со стороны. Для них Батори всегда была воплощением ярости и тьмы, а сейчас она стояла в объятиях женщины, словно простая девочка, нашедшая дом.

Клейя нахмурилась и тихо сказала Авалону:

— Это... не похоже на то, что я ожидала.

Авалон кивнул.

— Она смотрит на неё не как на ученицу, а как на дочь.

Учительница, не отпуская Батори, подняла взгляд на них. В её голосе зазвучала тихая, но непререкаемая сила:

— И вы привели её ко мне. За это — благодарю. Но знайте... отныне вы связаны с её судьбой. И пути назад не будет.

Батори же в этот момент чувствовала только одно: тепло. Впервые за всё время её странствий она снова была «дома». Для неё Учительница действительно была матерью, единственной, кого она любила безоговорочно.

Учительница повела их в сердце лагеря — в шатёр, скрытый за чёрными занавесями. Внутри было совсем не так, как снаружи: воздух был густой от запаха ладана, свечи горели алым пламенем, а стены были увешаны древними знаками и орудиями, будто хранили память целой эпохи.

Она усадила Батори напротив себя. Авалон и Клейя оста-

лись в стороне, ощущая, что станут свидетелями откровения, не предназначенного для чужих ушей.

Учительница долго молчала, вглядываясь в лицо Батори. В её глазах было столько любви, но и невыразимой печали. Наконец, она заговорила:

— Ты должна знать правду, дитя. Твоя мать... она всегда хотела тебя. Больше всего на свете. Но её чрево было слишком слабо. Врачи говорили, что ребёнок не выживет, а если чудом выживет — умрёт сама мать.

Батори затаила дыхание. Слёзы начали предательски блестеть в её глазах.

— Тогда, — продолжила Учительница, и её голос стал низким, почти шёпотом, — к ней явился он. Люцифер. Но это был уже не тот владыка, которого воспевают легенды. Он был ранен, разбит, умирающий. Лишь осколок его сущности блуждал по мирам, и этот осколок предложил сделку.

Учительница наклонилась ближе, её слова звучали как заклинание:

— Он пообещал, что твоя мать родит тебя живой... но взамен он вложит часть своей души в твою. Часть тьмы, которая не умрёт, пока ты жива.

Батори дрожала. Её губы сжались в тонкую линию, глаза сверкали.

— Значит... всё это время... я не я? Моя ярость, моя жажда крови... всё это от него?

— Нет, — резко ответила Учительница, взяв её за руки.

— Это от тебя. Ты — Батори. Его сила лишь дала тебе жизнь и оружие, но то, кем ты стала, выбирала только ты.

Батори не выдержала и всхлипнула, спрятав лицо в ладонях. Её плечи дрожали. Впервые она позволила себе быть слабой.

Авалон и Клейя стояли молча. Для них это было откровение: жестокая, непоколебимая Батори, что не знала страха, сейчас выглядела сломленной девочкой.

Учительница же обняла её, прижав к себе, и прошептала:

— Ты не проклята. Ты рождена судьбой. И то, что в тебе часть Люцифера... не клеймо, а ключ. Возможно, именно ты способна сделать то, что не смог никто — сокрушить бога.

В шатре повисла тяжёлая тишина. Только дыхание Батори и тихий шорох свечей нарушали её.

Учительница поднялась с места и, вытирая слёзы с лица Батори, сказала:

— Ты должна очиститься, дитя. Я обещала твоей матери, что защищу тебя, даже если сама заплачу за это жизнью. И я нашла способ.

Она достала из тайного сундука артефакт. Сфера — похожая на глаз. Полупрозрачная, словно внутри неё ворочалось пламя и тьма одновременно. Когда она загорелась алым светом, Авалон и Клейя невольно отшатнулись.

— Око Слияния... — выдохнул Авалон. — Я слышал ле-

генды. Говорят, оно может отделить душу от души. Но никто не осмеливался использовать его... цена всегда одна.

— Цена не для тебя, — спокойно произнесла Учительница. — А для меня.

Батори вскочила, её глаза наполнились паникой:

— Нет! Я не позволю! Если оно убьёт тебя, я... я не приму этого!

Учительница коснулась её щеки, улыбаясь нежно, почти матерински:

— Ты примешь. Потому что это и есть твой путь.

Она положила сферу Батори в ладони. Сфера вспыхнула, и в тот же миг воздух разорвал пронзительный крик — не человеческий. Тьма внутри Батори зашевелилась. Голос Люцифера разнёсся по шатру, тяжёлый и насмешливый:

— Глупая ведьма... ты думаешь, сможешь изгнать меня? Я — её кровь и её сила. Я часть её! Без меня она ничто!

Батори закричала от боли, рухнув на колени. Из её тела вырывались тени, багровое пламя охватывало её руки. Авалон хотел вмешаться, но Учительница подняла руку:

— Нет! Это моя битва за неё!

Она схватила Око Слияния обеими руками, вложив в него всю свою силу. Сфера загорелась ярче, и от Батори отделилась тьма — очертания крыльев, глаза, горящие как звёзды. Сущность Люцифера рванулась к ней, но цепи света оплели

её, не давая вернуться.

— Убирайся... прочь! — выкрикнула Учительница, и артефакт вспыхнул ослепительным светом.

Тьма завывала, разрывая пространство, и исчезла, словно её вышвырнули из самого мира. Батори упала на землю, её тело дрожало, но глаза впервые засияли чистым голубым светом.

Она стала *Мета*. Избранной судьбой.

Учительница же улыбнулась... и рухнула. Сфера в её руках потускнела, превратившись в пустую оболочку.

— Нет... — прошептала Батори, подползая к ней. — Нет, не оставляй меня...

Учительница с трудом коснулась её лица.

— Я всегда буду с тобой... в твоём сердце...

моя дочь...

И её дыхание оборвалось.

Батори закричала, прижимая к себе бездыханное тело. Пламя вокруг неё вспыхнуло, и даже Авалон с Клейей почувствовали, что отныне эта сила — не ярость Люцифера, а судьба самой Батори.

В чертогах, где воздух пропитан запахом серы и крови, в высоком чёрном троне сидела Лилит. Перед ней парил магический шар, в глубине которого отражалась сцена: Батори, склонившаяся над телом Учительницы, её слёзы капали на холодный камень. Рядом стояли Авалон и Клейя — молчаливые, растерянные.

Позади Лилит раздалось глухое шуршание. В тени выпрямилась Тиамат. Теперь её тело полностью восстановилось: чудовищные крылья расправились, отбрасывая тень на стены, когти сверкали, как чёрный обсидиан, а морда — смесь летучей мыши и демона — искажалась в ухмылке.

— Она выжила, — прорычала Тиамат, склонившись к шару. — А твой брат, Люцифер... изгнан. Ты позволила, чтобы это случилось?

Лилит не отводила взгляда от магического видения. Рыжие волосы обрамляли её лицо, а в глазах вспыхивала то тоска, то холодная расчётливость.

— Люцифер... — её голос стал мягким, почти нежным. — Сын Черногобога. Такой же изгнанник, как и я. Он восстал против отца, но его гордыня была проклятием. Он хотел возродиться в теле Батори, сделать её своим сосудом. Потому она была жестока. Потому её душа стонала от жажды крови.

Тиамат прищурилась, тени скользнули по её крыльям. — И ты не захотела, чтобы он вернулся?

Лилит тихо усмехнулась, положив ладонь на шар.

— Он был опасен даже для меня. В его ярости не было ни разума, ни стратегии. Только пламя разрушения. Мы были

похожи в своём бунте... но он сгорел в своей ненависти, а я выжила.

Она медленно поднялась, её тонкие пальцы скользнули по воздуху, и пламя свечей в зале дрогнуло.

— Батори очистилась. Теперь она — Мета. Избранная судьбой. Её душа принадлежит самой себе. Но это не освобождение... это лишь новая клетка.

Тиамат оскалилась, показывая ряды звериных зубов.

— Значит, ты не собираешься её убивать?

Лилит наклонилась вперёд, и в её глазах блеснул огонь интриги:

— Нет. Она нужна мне живой. В ней ключ к падению богов. Но главное... — её голос стал ядовито-сладким, — в отличие от Люцифера, я умею ждать.

Она отвернулась от шара, и Тиамат, расправив крылья, шагнула в тень, словно её хозяйка только что начертила новую линию в великой игре.

Пламя костра разрывает ночь красными языками, бросая на лица отблески. Ветер гонит пыль пустошей, а над ними — звёзды, холодные и далекие. Она сидела, обняв колени, и смотрела в огонь, будто пыталась найти там ответы. Рядом молча сидела другая — её белые, пустые глаза устремлены в

темноту, но выражение лица было спокойным и уверенно.

— Она сказала, что это всё была я.

Моя жестокость. Мои убийства. Моя жажда крови.

Не Люцифер, не его тьма, а я сама.

Кулаки сжались до боли.

— Но Лилит утверждала, что это был он. Его дух искажает мою душу, дергает за ниточки. Если верить ей, я просто кукла в его руках.

Так что же хуже?.. Быть чудовищем или марионеткой?

Долгая пауза. Лишь треск костра и посвист ветра.

— Хуже — это позволить другим решать, кто ты есть.

— Ты не понимаешь! Я чувствую эту тьму внутри себя. Стоит мне ослабнуть — и я готова сжечь всё вокруг. Может, она была права. Может, я и есть чудовище.

— Чудовище не сомневается. Чудовище не ищет прощения. И уж точно не спасает своих друзей от гибели.

Глаза вспыхнули, блеснув слезами и злостью.

— Друзей?! А если однажды я убью тебя? Ты не понимаешь, что рядом со мной ты ходишь по краю бездны?!

— А я не боюсь бездны. Потому что знаю: в тебе больше огня, чем тьмы.

Она отвела взгляд, тяжело дыша. Слезы всё же прорвались, скатились по щекам, но были торопливо стёрты рука-

ВОМ.

— Я... я не знаю, кто я.

Тёплая ладонь легла ей на плечо.

— А я знаю. Ты — та, кто может разорвать цепи судьбы. Не чудовище и не кукла. Ты — сама. И этого достаточно.

Слова повисли в воздухе, как обет. Её плечи дрогнули — не от ярости, а от облегчения. А затем вдруг прорвался смех — тихий, надломленный, сквозь слёзы.

И в ту ночь лёд между ними впервые треснул.

Огонь костра догорал, превращаясь в угли. Ветер утих, ночь будто прислушивалась к их разговору. Она всё ещё тяжело дышала, утирая слёзы, но взгляд оставался колючим, тревожным.

— Если всё это была я... если тьма внутри принадлежит мне... значит, я всегда буду ей.

— Нет, — прозвучал спокойный голос напротив. — Она сказала это не для того, чтобы сломать тебя. Она хотела, чтобы ты посмотрела в себя, без оправданий и иллюзий. Чтобы сама решила, кем быть.

— Думаешь, это был её замысел?

— Я уверена. Она могла изгнать тьму и спасти тебя... но знала: если ты сама не научишься видеть разницу, то одна-

жды снова падёшь.

Слова резали, но в них была правда, тяжёлая и светлая.

— Она... любила тебя, — продолжила собеседница, — как мать любит дочь. И потому не стала кормить тебя ложью, будто ты невиновна. Она дала тебе возможность сделать выбор.

Долгая пауза. Плечи дрогнули, и голос прозвучал уже тише, почти сдавленно:

— Выбор... Значит, всё это время она верила во меня больше, чем я сама?

— Да. И если ты сможешь принять эту тьму, не подчиниться ей, а обуздать — тогда ты станешь сильнее, чем была когда-либо.

Огонь в углях вспыхнул ярче, словно отвечая её сердцу. И в этом свете впервые на лице мелькнула не тоска, не злость, а слабая, но настоящая надежда.

Тишина затянулась. Она опустила голову, но уголки губ дрогнули — лёгкая, непривычная улыбка скользнула по лицу. Не злая, не упрямая — теплая, почти детская, как будто в ней на миг ожила та, кем она могла бы быть без боли и клейма тьмы.

Клейя заметила это и впервые позволила себе выдохнуть спокойно.

— Видишь, — сказала она мягко, — в тебе есть не только пламя и тьма. Есть то, что сильнее всего этого.

Сбоку раздался голос, низкий и уверенный:

— Я знал это.

Обе обернулись. Он сидел у огня, облокотившись на колени, и его чёрные доспехи поблёскивали в свете углей.

— Ты?.. — удивилась Клейя. — Ты доверяешь ей? После всего, что она сделала?

Он кивнул.

— Да. Потому что я видел её глаза в тот день, когда она могла убить меня, но не сделала. Она была полна ярости, но всё же остановилась. И в тот миг я понял: в ней есть выбор. А если у человека есть выбор — значит, в нём ещё есть свет.

Он перевёл взгляд на девушку у костра.

— Я доверился ей не потому, что уверен в её безупречности. Я доверился потому, что видел: она борется сама с собой сильнее, чем с кем-либо ещё.

Долгая пауза. Ветер шевельнул пепел, и над костром взвился слабый дымок.

— И потому, — продолжил он твёрдо, — я знаю: если однажды наступит момент истины, именно она встанет там, где будет нужнее всего.

Эти слова зависли в воздухе, наполнив ночь тяжестью и какой-то новой близостью. Впервые трое, разные и чуждые друг другу, ощутили себя частью одного пути.

Небо над царствами расколосось. Сначала — как тонкая трещина в стекле, за которой клубилась тьма. Но трещина ширилась, и сквозь неё хлынул свет, такой яркий, что люди

падали ниц, ослеплённые сиянием. Однако в этом свете не было милости.

Огромные тени начали прорываться сквозь небесный разлом. Демоны с крыльями из костей и дыма, ангелы в сияющих, но безжизненных доспехах — одинаково холодные, одинаково жестокие. Они падали на земли Белоридии и Аравии, на города, деревни и поля, разнося всё в огне и клинках.

Крики людей сливались с ревом чудовищ. Башни падали, земля раскалывалась от тяжести их шага. Впервые за многие века враждующие княжества осознали: границы и войны между ними не значат ничего перед лицом этой бури.

Высоко, за завесой небес, его голос звучал, как гул тысячи колоколов:

— Все души принадлежат мне. Ни одна не уйдёт. Мир падёт, и вечность станет моей.

Это было начало конца. Бог отправил в мир легионы демонов и ангелов, чтобы окончательно раздавить сопротивление и обратить каждое сердце в свою силу.

Пламя костра в лагере мерцало тихо и устало. Казалось, ночь обещала редкую передышку, но тишину разорвал топот копыт. Всадник, измождённый, с окровавленной повязкой на плече, ворвался в лагерь, едва держась в седле.

— Они... уже здесь... — прохрипел он и упал на землю.

Авалон шагнул к нему первым, помогая подняться. Но слова посланника прозвучали, как удар грома:

— Небо расколосось... из разлома сыплются ангелы и де-

моны. Целые княжества горят. Город за городом... они не различают ни греха, ни праведности.

Клейя сжала рукоять меча, её слепые глаза вспыхнули странным внутренним светом.

— Он начал зачистку. Для него все мы — лишь топливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.